

Крым без правил

Тематический обзор
ситуации с правами
человека в условиях
оккупации

Выпуск № 4

Информационная
оккупация

УГСПЛ

РЦПЧ

СНРОТ

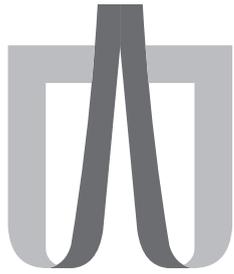
РЕГІОНАЛЬНИЙ ЦЕНТР ПРАВ ЛЮДИНИ

RCHR

REGIONAL CENTRE FOR HUMAN RIGHTS

Региональный центр прав человека - неправительственная организация, ядро которой составляют профессиональные адвокаты из Крыма и Севастополя, специализирующиеся на работе с международными стандартами прав человека.

rchr.org.ua

**Украинский Хельсинский
союз по
правам человека**

Украинский Хельсинский союз по правам человека - неприбыльная и неполитическая организация, крупнейшая ассоциация правозащитных организаций Украины, объединяющая 29 неправительственных организаций, целью деятельности которых является защита прав человека.

helsinki.org.ua

CHROT - экспертно-аналитическая группа, члены которой пожелали остаться анонимными.

Некоторые результаты работы этой группы представлены на сайте:

precedent.crimea.ua

Уважаемый читатель!

Крымские события начала 2014 года бросили вызов послевоенной системе международной безопасности. Они всколыхнули весь спектр человеческих эмоций — от утраты жизненных ориентиров до эйфории, от радостной надежды до страха и разочарования. Как и 160 лет назад к Крыму приковано внимание всей Европы. В этом издании мы постарались отрешиться от эмоций и через общечеловеческие ценности и исторический опыт рационально переосмыслить сложившуюся ситуацию. Надеемся, что издание будет интересным для всех, независимо от политических взглядов и отношения к этим событиям.

С. Заец
Р. Мартыновский
Д. Свиридова

Содержание

Введение	4
1. Международные стандарты	6
2. Международная уголовная ответственность за преступления, связанные со злоупотреблением свободой слова	11
3. Национальное законодательство и оккупационное регулирование:	
Украина	15
Российская Федерация	19
Крым и г.Севастополь	28
4. Крымские кейсы	30
5. Экспертно-аналитические и информационные материалы	46

Оккупация Крымского полуострова Российской Федерацией сопровождалась резкой сменой «правил игры» во всех сферах и, в частности, в сфере свободы слова и средств массовой информации. Действовавшие в Крыму СМИ были внезапно и беспрекословно помещены в жесткие рамки российского законодательства, которое, к тому же, было изменено с учетом «территориальных приобретений». В частности, требования о перерегистрации всех крымских СМИ, запрет на учреждение СМИ иностранными гражданами и многие другие «новшества» в законодательстве РФ вытеснили значительную часть тех, кто был не готов или не хотел приспособливаться к новым условиям или открыто проявлял нелояльность к оккупационным властям.

Последовательное ужесточение российского законодательства о противодействии экстремизму и сепаратизму, а также показательные процессы над журналистами и активистами, несогласными с оккупацией, оказали охлаждающий или даже «замораживающий» эффект на иных лиц, завершив процесс зачистки крымского информационного поля.

Следует отметить, что общая ситуация со свободой слова в России уже давно является неудовлетворительной, что подтверждается заявлениями многих правозащитных организаций в том числе. И тем не менее, Крым, который Россия объявила частью своей территории, подвергся еще более жестокому воздействию. Если в РФ процесс ограничения свободы слова происходил годами и позволял постепенно приспособливаться к изменяющимся условиям, то в Крыму все произошло внезапно.

Сразу после незаконной аннексии, российский парламент начал принимать недостающие законы и статьи в Уголовный кодекс, фактически пресекающие возможность любой дискуссии на тему принадлежности Крыма и законности его «присоединения». Частота внесения изменений в УК РФ после 2014 года возросла примерно в два раза. Многие из изменений затронули именно свободу слова. Любая открытая поддержка позиции структур ООН и Совета Европы о незаконном захвате Крыма и его принадлежности Украине с тех пор жестко пресекается уголовными преследованиями.

При этом вопрос о «вхождении» Крыма в состав РФ имеет большое политическое значение. Он может и должен являться предметом широкой общественной и политической дискуссии. Серьезно ограничив свободу слова в Крыму, изолировав от внешнего мира мнение всех недовольных или сомневающихся, власти РФ пытаются создать для мирового сообщества картинку всеобщего, решительного одобрения и поддержки ее действий со стороны крымчан. Однако, если действия страны-оккупанта по захвату полуострова действительно поддерживаются подавляющим большинством населения Крыма, зачем же тогда так жестко подавлять любые проявления несогласия с проводимой политикой и любые попытки напомнить об украинском статусе полуострова?

На современном этапе развития общества оккупация приобрела новое измерение – информационное. В открытости «рынка идей», на котором могут продаваться как полезные, так и вредные сообщения, состоят одновременно и сила, и слабость демократической организации общества. С одной стороны, это формирует критическое мышление, иммунитет и способность противостоять разным вызовам. С другой, такая открытость делает общество уязвимым для разного рода манипуляций и внедрения «токсичной» информации.

Отсутствие возможности открыто и честно обсуждать разные точки зрения создает иллюзию силы и всемогущества тоталитарного государства. При этом общество неспособно осознать момент, когда оно оказывается отравленным государственной пропагандой. История имеет трагические примеры того, насколько

болезненным бывает такое отравление общества и сложным последующее его оздоровление. Достаточно вспомнить нацистскую Германию 1930-1940-х годов и Руанду 1990-х.

Современный Крым под оккупацией России, похоже, стал новым вызовом системе международной безопасности и страшным примером грубейших нарушений прав человека в современной истории.

Международные стандарты

Помимо общих стандартов, которые касаются свободы выражения мнения, при оценке положения дела в контексте оккупации имеют значение также некоторые специфические стандарты. Это, например, касается борьбы с так называемым «языком ненависти» (статья 20 Международного пакта о гражданских и политических правах и статья 17 в сочетании со статьей 10 Европейской конвенции о правах человека)¹. Комитет ООН по правам человека подчеркнул, что ограничения касательно свободы выражения мнений, допускаемые в соответствии со статьей 20 Пакта, также могут применяться и в контексте статьи 19, устанавливающей требования допустимости ограничений². Европейский суд по правам человека неоднократно подчёркивал, что статья 10 защищает не только суть и содержание информации и идей, но и средства их передачи. Согласно практике Суда, пресса пользуется широчайшей защитой, в том числе в отношении конфиденциальности журналистских источников³.

Стоит помнить и о стандартах защиты журналистов и источников информации в условиях кризиса и/или в условиях конфликта. Особое значение имеет также практика Европейского суда по правам человека, которая касается так называемого «охлаждающего эффекта», поскольку действия властей РФ на оккупированных территориях во многом направлены на запугивание несогласных и культивирование самоцензуры⁴.

Всеобщая декларация прав человека 1948 года⁵

СТАТЬЯ 19

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года⁶

СТАТЬЯ 19

1. *Каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений.*

2. *Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору.*

3. *Пользование предусмотренными в пункте 2 настоящей статьи правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми:*

а) *для уважения прав и репутации других лиц;*

б) *для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.*

1 Более детально по этому поводу см. далее стенограмму публичной лекции судьи ЕСПЧ А. Юдковской.

2 J.R.T. and the W.G. Party v. Canada: <https://www.article19.org/pages/en/hate-speech-more.html>

3 http://www.echr.coe.int/Documents/FS_Journalistic_sources_RUS.pdf

4 Более детально по этому вопросу см.: Сергей Заец «Охлаждающий эффект» в практике Европейского суда по правам человека», с. 83-86 настоящего обзора.

5 http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

6 http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

СТАТЬЯ 20

1. Всякая пропаганда войны должна быть запрещена законом.
2. Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года⁷

СТАТЬЯ 10. СВОБОДА ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ

1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует Государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 года (ЖК IV)⁸

СТАТЬЯ 70

Оккупирующая держава не может подвергнуть аресту, преследованию или осудить покровительствуемых лиц за действия или мнения, совершенные или высказанные до оккупации или в период временного ее прекращения, за исключением случаев нарушения законов и обычаев войны.

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов (Протокол I), принят на дипломатической конференции в Женеве 8 июня 1977 года⁹

СТАТЬЯ 79. МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ЖУРНАЛИСТОВ

Журналисты, находящиеся в опасных профессиональных командировках в районах вооруженного конфликта, рассматриваются как гражданские лица в значении статьи 50, пункт 1.

Как таковые, они пользуются защитой в соответствии с Конвенциями и настоящим Протоколом при условии, что они не совершают никаких действий, несовместимых с их статусом гражданских лиц, и без ущерба праву военных корреспондентов, аккредитованных при вооруженных силах, на статус, предусмотренный статьёй 4 пункт

7 http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf

8 <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/geneva-convention-4.htm>

9 https://www.icrc.org/rus/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf

А 4) Третьей конвенции¹⁰.

Они могут получать удостоверение личности согласно образцу, который приводится в Приложении II к настоящему Протоколу. Это удостоверение, выдаваемое правительством государства, гражданином которого является журналист, или на территории которого он постоянно проживает, или в котором находится информационное агентство, в котором он работает, удостоверяет статус его предъясвителя как журналиста.

Декларация¹¹ и рекомендация¹² о защите журналистов в ситуациях конфликтов и напряженности 1996 года

Декларация содержит подтверждение того, что все журналисты, работающие в ситуациях конфликтов и напряженности, имеют право на полную защиту в контексте положений МГП и международного права прав человека. Декларация осуждает растущее число убийств, исчезновений и других нападений против журналистов и рассматривает такие действия как нападение на свободу ведения журналистской деятельности.

В своей рекомендации Комитет министров Совета Европы предлагает правительствам государств-членов руководствоваться в своих действиях и политике рядом основных принципов в контексте защиты журналистов в ситуациях конфликтов и напряженности. Указанные основные принципы должны быть применимы как по отношению к иностранным журналистам, так и к локальным журналистам без какой-либо дискриминации. Правительствам также рекомендуется широко распространять текст рекомендации, в частности, среди СМИ, журналистов и профессиональных организаций, государственных органов и их должностных лиц, как военных, так и гражданских лиц.

Рекомендация Комитета министров Совета Европы № R(2000)7 о праве журналистов не раскрывать их источники информации¹³

Рекомендация содержит перечень принципов по защите источников информации. При этом, закрепленные в рекомендации принципы не должны распространяться на случаи, которые соответствуют требованиям пункта 2 статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека, а также если к этому обязывает преобладающий общественный интерес, и если обстоятельства крайне важны для общества.

Резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы 1438 (2005) о свободе печати и условиях работы журналистов в зонах конфликтов¹⁴ и Рекомендация Парламентской ассамблеи Совета Европы 1702 (2005) о свободе печати и условиях работы журналистов в зонах конфликтов¹⁵

Эти два документа являются своевременным и необходимым ответом на сложившуюся ситуацию, когда, с одной стороны, журналисты все чаще сталкиваются с препятствиями и ограничениями при выполнении своих профессиональных обязательств, которые имеют решающее значение для осуществления права на информацию и, с другой стороны, сталкиваются с опасными условиями, которые серьезно подрывают их личную жизнь, свободу и безопасность.

10 Женевская конвенция (III) об обращении с военнопленными.

11 <https://goo.gl/ELG6mQ>

12 <https://rm.coe.int/16804ff5a1>

13 https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805e2fd2

14 <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17326&lang=en>

15 https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805d920c

Резолюция 1738 (2006), принятая Советом Безопасности ООН на 5613-м заседании 23 декабря 2006 года¹⁶

В указанной резолюции подчеркнута, что журналисты, задействованные в опасных миссиях в рамках вооруженных конфликтов, приравниваются к гражданским лицам и должны защищаться как таковые. СБ ООН подчеркнул, что в соответствии с положениями международного гуманитарного права нападения, преднамеренно направленные против гражданских лиц, представляют собой военные преступления, и всех сторон вооруженного конфликта СБ ООН настоятельно призвал уважать профессиональную независимость и права журналистов, сотрудников средств массовой информации и связанного с ними персонала как гражданских лиц.

Руководящие принципы Комитета министров Совета Европы 2007 года по защите свободы выражения мнений и информации во время кризиса¹⁷

Указанный документ очередной раз подчеркнул тот факт, что свобода выражения мнений, а также свобода СМИ имеют решающее значение для существования демократического общества и его дальнейшего развития. Руководящие принципы закрепили положения, которые следует использовать государствам-участникам Совета Европы в случае возникновения кризисной ситуации в контексте защиты прав и свобод журналистов.

Эти и другие документы доступны в сборниках Совета Европы¹⁸ и ОБСЕ¹⁹, посвященных безопасности журналистской деятельности и ее международно-правовой унификации.

Заключительные замечания Комитета ООН по правам человека по седьмому периодическому докладу Российской Федерации²⁰

1. Комитет рассмотрел седьмой периодический доклад Российской Федерации (CCPR/C/RUS/7) на своих 3136-м и 3137-м заседаниях (CCPR/C/SR.3136 и 3137), состоявшихся 16 и 17 марта 2015 года. На своем 3157-м заседании (CCPR/C/SR.3157), состоявшемся 31 марта 2015 года, он принял следующие заключительные замечания.

Свобода выражения мнения

19. Комитет обеспокоен несколькими событиями, которые отдельно и в совокупности оказывают существенное демотивирующее влияние на пользование свободой слова и выражение оппозиционных политических взглядов; к их числу относятся:

- a) восстановление уголовной ответственности за клевету в 2011 году;
- b) Федеральный закон № 190-ФЗ от ноября 2012 года, в котором определение термина «государственная измена» распространяется на оказание финансовой,

16 <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2006.shtml>

17 https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805ae60e

18 <https://rm.coe.int/16806b596f>

19 <https://www.osce.org/fom/85777?download=true>

20 Приняты Комитетом на его 113-й сессии (16 марта – 2 апреля 2015 года); <https://goo.gl/RdN6HJ>

материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации в деятельности, направленной против государственной безопасности;

с) Федеральный закон № 136-ФЗ («Закон об оскорблении чувств верующих») от июня 2013 года и судебное разбирательство по делу членов панк-группы «Pussy Riot», осужденных за хулиганство на основании статьи 213 Уголовного кодекса;

д) Федеральный закон № 398-ФЗ, разрешающий органам прокуратуры без решения суда направлять чрезвычайные требования о блокировании доступа к веб-сайтам, на которых, в частности, размещаются призывы к участию в «публичных мероприятиях, проводимых с нарушениями установленного порядка» или «экстремистской» либо «террористической» деятельности, который также применяется для блокирования новостных веб-сайтов (grani.ru и kasparov.ru) и блога оппозиционного лидера Алексея Навального;

е) закон о введении уголовной ответственности, в частности, за искажение роли Советского Союза во Второй мировой войне, подписанный Президентом 5 мая 2014 года;

ф) закон о регулировании деятельности блогов, подписанный Президентом 5 мая 2014 года, согласно которому организаторы распространения информации в Интернете, чьи блоги ежедневно посещают более 3 000 пользователей, обязаны соблюдать обременительные правовые требования и обязанности.

Комитет отмечает, что вышеупомянутые законы, как представляется, несовместимы с Пактом, поскольку необходимость введенных ограничений и пропорциональность ответных мер, по-видимому, не соответствуют четким требованиям пункта 3 статьи 19 Пакта.

Государству-участнику следует рассмотреть вопрос об отмене уголовной ответственности за клевету, а также в любом случае – санкционировать применение уголовного законодательства лишь в наиболее серьезных случаях, памятуя о том, что тюремное заключение никогда не является надлежащей мерой наказания за клевету. Ему следует отменить или пересмотреть остальные вышеупомянутые законы с целью их приведения в соответствие со своими обязательствами по Пакту, учитывая при этом замечание общего порядка № 34 (2011 года) Комитета о свободе мнений и их выражения. В частности, ему следует прояснить расплывчатые, широкие и гибкие определения ключевых терминов, употребляемых в этих законах, и принять меры к тому, чтобы они не использовались как инструмент ограничения свободы выражения мнений сверх тех узких ограничений, которые допускаются статьей 19 Пакта.

Международная уголовная ответственность за преступления, связанные со злоупотреблением свободой слова

Нюрнбергский трибунал (14 ноября 1945 – 1 октября 1946)

Одним из 24 подсудимых на Нюрнбергском процессе был немецкий пропагандист, радиоведущий, высокопоставленный чиновник Министерства народного просвещения и пропаганды Йозефа Геббельса, а также журналист - Ганс Фриче (Hans Fritzsche).

В приговоре Трибунала указано: «Нацистское правительство пыталось объединить народ для поддержки его политики путем усиленного использования пропаганды. В Германии был учрежден целый ряд официальных агентств, в обязанность которых входило осуществление контроля и оказание влияния на прессу, радио, кино, издательства и т. д. и надзор за развлечениями, искусством и культурой. Все эти официальные агентства были подчинены министерству народного просвещения и пропаганды, возглавлявшемуся Геббельсом, которое вместе с соответствующей организацией в НСДАП и с имперской палатой культуры несло полную ответственность за осуществление этого надзора. Подсудимый Розенберг играл ведущую роль в распространении национал-социалистских доктрин от имени партии, а подсудимый Фриче вместе с Геббельсом выполнял такую же задачу от имени государственных органов»²¹.

Ганс Фриче²²

Хотя Трибунал и признал Альфреда Розенберга виновным по всем разделам Обвинительного заключения и приговорил его к смертной казни через повешение, Ганс Фриче был оправдан. Судьи признали его невиновным в предъявленных ему преступлениях (подстрекательство и побуждение к совершению военных преступлений и преступлений против человечности путем преднамеренной фальсификации информации).

Несмотря на оправдательный приговор на Нюрнбергском процессе, вскоре Фриче был приговорен к 9 годам лишения свободы Западногерманским судом по денацификации за подстрекательство к антисемитизму. Судьи указанного суда отметили, что на протяжении всей своей карьеры в немецкой службе вещания, выступления Фриче соответствовали нацистской идеологии. Кроме того, после 1942 года, когда ему было поручено политическое руководство немецкой службой вещания и он был назначен начальником отдела радио Министерства пропаганды, влияние Фриче на формирование общественного мнения значительно усилилось.

Другим журналистом из числа представших перед Нюрнбергским трибуналом, был бывший гауляйтер Франконии, а также главный редактор антисемитской и антикоммунистической газеты «Дер Штюрмер» – Юлиус Штрейхер (Julius Streicher). Он был признан виновным в преступлениях против человечности, а именно в подстрекательстве к убийствам и уничтожению евреев. Штрейхер был приговорен Трибуналом к смертной казни через повешение.

Юлиус Штрейхер²³

21 https://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/pdf/NT_Vol-I.pdf с. 182 (192)

22 Ссылка на фото: <http://www.nndb.com/people/901/000087640/>

23 Ссылка на фото: <https://www.britannica.com/biography/Julius-Streicher>

В 1949 году Американским военным трибуналом в Нюрнберге по так называемому «Делу Вильгельмштрассе» был осужден к 7 годам лишения свободы еще один государственный деятель нацистской Германии, занимавшийся пропагандистской деятельностью, - Отто Дитрих (Otto Dietrich). Имперская служба прессы, возглавляемая Дитрихом, была одним из Главных управлений в системе Имперского руководства НСДАП, которая осуществляла связи НСДАП с общественностью и руководила всей партийной прессой, включая нацистские общественные организации.

Отто Дитрих²⁵

Трибунал признал Дитриха ответственным за совершение военных преступлений, преступлений против человечности, а также за участие в преступной организации, и при этом отметил, что цель, в частности, его пропагандистской деятельности, безусловно, состояла в том, чтобы настроить немцев против евреев, оправдать меры принятые против них, а также подчинить себе любые сомнения, которые могут возникнуть в отношении справедливости мер расового преследования, к которым должны были быть подвергнуты евреи²⁴.

Геноцид в Руанде 1994 года

СМИ сыграли важнейшую роль в разжигании конфликта в 1990-х годах в Руанде. Геноцид был организован небольшой группой лиц, которые стремились удержать власть в стране в своих руках. В дополнение к обычной системе субординации управления страной через армию, полицию, администрацию и военные формирования, они использовали радиопередачи для распространения «языка вражды», заключавшегося в призывах к убийствам сограждан. «Язык вражды» стал неотъемлемым компонентом геноцида в Руанде²⁶.

«Свободное радио и телевидение тысячи холмов» - руандийская радиостанция, разжигавшая межнациональную рознь и подстрекавшая к геноциду в Руанде в 1994 году. Сотрудники указанной радиостанции не только распространяли пропаганду против тутси (второй по численности народ Руанды – прим. авт.), но и

Фердинанд Нахимана²⁸,
соучредитель «Свободного радио
и телевидения тысячи холмов»

прямо призывали истреблять их, вплоть до перечисления подлежащих убийству людей с адресами их проживания²⁷.

3 декабря 2003 года Международный уголовный трибунал по Руанде вынес приговор по известному «медиа-делу». Двое из трех осужденных, а именно Фердинанд Нахимана и Жан-Боско Барайягвиза, были тесно связаны со «Свободным радио и телевидением тысячи холмов».

24 http://www.worldcourts.com/imt/eng/decisions/1949.04.13_United_States_v_Weizsaecker.pdf#search=%22weizsaecker%22

25 Ссылка на фото: http://spartacus-educational.com/Otto_Dietrich.htm

26 <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/13569/19095.pdf>

27 <http://www.rwandafile.com/rtlm/>

28 Ссылка на фото: <https://goo.gl/LrWQsb>

По мнению Трибунала, несмотря на то, что оружием обвиняемых были не мечете, а слова, подсудимые являются виновными в совершение преступления геноцида, заговора с целью совершения геноцида, публичном подстрекательстве к совершению геноцида и преступлениях против человечности²⁹.

Римский статут Международного уголовного суда³⁰

Международный уголовный суд (МУС) является первым постоянным международным органом уголовной юстиции, в компетенцию которого входит преследование лиц, ответственных за геноцид, военные преступления и преступления против человечности (по состоянию на 2017 год). Суд обладает юрисдикцией в отношении физических лиц, устанавливая индивидуальную уголовную ответственность за совершение вышеуказанных преступлений.

Лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, даже если оно не является непосредственно исполнителем преступления. Так, в соответствии со статьей 25(3) Римского статута МУС, лицо подлежит уголовной ответственности и наказанию за преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, если это лицо:

а) совершает такое преступление индивидуально, совместно с другим лицом или через другое лицо, независимо от того, подлежит ли это другое лицо уголовной ответственности;

б) приказывает, подстрекает или побуждает совершить такое преступление, если это преступление совершается или если имеет место покушение на это преступление;

с) с целью облегчить совершение такого преступления пособничает, подстрекает или каким-либо иным образом содействует его совершению или покушению на него, включая предоставление средств для его совершения;

д) любым другим образом способствует совершению или покушению на совершение такого преступления группой лиц, действующих с общей целью. Такое содействие должно оказываться умышленно и либо:

i) в целях поддержки преступной деятельности или преступной цели группы в тех случаях, когда такая деятельность или цель связана с совершением преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда; либо

ii) с осознанием умысла группы совершить преступление;

е) в отношении преступления геноцида, прямо и публично подстрекает других к совершению геноцида;

ф) покушается на совершение такого преступления, предпринимая действие, которое представляет собой значительный шаг в его совершении, однако преступление оказывается незавершенным по обстоятельствам, не зависящим от намерений данного лица. Вместе с тем лицо, которое отказывается от попытки совершить преступление или иным образом предотвращает завершение преступления, не подлежит наказанию в соответствии с настоящим Статутом за покушение на совершение этого преступления, если данное лицо полностью и добровольно отказалось от преступной цели.

В деле *The Prosecutor v. Callixte Mbarushimana* МУС уже сталкивался с проблемой злоупотребления свободой слова. Так, Прокурор МУС утверждал, что обвиняемый, будучи одним из лидеров Демократических сил освобождения Руанды (ДСОР), внес существенный вклад в преступления, совершенные этими силами (в контексте вооруженного конфликта на территории Демократической Республики Конго, начиная с января 2009 года). Офис прокурора МУС предъявил ему обвинение, в частности, в разработке и распространении международной медиа-кампании,

29 <http://unictr.unmict.org/sites/unictr.org/files/case-documents/ict9-99-52/trial-judgements/en/031203.pdf>

30 https://www.icc-cpi.int/nr/rdonlyres/ea9aeff7-5752-4f84-be94-0a655eb30e16/0/rome_statute_english.pdf

направленной на то, чтобы скрыть ответственность членов ДСОР за совершенные ими преступления, а также возложить вину за это на другие вооруженные группы, действующие на территории Конго в контексте вооруженного конфликта.

16 декабря 2011 года Палата предварительного производства МУС отметила, что доказательства, представленные Офисом прокурора, не являются достаточными для того, чтобы полагать, что подозреваемый может быть привлечен к уголовной ответственности по смыслу статьи 25(3)(d) РС МУС³¹.

Нельзя исключать того, что факты и анализ событий, связанных с оккупацией Крымского полуострова, которые будут приведены в данном аналитическом обзоре, в будущем также могут стать предметом изучения Офисом прокурора МУС.

31 https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2011_22538.PDF

С апреля 2014 года в нарушение норм международного права РФ распространила действие своего законодательства на территорию оккупированного Крыма. При первом знакомстве сложно уловить различия в нормативном регулировании свободы выражения мнения, деятельности СМИ и работы журналистов в Украине и в России. В самом деле, сходные декларации в Конституции, Гражданском кодексе, похожие положения профильных законов и иных нормативных актов обещают равные условия для реализации права придерживаться своих взглядов, получать и передавать информацию и идеи без вмешательства государства. И только более пристальный взгляд позволяет выявить различия в законодательствах двух стран. Влияние этих различий огромно.

Ниже приведен анализ норм законодательства Украины, российского законодательства и норм так называемой «Республики Крым», ограничивающих свободу слова. Важно понимать, что вследствие оккупации произошла резкая смена правил игры в сфере свободы слова. Даже если нормы законодательства РФ сами по себе не нарушают международные стандарты свободы слова, изменение правил игры уже представляет собой вмешательство в эту сферу, которое сложно оправдать. Однако, помимо этого, законодательство РФ содержит положения, которые несовместимы со стандартами свободы слова. Эти факторы нанесли непоправимый урон свободе слова на полуострове.

УКРАИНА

Конституция Украины

Согласно части 3 статьи 15 Конституции Украины цензура запрещена. Согласно статье 34 Конституции каждому гарантируется право на свободу мысли и слова, на свободное выражение своих взглядов и убеждений. Каждый имеет право свободно собирать, хранить, использовать и распространять информацию устно, письменно либо иным способом - по своему выбору. Осуществление этих прав может быть ограничено законом в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка с целью предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья населения, для защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Гражданский кодекс Украины

(1) Кодекс содержит ряд положений, которые гарантируют каждому уважение его достоинства и чести (статья 297), его деловой репутации (статья 299), его индивидуальности (статья 300), а также на уважение права свободно собирать, хранить, использовать и распространять информацию (статья 302). В то же время, Гражданский кодекс содержит положения, которые допускают ограничение этих прав. В частности, речь идет о праве на тайну корреспонденции (статья 306), защите интересов физического лица при проведении фото-, кино-, теле- и видео съемок (статья 307), охране интересов физического лица, которое изображено на фотографиях и в других художественных произведениях (статья 308).

(2) В статье 309 закреплено, что цензура процесса творчества и результатов творческой деятельности не допускается.

Закон Украины «Об информации» № 2657-XII³²

(1) В соответствии со статьей 5 Закона № 2657-XII, каждый имеет право на информацию, которое предусматривает возможность свободного получения, использования, распространения, хранения и защиты информации, необходимой для реализации своих прав, свобод и законных интересов. Однако в Законе предусмотрены случаи, когда право на информацию может быть ограничено (часть 2 статьи 6).

(2) Закон содержит положения общего характера относительно запрета цензуры и вмешательства в профессиональную деятельность журналистов и СМИ (статья 24), а также гарантий деятельности СМИ и журналистов (статья 25), описан порядок аккредитации журналистов и работников СМИ (статья 26).

(3) Предусмотрено, что отсутствие аккредитации не может быть основанием для отказа в допуске журналиста, работника СМИ на открытые мероприятия, которые проводит субъект властных полномочий. Субъекты властных полномочий, которые осуществили аккредитацию журналистов, работников средств массовой информации, обязаны способствовать проведению ими профессиональной деятельности; заблаговременно извещать их о месте и времени проведения сессий, заседаний, совещаний, брифингов и других публичных мероприятий; предоставлять им информацию, предназначенную для средств массовой информации; а также способствовать созданию условий для осуществления записи и передачи информации, проведение интервью, получения комментариев должностных лиц. В случае если мероприятие проводится в соответствии с международными или другими специальными протоколами, могут устанавливаться особые условия допуска журналистов.

(4) Закон также содержит положения об ответственности за злоупотребления правом на информацию (статья 28). В частности, информация не может быть использована для призывов к свержению конституционного строя, нарушения территориальной целостности Украины, пропаганды войны, насилия, жестокости, разжигание межэтнической, расовой, религиозной вражды, совершения террористических актов, посягательство на права и свободы человека.

Также предусмотрено освобождение от ответственности за высказывание оценочных суждений (статья 30).

Закон Украины «О телевидении и радиовещании»³³

Закон направлен на реализацию свободы слова, прав граждан на получение полной, достоверной и оперативной информации, на открытое и свободное обсуждение общественных вопросов. Государство гарантирует реализацию прав на информацию, на свободное и открытое обсуждение общественно важных проблем с применением телевидения и радиовещания (статья 4). Статья 5 Закона отмечает, что цензура информационной деятельности телерадиоорганизации запрещается. В статье 6 Закона закреплены общие условия злоупотребления свободой деятельности при телерадиоорганизации.

32 <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2657-12>

33 <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/3759-12/>

Закон Украины «О печатных средствах массовой информации (прессе) в Украине»³⁴

(1) Статья 2 Закона предусматривает право каждого свободно и независимо искать, получать, фиксировать, хранить, использовать и распространять любую информацию с помощью печатных СМИ. В соответствии с Законом, запрещается создание и финансирование государственных органов, учреждений, организаций или должностей для цензуры массовой информации.

(2) Право на основание печатного СМИ принадлежит гражданам Украины, гражданам других государств, не ограниченными в гражданской правоспособности и гражданской дееспособности, юридическими лицами Украины и других государств, трудовым коллективом предприятий, учреждений и организаций на основе соответствующего решения общего собрания (конференции). Печатное СМИ может издаваться после его государственной регистрации. Статьи 11-13 Закона предусматривает подачу заявления о государственной регистрации в центральный орган исполнительной власти.

Органы государственной власти, другие государственные органы и органы местного самоуправления не могут выступать основателем печатных СМИ.

Право на учреждение телерадиоорганизаций как субъектов хозяйствования в Украине принадлежит юридическим лицам Украины и гражданам Украины, не ограниченным в гражданской дееспособности.

(3) В Украине запрещается учреждать и участвовать в телерадиоорганизациях или провайдерах программной услуги: органам государственной власти и органам местного самоуправления, юридическим лицам, которые они основали на всех уровнях цепочки владения корпоративными правами телерадиоорганизации, если решение об их создании или положение о них не предусматривает полномочий учреждать телерадиоорганизации; юридическим лицам и физическим лицам - предпринимателям, зарегистрированным в оффшорных зонах, перечень которых утвержден Кабинетом Министров Украины, а также лицам без гражданства; физическим и юридическим лицам, которые являются резидентами страны, признанной Верховной Радой Украины государством-агрессором или государством-оккупантом, а также юридическим лицам, участниками (акционерами) которых являются юридические или физические лица, на всех уровнях цепочки владения корпоративными правами телерадиоорганизации и конечным выгодоприобретателем; политическим партиям, профсоюзным, религиозным организациям и юридическим лицам, которые они основали на всех уровнях цепочки владения корпоративными правами телерадиоорганизации или провайдера программной услуги; гражданам, которые по приговору суда отбывают наказание в местах лишения свободы или признаны судом недееспособными. Участие иностранных физических и/или юридических лиц в уставном капитале телерадиоорганизаций регулируется Хозяйственным кодексом Украины (статья 12 Закона).

(4) Право на учреждение информационного агентства в Украине принадлежит гражданам и юридическим лицам Украины. Иностранцы и иностранные юридические лица имеют право соучредителями информационных агентств Украины. Государственной регистрации подлежат все информационные агентства и представительства информационных агентств, учреждаются или действуют в Украине. Государственная регистрация представительств иностранных

³⁴ <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2782-12>

информационных агентств как субъектов информационной деятельности осуществляется после аккредитации их корреспондентов в Министерстве иностранных дел.

Государственная регистрация субъектов информационной деятельности

Постановление Кабинета Министров Украины № 1287 от 17 ноября 1997 года «О государственной регистрации печатных средств массовой информации, информационных агентств и размеры регистрационных сборов»³⁵

Согласно Постановлению, государственную регистрацию печатных СМИ как субъектов информационной деятельности осуществляет Министерство юстиции. Приказ Министерства юстиции Украины № 12/5 от 21 февраля 2006 года «Об утверждении Положения о государственной регистрации печатных средств массовой информации в Украине и Положения о государственной регистрации информационных агентств как субъектов информационной деятельности»³⁶ детально регламентирует указанные организационные вопросы регистрации.

Согласно положениям статьи 38 **Закона Украины «О телевидении и радиовещании»**, субъекты хозяйствования, которые получили лицензию на вещание и лицензию провайдера программной услуги, подлежат государственной регистрации как субъекты информационной деятельности. Лица, не имеющие лицензий на вещание, могут зарегистрироваться как субъекты информационной деятельности по собственному желанию.

Статья 18 **Закона Украины «О печатных средствах массовой информации (прессе) в Украине»** предусматривает порядок прекращения выпуска печатного средства массовой информации по решению учредителя (соучредителей) или суда.

В статье 18 **Закона Украины «Об информационных агентствах»³⁷** предусмотрено, что деятельность информационного агентства прекращается в случае его реорганизации (слияния, присоединения, разделения, выделения, преобразования) или ликвидации: по инициативе учредителя (соучредителей) и на основании решения суда.

Деятельность журналистов

Статус журналиста и гарантии журналистской деятельности в Украине регламентированы совокупностью норм, которые содержатся в различных нормативных актах.

Закон Украины «О государственной поддержке средств массовой информации и социальной защите журналистов»³⁸

Как составная часть законодательства Украины о свободе слова и информационной деятельности, указанный Закон усиливает систему правового регулирования в информационной сфере. В соответствии со статьей 4 Закона, государственная поддержка СМИ осуществляется путем протекционистской политики

35 <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1287-97-%D0%BF>

36 <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/z0173-06>

37 <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/74/95-%D0%B2%D1%80>

38 <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/540/97-вр>

снижения потребительской стоимости информационной продукции, включая налоговое, тарифное, таможенное, валютное и хозяйственное регулирование, возмещение убытков, предоставление финансовой помощи. Согласно статьи 1 Закона, журналист - творческий работник, который профессионально собирает, получает, создает и занимается подготовкой информации для СМИ, выполняет редакционно-должностные служебные обязанности в СМИ (в штате или на внештатных началах).

Статья 25 **Закона Украины «О печатных средствах массовой информации (прессе) в Украине»** дает определение понятию *журналист редакции печатного средства массовой информации*, которым является творческий работник, который профессионально собирает, получает, создает и занимается подготовкой информации для печатного СМИ и действует на основании трудовых или других договорных отношений с его редакцией или занимается такой деятельностью по ее поручению, что подтверждается редакционным удостоверением или иным документом, выданным ему редакцией этого печатного СМИ.

Статья 25 **Закона Украины «Об информации»**, содержит ряд гарантий деятельности СМИ и журналистов. В соответствии с пунктом 7 данной статьи, права и обязанности журналиста, работника СМИ, определенные этим Законом, распространяются на зарубежных журналистов, работников зарубежных СМИ, работающих в Украине.

Некоторые ограничения свободы слова относительно сбора и использования информации содержатся в **Законо Украины «О государственной поддержке СМИ и социальной защите журналистов»**. Так, в соответствии со статьей 15 Закона, журналист, работая в местах вооруженных конфликтов, совершения террористических актов, при ликвидации опасных преступных групп, обязан соблюдать требования относительно неразглашения планов специальных подразделений, сведений, сведений, являющихся тайной досудебного расследования, не допускать фактической пропаганды действий террористов и других преступных групп, их поступков и заявлений, специально инспирированных для СМИ, не выступать в роли арбитра, не вмешиваться в инцидент, не создавать искусственного психологического напряжения в обществе.

Статьей 171 **Уголовного кодекса Украины** установлена ответственность за умышленное препятствование законной профессиональной деятельности журналистов.

Статья 17 **Закона Украины «О государственной поддержке СМИ и социальной защите журналистов»** предусматривает ответственность за посягательство на жизнь и здоровье журналиста, другие действия против него и ответственность журналиста за нанесенный им моральный (неимущественный) вред.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Конституция РФ³⁹

Согласно статье 29 Конституции каждому гарантируется свобода мысли и слова. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

³⁹ <http://www.constitution.ru>

Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается.

Гражданский кодекс РФ⁴⁰

В соответствии с частью 1 статьи 152 Кодекса, гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или другим аналогичным способом.

Федеральный Закон РФ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁴¹

(1) Согласно статье 8 Федерального Закона граждане (физические лица) и организации (юридические лица) вправе осуществлять поиск и получение любой информации в любых формах и из любых источников при условии соблюдения требований, установленных настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами.

(2) Статья 9 Федерального Закона устанавливает ограничения доступа к информации в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

(3) Статья 10.1 Федерального Закона предусматривает обязанности организатора распространения информации в сети Интернет, который обязан уведомить о начале осуществления своей деятельности соответствующий орган, обязан хранить всю информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или иных электронных сообщений пользователей сети Интернет и информацию об этих пользователях в течение шести месяцев с момента окончания осуществления таких действий, а также предоставлять указанную информацию уполномоченным государственным органам в предусмотренных законом случаях.

(4) Статья 10.2 Федерального Закона закрепляет специальный статус блогера, которым является владелец сайта, и (или) страницы сайта в сети Интернет, на которых размещается общедоступная информация, а также доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей. Такие сайты или страницы сайта включаются в специальный реестр. Введение отдельного статуса для блогеров, в силу обязанностей по законодательству РФ об информации, направлен на усиление цензуры в сети Интернет.

Постановление Правительства РФ № 1101 от 26.10.2012 года⁴²

Постановление конкретизирует вышеуказанный Федеральный закон № 149-ФЗ, создает единый реестр доменных имён, указателей страниц сайтов и сетевых

40 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

41 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

42 <https://rg.ru/2012/10/29/reestr-dok.html>

адресов, позволяющих идентифицировать сайты, содержащие запрещенную информацию. Созданием, формированием и ведением указанного реестра занимается Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее - Роскомнадзор). Основаниями для включения в единый реестр доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в сети Интернет, а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие запрещенную информацию, являются:

1) решения Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Федеральной налоговой службы - в отношении распространения посредством сети «Интернет» информации, подпадающей под предмет деятельности одного из указанных государственных органов РФ;

2) вступившее в законную силу решение суда о признании информации, распространяемой посредством сети «Интернет», запрещенной информацией.

Статьей 15.3 **Федерального закона № 149-ФЗ** также установлена процедура, в соответствии с которой Генеральный прокурор РФ или его заместители направляют требование в Роскомнадзор о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим информацию с нарушением закон.

Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» № 2124-1⁴³

(1) В соответствии со статьей 2 Закона, под СМИ понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием).

(2) Закон установил и конкретизировал основы свободы слова на территории РФ. В соответствии со статьей 3 Закона, цензура массовой информации, то есть требование от редакции СМИ со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей, - не допускается.

В то же время, статья 4 закона содержит положения относительно недопустимости злоупотребления свободой массовой информации. В частности, Закон запрещает использование СМИ в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости, и материалов, содержащих нецензурную брань.

(3) Согласно статье 7 Закона учредителем (соучредителем) СМИ может быть гражданин, объединение граждан, организация, государственный орган. Учредителем (соучредителем) печатного СМИ в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ может быть орган местного

43 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/

самоуправления. Не может выступать учредителем: гражданин, не достигший восемнадцатилетнего возраста, либо отбывающий наказание в местах лишения свободы по приговору суда, либо душевнобольной, признанный судом недееспособным; объединение граждан, предприятие, учреждение, организация, деятельность которых запрещена по закону; гражданин другого государства или лицо без гражданства, не проживающее постоянно в РФ.

Федеральный закон № 305-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации»⁴⁴

(1) 14 октября 2014 года Закон РФ № 2124-1 был дополнен статьей 19.1. «Ограничения, связанные с учреждением средства массовой информации, организации (юридического лица), осуществляющей вещание». Согласно данной нормы, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации, иностранное государство, международная организация, а также находящаяся под их контролем организация, иностранное юридическое лицо, российское юридическое лицо с иностранным участием, иностранный гражданин, лицо без гражданства, гражданин Российской Федерации, имеющий гражданство другого государства, в совокупности или каждый в отдельности, не вправе выступать учредителем (участником) средства массовой информации, являться редакцией средства массовой информации, организацией (юридическим лицом), осуществляющей вещание.

(2) Установлен запрет иностранному государству, международной организации, а также находящейся под их контролем организации, иностранному юридическому лицу, российскому юридическому лицу, доля иностранного участия в уставном капитале которого составляет более 20 процентов, иностранному гражданину, лицу без гражданства, гражданину РФ, имеющему гражданство другого государства, в совокупности или каждому в отдельности осуществлять владение, управление либо контроль прямо или косвенно (в том числе через подконтрольных лиц или посредством владения в совокупности более 20 процентами долей (акций) любого лица) в отношении более 20 процентов долей (акций) в уставном капитале лица, являющегося участником (членом, акционером) учредителя средства массовой информации, редакции СМИ, организации (юридического лица), осуществляющей вещание.

Таким образом, право быть учредителем (соучредителем) СМИ в РФ более ограничено, чем в Украине, в связи с чем граждане Украины не могут быть учредителями СМИ на территории РФ. Применение этого правила на оккупированной территории Крымского полуострова сделало невозможным работу украинских СМИ либо требовало от их учредителей принятия гражданства РФ.

Статьей 23 **Закона РФ «О средствах массовой информации»** определён статус информационного агентства: на них одновременно распространяются статус редакции, издателя, распространителя и правовой режим СМИ.

Закрепляя статус информационного агентства, Закон о СМИ не дает определения данному термину. Действующее федеральное законодательство вообще не содержит трактовки информационного агентства. До 2005 года определение данного понятия можно было найти в Федеральном законе от 1 декабря 1995 г. № 191-ФЗ «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации», понимающем под информационным агентством «организацию, осуществляющую сбор и оперативное распространение информации».

⁴⁴ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_169740/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100017

Однако Федеральным законом от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ данный нормативный акт признан утратившим силу с 1 января 2005 года.

Специфика информационных агентств заключается в том, что информацию они распространяют не периодически, а по мере появления. Основными потребителями информации информационных агентств являются СМИ. Информационные агентства создаются, регистрируются, действуют и ликвидируются по общим правилам, предусмотренным для всех СМИ.

Государственная регистрация СМИ

Закон РФ «О средствах массовой информации»

(1) Согласно статье 8 СМИ осуществляет свою деятельность после его регистрации. Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет может быть зарегистрирован как сетевое издание в соответствии с настоящим Законом. Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, не зарегистрированный в качестве СМИ, средством массовой информации не является.

(2) Статья 16 Закона предусматривает порядок прекращения и приостановления деятельности. Кроме общих случаев, предусмотрена возможность прекращения судом деятельности средства массовой информации являются неоднократные в течение двенадцати месяцев нарушения редакцией требований статьи 4 недопустимость злоупотребления свободой массовой информации. Деятельность СМИ может быть также приостановлена в связи с нарушением правил, установленных статьей 19.1 «Ограничения, связанные с учреждением средства массовой информации, организации (юридического лица), осуществляющей вещание».

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»⁴⁵

Деятельность СМИ может быть прекращена в случае осуществления средством массовой информации экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда, деятельность соответствующего средства массовой информации может быть прекращена по решению суда на основании заявления уполномоченного государственного органа, осуществившего регистрацию данного средства массовой информации, либо федерального органа исполнительной власти в сфере печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, либо Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему соответствующего прокурора (статьи 8, 11).

Федеральный закон «Об особенностях правового регулирования отношений в области средств массовой информации в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образование в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города Федерального значения Севастополя»⁴⁶ от 01.12.2014

(1) В соответствии с Законом регистрация СМИ, продукция которых предназначена

45 <https://rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html>

46 https://82.rkn.gov.ru/directions/p15378/reg_smi/

для распространения на территориях субъектов Российской Федерации - Республики Крым и города федерального значения Севастополя, предоставление лицензий на телевизионное вещание, радиовещание на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя до 1 апреля 2015 года осуществляются без взимания платы.

(2) Распространение продукции СМИ, включая осуществление телевизионного вещания, радиовещания, на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя на основании документов, выданных государственными органами Украины, допускается до 1 апреля 2015 года.

Деятельность журналистов

Закон РФ «О средствах массовой информации»

(1) Согласно положений статьи 2 Закона журналистом считается лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации, связанное с ней трудовыми или иными договорными отношениями либо занимающееся такой деятельностью по ее уполномочию. Права и обязанности журналистов предусмотрены в статьях 47, 49 указанного Закона. В целом, статус журналиста в РФ могут иметь гораздо более широкий круг лиц, в сравнении с Украиной. Однако обязательным условием в данном случае является государственная регистрация такого СМИ.

(2) Статья 51 данного Закона предусматривает недопустимость злоупотребления правами журналистов, а именно: не допускается использование прав журналиста в целях сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений, распространения слухов под видом достоверных сообщений, сбора информации в пользу постороннего лица или организации, не являющейся средством массовой информации.

(3) Запрещается использовать право журналиста на распространение информации с целью опорочить гражданина или отдельные категории граждан исключительно по признакам пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, языка, отношения к религии, профессии, места жительства и работы, а также в связи с их политическими убеждениями.

(4) Статус зарубежных корреспондентов на территории РФ регулируется статьей 55 Закона, согласно которого аккредитация зарубежных корреспондентов в РФ производится Министерством иностранных дел РФ в соответствии со статьей 48 Закона. Зарубежные корреспонденты, не аккредитованные в РФ в установленном порядке, пользуются правами и несут обязанности как представители иностранного юридического лица.

Антиэкстремистское законодательство и деятельность СМИ

В соответствии со статьей 13 **Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁴⁷**, пунктом 7 **Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации**, утвержденного Указом Президента

⁴⁷ <http://base.garant.ru/12127578/>

Российской Федерации от 13.10.2004 № 1313⁴⁸, на Минюст России возложены функции по ведению, опубликованию и размещению в сети Интернет федерального списка экстремистских материалов.

Информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании представления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу.

Федеральный список экстремистских материалов формируется на основании поступающих в Минюст России копий, вступивших в законную силу решений судов о признании информационных материалов экстремистскими.

Признание организаций экстремистскими в РФ осуществляется в порядке вынесения судебного решения на основании заявления Генерального прокурора РФ или подчиненного ему соответствующего прокурора. Механизм привлечения отдельных лиц и организаций к экстремистской деятельности, на сегодня, является одним из самых применимых инструментов борьбы с инакомыслием на территории РФ.

В соответствии с действующими законодательствами РФ граждане несут ответственность за размещение в сети – Интернет материалов экстремистского содержания и в зависимости от обстоятельств, совершенного противоправного деяния, несут административную либо уголовную ответственность.

Кодексом об административных правонарушениях РФ⁴⁹ предусмотрена ответственность за производство и распространение экстремистских материалов (статья 20.29).

Уголовным кодексом РФ⁵⁰ предусмотрена ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (статья 205.2), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (статья 280), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (статья 282).

Уголовная ответственность за сепаратизм и реабилитацию нацизма в РФ

Федеральный закон от 28.12.2013 № 433-ФЗ «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации»⁵¹, вступил в силу 9 мая 2014 года

(1) Согласно Закона, Уголовный кодекс РФ был дополнен статьей 280.1 «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации». Согласно данной нормы предусмотрена уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ, - наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на

48 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49892/

49 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/

50 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

51 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156577/

тот же срок. Также предусмотрена ответственность за те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

(2) Стоит отметить, что данный закон был принят по результатам законодательной инициативы главы КПРФ Геннадия Зюганова в 2013 году. Согласно пояснительной записке к проекту закона, вводимые нормы должны были позволить предупреждать возможные сепаратистские тенденции и призывы к действиям по уступке частей территории России иностранным государствам, а также пресекать распространение сведений, оправдывающих эти действия.

Федеральный Закон от 05.05.2014 года № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵² от 5 мая 2014 года

Уголовный кодекс РФ был дополнен статьей 354.1, которая предусматривает ответственность за реабилитацию нацизма.

Согласно данной норме, отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично, наказываются штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок. Также предусмотрена ответственность за распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично.

Иные формы ответственности и ограничений в сфере деятельности СМИ

Уголовный кодекс РФ

(1) Статья 128.1. Уголовного кодекса РФ предусматривает ответственность за клевету. Ранее данная статья была декриминализована, но в 2012 года Федеральным законом от 28.07.2012 № 141-ФЗ⁵³ кодекс вновь дополнен этой нормой. При этом под клеветой понимается распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Квалифицирующим признаком, предусматривающим более строгое наказание, является клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрируемом произведении или СМИ. Также статья была дополнена новым составом: клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, а равно клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера.

(2) За совершение уголовного правонарушения, предусмотренного статьей 128.1 УК РФ предусмотрены наказание в виде штрафа либо обязательные работы. При этом максимальный размер штрафа предусмотрен в размере 5 миллионов рублей, а

⁵² http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162575/

⁵³ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133284/

обязательные работы могут быть назначены на срок до 480 часов.

(3) Кроме того, статья 319 УК РФ предусматривает ответственность за публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением.

Федеральный закон РФ «О противодействии терроризму»⁵⁴ № 35-ФЗ
(принят 6 марта 2006 года, вступил в силу с 1 января 2007 года)

(1) Согласно Закону, терроризмом является идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Террористическая деятельность включает в себя, кроме других элементов, пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

(2) В соответствии с Законом, организация признается террористической и подлежит ликвидации (ее деятельность - запрещению) по решению суда на основании заявления Генерального прокурора РФ или подчиненного ему прокурора в случае, если от имени или в интересах организации осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных статьями 205 - 206, 208, 211, 220, 221, 277 - 280, 282.1 - 282.3 и 360 Уголовного кодекса РФ. В признании организаций террористическими главную роль также играет прокуратура РФ. Суд принимает соответствующее решение на основании обращения Генпрокуратуры РФ.

Федеральный закон «О некоммерческих организациях»⁵⁵ № 7-ФЗ

(1) Законом определены особенности гражданско-правового положения некоммерческих организаций. При этом введено понятие «иностранный агент».

Под некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента понимается российская некоммерческая организация, которая получает денежные средства и иное имущество от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства либо уполномоченных ими лиц и (или) от российских юридических лиц, получающих денежные средства и иное имущество от указанных источников (за исключением открытых акционерных обществ с государственным участием и их дочерних обществ), и которая участвует, в том числе в интересах иностранных источников, в политической деятельности, осуществляемой на территории РФ.

(2) В соответствии с частью 1 статьи 24 Закона, материалы, издаваемые некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, и (или) распространяемые ею, в том числе через СМИ и (или) с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, должны сопровождаться указанием на то, что эти материалы изданы и (или) распространены некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента.

54 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/

55 <http://base.garant.ru/10105879/>

Федеральный Закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»⁵⁶ (принят 21 декабря 2012 года, вступил в силу с 1 января 2013 года)

(1) Законом урегулирована деятельность иностранных и международных неправительственных организаций. В соответствии с Законом, деятельность иностранной или международной неправительственной организации, представляющая угрозу основам конституционного строя РФ, обороноспособности страны или безопасности государства, может быть признана нежелательной на территории РФ.

(2) Признание нежелательной на территории РФ деятельности иностранной или международной неправительственной организации влечет за собой запрет на создание (открытие), прекращение в определенном законодательством РФ порядке деятельности ранее созданных (открытых) на территории РФ таких структурных подразделений, а также запрет на распространение информационных материалов, издаваемых иностранной или международной неправительственной организацией и (или) распространяемых ею, в том числе через СМИ и (или) с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также производство или хранение таких материалов в целях распространения. Также запрещается осуществление на территории РФ программ (проектов) для иностранной или международной неправительственной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории РФ.

(3) Решение о признании нежелательной на территории РФ деятельности иностранной или международной неправительственной организации принимается Генеральным прокурором РФ или его заместителями по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере международных отношений РФ.

(4) В соответствии с **Порядком ведения Перечня иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации, включения в него и исключения из него иностранных и международных неправительственных организаций⁵⁷** включение либо исключение организаций с указанного перечня осуществляется Министерством юстиции РФ на основании поступившей информации из Генеральной прокуратуры РФ. Признание деятельности иностранной или международной неправительственной организации нежелательной на территории РФ может происходить только на основании решения Генеральной прокуратуры РФ.

КРЫМ

Конституция так называемой «Республики Крым»⁵⁸

Согласно документу, каждому гарантируется свобода мысли и слова. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и

56 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139994/

57 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_185658/

58 <https://rg.ru/2014/05/06/krim-konstituciya-reg-dok.html>

распространять информацию любым законным способом. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается.

Указ так называемого «Главы Республики Крым» «Об утверждении Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Республике Крым на 2015-2018»⁵⁹

(1) Комплексным планом разработаны меры по предупреждению радикализации различных групп населения Республики Крым, прежде всего молодежи, и недопущения их вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность.

(2) Согласно положениям Комплексного плана, под идеологией терроризма (террористической идеологией) понимается совокупность идей, концепций, верований, догматов, целевых установок, лозунгов, обосновывающих необходимость террористической деятельности, а равно иных деструктивных идей, которые привели или могут привести к такой идеологии.

(3) К числу лиц, ведущих деструктивную деятельность, отнесены «пособники участников вооруженных конфликтов в Сирии и на Украине»; «распространители террористической, экстремистской идеологии и сведений, дискредитирующих Российскую Федерацию»; «активные члены и идеологи нетрадиционных религиозных организаций и сект, осуществляющих свою деятельность в Республике Крым».

(4) В числе запланированных мероприятий предлагается внедрение мер защиты интернет-пространства Республики Крым от проникновения террористических и экстремистских материалов, деструктивной информации, инструкций по изготовлению взрывных устройств, призывов к совершению террористических актов; работу по выявлению и блокированию интернет-сайтов, содержащих террористические и экстремистские материалы.

Правила аккредитации журналистов, работников средств массовой информации, информационных агентств в так называемом «Государственном Совете Республики Крым»⁶⁰, утверждены 25.11.2014 Постановлением так называемого «Президиума Государственного Совета Республики Крым» № 222-1/14

(1) Правилами ужесточен порядок аккредитации журналистов и создан ряд ограничений на освещение работы Государственного совета Крыма. Расширен перечень документов, которые необходимо прикладывать к заявке на аккредитацию. Несоответствие заявки на аккредитацию предъявленным требованиям является основанием для отказа в аккредитации. Предусмотрена аккредитация только работников СМИ, имеющих государственную регистрацию, введены количественные ограничения по аккредитации от одного СМИ. Введены разные формы аккредитации и различия в правах между журналистами разных форм аккредитации, введен термин аккредитация «по аккредитационным спискам», предусмотрен разрешительный порядок на использование журналистами в работе средств аудио- и видеотехники, кино- и фотосъемки. Заявку на их применение необходимо подавать в пресс-службу не позднее, чем за сутки до проведения мероприятия.

(2) Введены санкции в виде лишения на год права на получение годовой аккредитации в случае утери, кражи, порчи и т.д. удостоверения об аккредитации. Правила ввели требование о соблюдении журналистами делового стиля одежды. Невыполнение требований Правил является одним из оснований для прекращения аккредитации.

59 http://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_238807.pdf

60 <http://www.crimea.gov.ru/app/4201>

Крымские кейсы

После начала оккупации в феврале 2014 года и еще до проведения так называемого «референдума» многие независимые крымские и севастопольские журналисты подверглись преследованию и были вынуждены покинуть территорию полуострова.

По подсчетам Татьяны Курмановой, редактора Центра журналистских расследований, пик нападений на журналистов пришелся на март 2014 года (таких случаев было зафиксировано 85). С апреля был ограничен доступ к публичной информации. А уже к маю 2014 года неудобные новой «власти» СМИ практически прекратили свою деятельность на полуострове⁶¹. Детальный обзор ситуации с преследованиями журналистов в Крыму после оккупации был также проведен международной неправительственной организацией «Комитет защиты журналистов»⁶².

Начальный этап физического выдавливания журналистов из Крыма сменился периодом систематического запугивания, которое касается и тех, кто оказался за пределами оккупированной территории. Обыски и уголовное преследование, проводимые оккупационными властями, имеют своей целью не только и не столько наказать тех, кого они непосредственно касаются, сколько заставить замолчать и всех остальных. Такая политика коснулась не только профессиональных журналистов. Давлению за выражение мнения подвергаются блогеры, правозащитники и активисты. Далее приведены некоторые истории, которые иллюстрируют ситуацию с преследованием журналистов и СМИ на полуострове.

Анна АНДРИЕВСКАЯ

Журналист, автор информационного агентства «Центр журналистских исследований»

г. Симферополь, АР Крым

В мае 2014 года крымская журналистка Анна Андриевская, опасаясь преследований со стороны оккупационных властей, выехала в г. Киев. Тем не менее, она продолжила сотрудничать с Центром журналистских расследований.

2 февраля 2015 года следственным отделом Управления ФСБ РФ в Крыму было возбуждено уголовное дело по части 2 статьи 280.1 УК РФ. Основанием для возбуждения указанного дела стала публикация Анны Андриевской на сайте Центра журналистских расследований под названием «Волонтеры батальона «Крым». В этой публикации оккупационные власти усмотрели призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ.

В статье преимущественно шла речь о волонтерах, которые помогают крымчанам, сражающимся в зоне проведения антитеррористической операции и защищающим территориальную целостность Украины на Донбассе. С текстом статьи можно ознакомиться по ссылке: <https://investigator.org.ua/ua/articles/144257/>.

13 марта 2015 года сотрудники Управления ФСБ РФ в Крыму провели обыск в квартире родителей Анны Андриевской в Крыму. Во время обыска был изъят компьютер отца журналистки⁶³.

ФСБ России обязало сотрудников почты сообщать о любой корреспонденции,

61 См. по этому поводу отчет Крымской полевой миссии: <https://goo.gl/bpTpVh>

62 <https://cpj.org/ru/2015/07/post-94.php>

63 https://lb.ua/news/2015/03/13/298405_fsb_nachala_noviy_vitok_presledovaniya.html

поступающей на имя А. Андриевской. Сама журналистка утверждает, что цензуре подвергается вся корреспонденция, поступающая по адресу ее регистрации в Крыму, в том числе, адресованная членам ее семьи.

Согласно данным с сайта Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), журналистка внесена в Перечень террористов и экстремистов⁶⁴.

Сегодня Анна Андриевская продолжает свою работу в качестве журналиста на материковой части Украины.

Заир АКАДЫРОВ

Главный редактор интернет-издания «Аргументы недели – Крым», с марта 2014 года журналист-фрилансер.

г. Симферополь, АР Крым

6 марта 2014 года крымский журналист Заир Акадыров уволился с должности главного редактора интернет-издания «Аргументы недели – Крым» со ссылкой на то, что в издании фактически была введена пророссийская цензура.

18 мая 2015 года в качестве журналиста-фрилансера он освещал проведение автопробега с крымскотатарскими флагами, материалы публиковал в блоге.

15 января 2016 года журналист был задержан полицией в зале Верховного суда Республики Крым⁶⁵. В суде проходило заседание по резонансному политически мотивированному уголовному делу. Акадыров присутствовал в качестве блогера и фрилансера. К журналисту применили физическое насилие и угрозы, доставили в полицию, обыскали и допросили, в том числе о его профессиональной деятельности. Осуществлению дальнейших планов спецслужб помешало вмешательство общественности. Во время допроса в полиции журналист узнал, что значится в «списках ФСБ» как участник «автопробега 18 мая 2015 года» и за ним ведется наблюдение.

27 января 2016 года журналиста вызвали в прокуратуру Железнодорожного района г. Симферополя для «беседы».

20 апреля 2016 года в доме Заира Акадырова был проведен обыск. После обыска журналист был вызван в управление ФСБ в Крыму для допроса.

30 мая 2016 года российские спецслужбы задержали Акадырова во время пересечения административной границы между оккупированным Россией Крымом и материковой частью Украины. После «беседы» с сотрудниками ФСБ журналиста отпустили.

По собственному утверждению журналиста, в Крыму сейчас царит страх и закрытость. Многие отказываются встречаться с журналистами иностранных СМИ, потому что боятся последствий и давления со стороны правоохранительных органов⁶⁶.

64 <http://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act>

65 <https://ru.krymr.com/a/news/27489628.html>

66 <https://ru.krymr.com/a/27528188.html>

Елизавета БОГУЦКАЯ

Крымский блогер, общественный активист

г. Симферополь, АР Крым

С начала оккупации в 2014 году выражала проукраинскую позицию на своей странице в социальной сети Facebook. В своих блогах неоднократно выражала несогласие с оккупацией Крыма, навязанным российским гражданством, захватами украинских территорий на Востоке и т.п.

24 августа 2014 года участвовала в митинге посвященному Дню независимости Украины возле памятника Т.Г. Шевченко в г. Симферополе.

8 сентября 2014 года в ее доме сотрудниками полиции был проведен незаконный обыск. В ходе обыска были изъяты компьютер, фотоаппарат, USB-флеш-накопитель и прочая техника. После обыска Богуцкая была задержана и доставлена в Центр противодействия экстремизму для допроса. Допрос длился более 6 часов. Свои действия сотрудники полиции объясняли тем, что ее сообщения в социальной сети Facebook разжигают межнациональную рознь и провоцируют межнациональные конфликты.

Источник фото – Facebook <https://www.facebook.com/namatullaev/posts/712097372204028>

На следующий день, опасаясь за свою жизнь, она покинула территорию полуострова⁶⁷.

«Я уехала ночью... Я решила, что лучше буду писать статьи на свободе, чем не писать их в тюрьме» (из интервью)⁶⁸. На данный момент Елизавета Богуцкая проживает на материковой части Украины.

Лилия БУДЖУРОВА

До марта 2015 года заместитель генерального директора телеканала АТР. Заместитель генерального директора QaraDeniz production.

г. Симферополь, АР Крым

В 2014 году оккупационные власти объявили журналистке Лилии Буджуровой предостережение о недопустимости

67 <http://investigator.org.ua/news/136402/>

68 <https://www.youtube.com/watch?v=jCtPTR7Dsmw&list=UU2oGvjJwxn1KeZR3JtE-uQ>

осуществления экстремистской деятельности. Поводом послужила деятельность единственного на полуострове крымскотатарского телеканала ATR, в котором журналист занимала должность заместителя генерального директора.

2 ноября 2015 года в доме журналистки в Симферополе сотрудниками ФСБ России был проведен обыск. Адвоката к Бурджуровой не пустили. Изъяли все носители информации, ноутбук, планшет, телефоны, USB-флеш-накопители, диски, старые видеокассеты, личный архив журналистки⁶⁹. Действия ФСБ во время обыска были обжалованы адвокатами журналистки.

18 ноября 2015 года подконтрольный российским властям Киевский районный суд города Симферополя отказал Лилии Буджуровой в удовлетворении жалобы на действия сотрудников ФСБ во время обыска.

30 мая 2016 года российские оккупационные власти вновь объявили Лилии Буджуровой предостережение о недопустимости нарушения законодательства о противодействии экстремистской деятельности. На этот раз поводом послужила публикация на странице в социальной сети Facebook, где журналист призывала помочь детям арестованных оккупационными властями крымских татар.

После закрытия в Крыму телеканала ATR в марте 2015 года, журналист фактически лишилась возможности заниматься профессиональной деятельностью. На сегодня Буджурова продолжает жить на территории оккупированного полуострова.

Игорь БУРДЫГА

Журналист в hromadske.ua, журналист-фрилансер в Deutsche Welle (DW). В прошлом репортер РБК-Украина.

г. Киев

11 мая 2016 года Игорь Бурдыга приехал в оккупированный Крым для присутствия в качестве слушателя на судебном заседании по уголовному делу в Верховном суде Республики Крым, а также для освещения подготовки к годовщине депортации крымских татар и участвовавших в связи с этим арестов и задержаний на полуострове.

Во время перерыва в судебном заседании, Бурдыгу задержали, с его слов, двое полицейских в штатском, доставили в здание Железнодорожного райотдела полиции г. Симферополя, где подвергли допросу с участием сотрудников ФСБ. Допрос был связан с его журналистской деятельностью. В частности, вопросы касались его репортажа о деятельности организации «Правый сектор» на киевском Евромайдане в феврале 2014 года. Кроме того, его допросили по делу о подрыве опор линий электропередач в ноябре 2015 года⁷⁰, незаконно отобрали отпечатки пальцев, образцы слюны и отпечатки подошв обуви. Допрос также касался всех последних поездок и репортажей Игоря, его знакомств с крымскими активистами, коллегами журналистами, покинувшими Крым после оккупации. Около 20 часов того же дня журналиста отпустили, после чего он вынужден был спешно покинуть полуостров. О незаконном задержании и давлении со стороны оккупационных властей журналист написал в одном из своих материалов⁷¹.

69 <https://ru.krymr.com/a/27342918.html>

70 В результате подрыва электрических опор в Херсонской области в ночь на 20 ноября 2015 года были выведены из строя две из четырех магистральных линий электропередач, по которым осуществлялось энергоснабжение территории Крыма.

71 <https://daily.rbc.ua/rus/show/poldnya-fsb-eshche-odna-istoriya-akkreditatsiyu-1463131347.html>

Татьяна ГУЧАКОВА

*Журналист, ранее заместитель
главного редактора сайта
BlackSeaNews*

г. Ялта, АР Крым

9 апреля 2015 года в доме журналистки Татьяны Гучаковой сотрудники ФСБ РФ в Крыму провели обыск. Обыск проводился в связи с возбуждением уголовного дела в отношении другого журналиста сайта BlackSeaNews - Андрея Клименко и длился 10 часов. В ходе обыска были изъяты компьютерная техника, телефон, факсовый аппарат, документы, визитки. После обыска сотрудники ФСБ увезли журналистку на допрос⁷².

Вызовы на допросы повторились через некоторое время. Во время допросов Гучаковой давали прослушать записи личных телефонных разговоров журналистки, сделанных спецслужбами РФ⁷³ и задавали вопросы по их содержанию.

После третьего допроса в так называемом ФСБ Крыма Татьяна Гучакова приняла решение покинуть оккупированный полуостров.

Андрей КЛИМЕНКО

*Главный редактор газеты «Большая
Ялта News», соучредитель и главный
редактор сайта «Blackseanews.net»,
Глава наблюдательного совета Фонда
«Майдан иностранных дел»*

г. Ялта, АР Крым

С начала оккупации журналист и главный редактор сайта «Blackseanews.net» покинул территорию Крыма и продолжает освещать события в Крыму.

10 марта 2015 года ФСБ в Крыму возбудило против Клименко уголовное дело по статье 2801 УК РФ. Согласно данным с сайта Росфинмониторинга журналист внесен в Перечень террористов и экстремистов под номером 3414. Уголовное преследование он связывает со своей профессиональной деятельностью.

Со слов журналиста, в связи с уголовным делом в отношении него было допрошено не менее 20 журналистов, были проведены обыски, изъято оборудование (для примера, см. дело журналистки Татьяны Гучаковой выше).

Андрей Клименко и все журналисты сайта «Blackseanews.net» покинули Крым и работают на материковой части Украины⁷⁴.

⁷² <https://ru.krymr.com/a/26947411.html>, <https://ru.krymr.com/a/news/26948258.html>

⁷³ <http://qha.com.ua/ru/obshchestvo/est-li-svoboda-slova-v-krimu/152932/>

⁷⁴ <http://glavred.info/politika/andrey-klimenko-krym-obhoditsya-rossiyskoy-ekonomiki-tak-zhe-dorogo-kak-chechnya-i-ingushetiya-433407.html>

Наталья КОКОРИНА

*Редактор Информационного агентства
«Центр журналистских исследований»*

г. Симферополь, АР Крым

13 августа 2015 года в квартире родителей Натальи Кокориной сотрудники ФСБ России произвели обыск. Адвоката при проведении обыска в дом не допустили. Были изъяты документы, три ноутбука, в том числе ноутбуки родителей журналистки⁷⁵.

После обыска Наталью доставили на допрос в управление ФСБ РФ в Крыму. Допрос продолжался шесть часов.

Обыск и допрос Кокориной проводился в связи с уголовным делом, возбужденным по факту публикации «Волонтеры батальона «Крым» на ресурсе Центра журналистских исследований. В дальнейшем уголовные обвинения в связи с подготовкой указанного материала были предъявлены журналистке Анне Андриевской.

Опасаясь дальнейших преследований Наталья Кокорина покинула оккупированную территорию и выехала на материковую часть Украины.

Эмиль КУРБЕДИНОВ

*Адвокат и правозащитник, оказывает
правовую помощь по многим
политически мотивированным делам в
Крыму.*

г. Симферополь, АР Крым

Эмиль Курбединов осуществляет профессиональную защиту по многим уголовным делам, которые ведутся властями РФ против крымчан. Часто это дела, которые имеют признаки политических преследований. В частности, он защищает журналиста Николая Семену (см. дело Н. Семены), членов Меджлиса крымскотатарского народа Ильми Умерова и Ахтема Чийгоза, мусульман по обвинению в причастности к деятельности организации Хизб-ут Тахрир и многих других. Факты давления на него были зафиксированы, в частности, международной правозащитной организацией Amnesty International⁷⁶.

26 января 2017 года недалеко от дома крымского татарина Сейрана Салиева, куда Курбединов следовал для участия в обыске, он был задержан сотрудниками Центра противодействия экстремизму МВД РФ в Республике Крым и доставлен в г. Симферополь для допроса. Одновременно в его доме также был проведен обыск.

В отношении адвоката был составлен протокол об административном правонарушении по статье 20.3 КоАП РФ. Согласно протоколу, нарушение состояло в публичной демонстрации видео, в котором содержалась символика мусульманской организации Хизб-ут Тахрир. Эта организация признана экстремистской на территории РФ.

В тот же день постановлением Железнодорожного районного суда г. Симферополя, подконтрольного властям РФ, Курбединову было назначено

⁷⁵ <https://www.svoboda.org/a/26900078.html>

⁷⁶ <https://www.amnesty.org/en/documents/document/?indexNumber=eur50%2f5595%2f2017&language=en>

наказание в виде 10 суток административного ареста.

Примечательно, что видео, в публичной демонстрации которого оккупационные власти усмотрели нарушение российского законодательства, было размещено им в одной из социальных сетей 5 июня 2013 года – то есть, задолго до начала оккупации.

В последующем, в мае 2017 года адвокат был награжден международной организацией Front Line Defenders премией для правозащитников, которые находятся в опасности, в связи с давлением, которое на него оказывают власти РФ⁷⁷.

По данному факту подана жалоба в Европейский суд по правам человека в связи с нарушением властями РФ права распространять информацию без вмешательства государства (статья 10 ЕКПЧ).

Сергей МОКРУШИН

Корреспондент Информационного агентства «Центр журналистских расследований», журналист «Громадське.Крим», ведущий в проекте Радио Свобода «Крым.Реалии»

г. Симферополь, АР Крым

Будучи корреспондентом Информационного агентства «Центр журналистских расследований», Сергей Мокрушин занимался журналистскими расследованиями, в том числе в отношении незаконных действий представителей власти Крыма.

2 июня 2014 года Мокрушин вместе с режиссером Владленом Мельниковым были незаконно задержаны и жестоко избиты представителями так называемой «крымской самообороны» в Симферополе. По словам «самооборонцев», журналисты якобы оскорбляли честь и достоинство высших должностных лиц РФ⁷⁸.

13 августа 2015 года Сергей Мокрушин вместе с коллегами пришел к управлению ФСБ в Крыму, чтобы поддержать журналиста Наталью Кокорину (дело Н. Кокориной см. выше). В ходе этой акции полицейские переписали паспортные данные у всех ее участников. Свои действия полицейские обосновали приказом начальства.

Также журналист проводил собственное расследование по обстоятельствам, связанным с возбуждением властями Крыма уголовного дела в отношении активиста Майдана Александра Костенко. Последнего обвиняли в нанесении телесных повреждений сотруднику «Беркута» на Майдане в Киеве. Александр Костенко в дальнейшем был незаконно осужден оккупационными властями, а украинские правозащитные организации признали его политическим заключенным. По информации Сергея Мокрушина, своим расследованием он помешал планам сотрудников ФСБ Крыма фальсифицировать дело в отношении активиста А. Костенко⁷⁹.

По мнению журналиста, сразу после аннексии Крыма журналисты, занимающие проукраинскую позицию, работали практически как партизаны (не обсуждали важные дела по телефону, не выступали под собственными именами), работать фактически стало невозможно. Опасаясь преследований, журналист принял решение покинуть Крым, и сейчас продолжает профессиональную деятельность на материковой части Украины.

77 <https://www.frontlinedefenders.org/en/2017-front-line-defenders-award-human-rights-defenders-risk>

78 <https://investigator.org.ua/ua/news/128751/>

79 http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2015/03/27/7062767/view_print/

Валентина САМАР и ОО «Информационный пресс-центр»

Главный редактор информационного агентства «Центр журналистских расследований»

г. Симферополь, АР Крым

Валентина Самар - крымская журналистка, главный редактор «Центра журналистских расследований», автор многих журналистских расследований, в том числе в отношении незаконных действий представителей власти Крыма.

В начале марта 2014 года 20 человек в камуфляжной форме без опознавательных знаков захватили Дом Федерации независимых профсоюзов Крыма, где Общественное объединение «Информационный пресс-центр» арендовало помещение для медиа-центра, редакции и студии производства телепрограмм ИА «Центр журналистских расследований».

Видео захвата здания было выложено на канале YouTube⁸⁰. Журналисты Центра журналистских расследований, которые готовились к выходу в прямой эфир на Черноморской ТРК, были заблокированы в течение трех часов в помещениях редакции и телестудии. Телеоператор телеканала АТР М. Муртазаев, который вел стрим захвата Дома профсоюзов, был избит неизвестными лицами. В дальнейшем, в захваченном медиа-центре активисты Евразийского союза молодежи (запрещенного решением суда на момент оккупации Крыма) провели свою пресс-конференцию.

Захват Дома профсоюзов

После этих событий редакция Центра вынуждена была искать новое помещение и временно разместилась в здании телерадиокомпании «Черноморская».

В июне 2014 года режиссер Владлен Мельников и журналист Центра Сергей Мокрушин были незаконно задержаны представителями так называемой «крымской самообороны» (см. выше дело С. Мокрушина).

1 августа 2014 года судебные приставы РФ и представители ФСБ Крыма, используя силу, проникли в помещения телерадиокомпании «Черноморская», куда вынужденно переехала редакция Центра. Представители оккупационных властей изъяли и арестовали всю телевизионную и офисную технику не только ТРК «Черноморская», но и Информационного пресс-центра, хотя решение суда распространялось только на имущество ТРК. Журналистов и сотрудников компании попросили покинуть здание. Информационный пресс-центр лишился оборудования и помещения, был уничтожен значительный объем информации (фото и видео материалы), фактически была прекращена работа и выход в эфир телепрограмм, что сделало невозможным продолжение журналистами профессиональной деятельности. Несмотря на то, что в декабре 2014 года технику вернули, большинство оборудования не подлежало восстановлению и ремонту.

В сентябре 2014 года была взломана редакционная почта «Центра журналистских

80 www.youtube.com/watch?v=zG2b5fd6AWU

расследований», издание подверглось мощным DDos-атакам, работа сайта была временно прекращена.

Валентину Самар и других сотрудников Центра вызвали для «профилактических бесед» в подконтрольную властям РФ прокуратуру Крыма и ФСБ в Симферополе. В связи с реальной угрозой дальнейшего преследования со стороны оккупационных властей и невозможностью работы в Крыму, было принято решение об эвакуации издания. Валентина Самар и другие сотрудники Центра вынуждены были покинуть полуостров. В октябре 2015 года Роскомнадзор РФ заблокировал доступ к сайту «Центр журналистских расследований»⁸¹.

На данный момент Самар и другие журналисты ОО «Информационный пресс-центр» продолжают работать с темой Крыма уже на материковой части Украины.

Ирина СЕДОВА

Редактор ТРК «Бриз» в г. Керчь, один из создателей сайта kerch.fm, журналист «Громадське радіо», на данный момент журналист Крымской правозащитной группы

г. Керчь, АР Крым

На момент оккупации Крыма Ирина Седова работала редактором ТРК «Бриз» в г. Керчь, являлась одним из создателей сайта kerch.fm. Издание освещало острые общественно-политические темы, а журналисты проводили расследования, в том числе в отношении властей города. Во время Революции Достоинства в 2013-2014 годах журналистка публиковала материалы о событиях в Киеве, готовила статьи, в которых разоблачала пророссийскую пропаганду о событиях на Майдане.

22 февраля 2014 года во время митинга в поддержку территориальной целостности Украины в г. Керчь на журналистку напали пророссийские активисты⁸². Через неделю на аналогичном митинге на нее было совершено повторное нападение.

После начала оккупации Крыма в адрес журналистки и ее близких стали поступать угрозы. Представители так называемой «крымской самообороны» физически препятствовали в осуществлении журналисткой деятельности (не давали делать снимки, репортажи). Правоохранительные органы Крыма не реагировали на преследования и не проводили эффективных расследований нападений на журналистку и ее коллег.

Летом 2015 года в распоряжение журналистов проекта «Крым.Реалии» попали документы с информацией об около 50 лицах, которые преследуются подконтрольной властям РФ прокуратурой Крыма в связи с организацией и участием в Евромайдане на полуострове⁸³. Фамилия журналистки Ирины Седовой также фигурировала в указанных списках. Официального опровержения или подтверждения обнародованных документов от оккупационных властей не поступило.

Опасаясь за свою судьбу, Ирина Седова с семьей в марте 2014 года покинула оккупированный Крым и на данный момент продолжает журналистскую деятельность на материковой части Украины.

81 <https://ru.krymr.com/a/27288620.html>

82 https://www.youtube.com/watch?v=_h_bRyNxYCM

83 <https://ru.krymr.com/a/27052049.html>

Николай СЕМЕНА

Журналист проекта Радио Свобода
«Крым.Реалии»

г. Симферополь, АР Крым

Крымский журналист Николай Семена с 2014 года начал сотрудничество с Радио Свобода. Через некоторое время журналист стал замечать признаки слежки, а позднее на его компьютере была обнаружена программа-шпион.

19 апреля 2016 года сотрудники ФСБ провели обыск в доме журналиста, а после нескольких часов допроса в управлении ФСБ РФ по Республике Крым журналиста отпустили под подписку о невыезде⁸⁴. В ходе обыска в доме журналиста были изъяты компьютерная техника, носители информации, а также иные документы. В тот же день были допрошены и проведены обыски еще у нескольких крымских журналистов в Симферополе, Севастополе и Ялте, которых подозревали в сотрудничестве с Радио Свобода. Позже подконтрольная властям РФ прокуратура Крыма сообщила, что обыски были проведены в рамках расследования дела о сепаратизме, в котором обвиняется журналист Николай Семена.

В декабре 2016 года журналисту было предъявлено обвинение в окончательной редакции по части 2 статьи 280.1 УК РФ за призывы к нарушению территориальной целостности РФ с использованием Интернета⁸⁵. Максимальный срок наказания, предусмотренный санкцией статьи – 5 лет лишения свободы. Обвинения журналисту были предъявлены в связи с подготовкой публикации «Блокада – первый необходимый шаг к освобождению Крыма»⁸⁶.

Находясь под подпиской о невыезде, Семена длительное время не может выехать с территории полуострова и фактически не может заниматься профессиональной деятельностью. Согласно данным сайта Федеральной службы по финансовому мониторингу РФ журналист внесен в Перечень террористов и экстремистов. На основании этого Центральный банк России заблокировал его банковские счета⁸⁷.

В защиту журналиста выступили несколько десятков правозащитных организаций. Представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ Дуня Миятович призвала снять все обвинения против него. На Форуме гражданского общества Восточного партнерства в Брюсселе Семене вручили премию имени Павла Шеремета (в Брюссель, для получения премии, журналиста не выпустили).

22 сентября 2017 года подконтрольный властям РФ Железнодорожный районный суд города Симферополя признал Семену виновным в сепаратизме - призывах к нарушению территориальной целостности РФ - и назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года и 6 месяцев условно, с испытательным сроком на 3 года, а также запретил ему заниматься любой публичной деятельностью в течение испытательного срока. Нарушение такого запрета грозит журналисту направлением его в места лишения свободы на определенный судом срок.

84 <https://ru.krymr.com/a/28368407.html>

85 <https://memohrc.org/special-projects/semena-nikolay-mihaylovich>

86 <https://ru.krymr.com/a/27240750.html>

87 https://investigator.org.ua/rss_yandex/183216/

Анастасия РИНГИС

Журналист интернет-издания
«Украинская правда»

г. Киев

Анастасия Рингис украинская журналистка, с 2014 года работает в интернет-издании «Украинская правда». Родом из пгт. Гурзуф в Крыму, где проживают родители журналистки.

25 февраля 2016 года при прохождении ею на оккупированную территорию Крыма через КПВВ «Чонгар», сотрудники ФСБ РФ в Крыму вручили журналистке уведомление о запрете ей въезда в Крым на четыре года, а именно до 01 сентября 2020 года.

В уведомлении говорится, что въезд на территорию Российской Федерации запрещен Рингис на основании подпункта 1 части 1 статьи 27 Федерального закона от 15 августа 1996 года №114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»⁸⁸. Согласно документу, запрет въезда необходим в целях обеспечения обороноспособности или безопасности государства, либо общественного порядка, либо защиты здоровья населения.

По мнению самой журналистки, данный запрет связан с ее профессиональной деятельностью. «Это могло произойти, потому что я украинский журналист. Просто, чтобы лишний раз в украинской прессе не говорили, что происходит в Крыму. У меня есть ощущение, что они его просто «закрывают». Крымчане сейчас находятся, как на подводной лодке, они имеют доступ только к российским медиа», - сообщила журналистка одному из изданий⁸⁹.

Татьяна РИХТУН

Медиа-центр «IPC Севастополь»,
Сайт журналистских расследований
«Гражданская оборона» (911sevastopol.org)

г. Севастополь

3 марта 2014 года Рихтун подверглась нападению со стороны неизвестных лиц во время съемок осады штаба ВМС Украины в г. Севастополе.

9 марта 2014 года она в качестве журналиста присутствовала на митинге у памятника Тарасу Шевченко в г. Севастополе. Этот митинг был прекращен из-за столкновений его участников с пророссийскими активистами. Позже в этот день неизвестные подкараулили ее возле ее собственного дома и закидали яйцами.

13 марта 2014 года в помещение, которое арендовал медиа-центр «IPC Севастополь» ворвались представители так называемой «крымской самообороны» в камуфляже. Вместе с сотрудниками севастопольской милиции они заблокировали журналистов в маленькой комнате, удерживали их там несколько часов, на протяжении которых провели незаконный досмотр личных вещей и копирование документов. Видеозапись этого события доступна на канале YouTube⁹⁰.

88 <http://www.pravda.com.ua/news/2016/02/25/7100290/>

89 <https://ru.krymr.com/a/27583611.html>

90 https://www.youtube.com/watch?v=Ts_kgt-PeKw

Опасаясь за свою жизнь и здоровье, Татьяна Рихтун была вынуждена покинуть оккупированную территорию Крыма и на данный момент продолжает деятельность на материковой части Украины. Правоохранительными органами до настоящего момента не проведено эффективного расследования фактов неоднократных нападений на Рихтун и препятствованию ее деятельности как журналиста.

Гаяна и Исмет Юксель

Директор информационного агентства, член Меджлиса крымскотатарского народа

Координатор информационного агентства, советник главы Меджлиса крымскотатарского народа

С началом российской оккупации полуострова в феврале 2014 года почти все сотрудники Информационного агентства «Крымские новости» QNA за свою проукраинскую позицию были подвергнуты преследованию и давлению со стороны спецслужб Российской Федерации.

9 августа 2014 года представители оккупационных властей запретили Исмету Юкселю въезд в Крым на 5 лет со ссылкой на часть 1 статьи 27 ФЗ-114, при этом самого текста решения с обоснованием запрета въезда Юксель так и не получил.

21 апреля 2015 года руководитель Информационного агентства QNA Гаяна Юксель была вызвана в Центр по борьбе с экстремизмом, созданный после оккупации в Крыму. Основанием для вызова было опубликование информации на веб-сайте агентства об организации, которая в ноябре 2014 года была признана экстремистской на территории Российской Федерации. В итоге, Гаяна Юксель была привлечена к административной ответственности за публикации 2006-2009 гг.

В результате систематических преследований, агентство не смогло продолжать работу в качестве средства массовой информации на территории Крыма и было вынуждено покинуть полуостров. В настоящее время продолжает свою деятельность в г. Киев.

Информационное агентство «Крымские новости» QNA было создано в Крыму и зарегистрировано согласно украинского законодательства в 2005 году. Агентство ставит перед собой цель предоставления объективной и полной информации о Крыме и крымских татарах. Материалы QNA подаются на русском, украинском, английском и турецком языках. Информационная деятельность агентства способствовала популяризации Крыма как особого региона Украины, который имел свою политическую, экономическую и этническую специфику.

Александр ЯНКОВСКИЙ

Журналист, ведущий и продюсер Черноморской телерадиокомпании, руководитель телепроекта Радио Свобода «Крым.Реалии»

г. Симферополь, АР Крым

Александр Янковский, журналист и ведущий крупнейшей телерадиокомпании Крыма - «Черноморская ТРК», в начале марта 2014 года присоединился к общенациональной медийной акции «Єдина країна. Єдина страна». Целью акции было продемонстрировать единство Украины и не допустить дестабилизации ситуации в стране. Янковский стал автором и ведущим одноименного телемарафона, проведенного на Черноморской ТРК совместно с «Центром журналистских расследований».

После выхода телемарафона в начале марта 2014 года произошло нападение на «Центр журналистских расследований» в г. Симферополь. Через несколько дней в адрес Александра Янковского стали поступать звонки от неизвестных лиц с угрозой расправы.

Опасаясь за свою жизнь и здоровье, Александр принял решение вместе с семьей переехать в г. Киев, где продолжает журналистскую деятельность и работает с темой Крыма.

«Одно я понимаю, что сейчас работать в Крыму в качестве журналиста невозможно. Крупные украинские международные телеканалы просто сворачивают свои корреспондентские пункты. Находиться в Крыму людям нашей профессии стало страшно...», - сообщил журналист одному из украинских изданий после того, как покинул полуостров в марте 2014 года⁹¹.

ЧЕРНОМОРСКАЯ ТЕЛЕРАДИОКОМПАНИЯ

Основанная в 1993 году, ТРК «Черноморская» являлась одной из крупнейших телекомпаний Крымского полуострова. Телекомпанией было создано свыше 140 телевизионных проектов и телециклов.

С 2011 года ТРК вела трансляцию через спутник и кабельные сети в других регионах Украины. Телекомпания активно освещала события на Майдане с позиций, которые отличались от освещения украинской Революции Достоинства в российских СМИ. С самого начала оккупации телекомпания подвергалась преследованиям со стороны оккупационных властей.

Так, например, во время нападения на съемочную группу телеканала представителей «крымской самообороны», 11 апреля 2014 года была уничтожена флеш-карта с видеоматериалом. 29 июня 2014 года Черноморская ТРК была

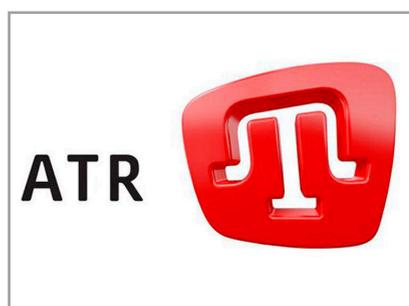
⁹¹ <http://fakty.ua/179097-aleksandr-yankovskij-posle-togo-kak-proizoshlo-napadenie-na-centr-zhurnalistskih-rassledovanij-v-simferopole-neizvestnyj-pozvonil-mne-i-skazal-gotovsya-ty-budesh-sleduyucshim>

отключена от вещания в кабельных сетях⁹².

1 августа 2014 года оккупационными властями Крыма было арестовано и изъято все оборудование Черноморской телерадиокомпании, находящееся в ее здании в г. Симферополь. На территории компании некоторое время находились представители «крымской самообороны», которые не пускали на объект журналистов издания «Центр журналистских расследований» (детальнее см. дело В. Самар). В дальнейшем вещание телеканала было приостановлено. С помощью 14 передатчиков, принадлежащих Черноморской телерадиокомпании, оккупационные власти стали незаконно обеспечивать вещание телеканала «Россия-24»⁹³.

Черноморская ТРК была вынуждена переехать в г. Киев. Одной из задач компании сегодня является информирование граждан Украины о событиях в оккупированном Крыму.

ТЕЛЕКАНАЛ «ATR»

Телеканал ATR основан в 2005 году, являлся первым крымскотатарским телеканалом, осуществлявшим вещание в Крыму, Турции и странах Европы.

ATR - один из крупнейших телеканалов Крыма, с начала оккупации подвергался преследованиям со стороны оккупационных властей.

Так, 11 августа 2014 года журналисту телеканала Ш. Нематтулаеву аннулировали аккредитацию в так называемом Госсовете Крыма. 24 сентября генеральный директор телеканала Э. Ислямова получила письмо из Центра по противодействию экстремизму с требованием предоставить ряд документов. В документе содержалась ссылка на письмо созданного на территории Крыма Управления Роскомнадзора, где указано, что телеканал ATR изменил направление информационного контента и «упорно закладывает мысль о возможных репрессиях по национальному и религиозному признаку, способствует формированию антироссийского мнения, преднамеренно разжигает среди крымских татар недоверие к власти и ее действиям, что косвенно несет угрозу экстремистской деятельности»⁹⁴.

26 января 2015 года в редакции телеканала ATR представители Следственного комитета РФ и Центра по противодействию экстремизму в сопровождении вооруженных автоматами сотрудников ОМОН провели обыск и изъяли сервер, в результате чего был нарушен процесс эфирного вещания.

В феврале 2015 года Роскомнадзор передал частоты, на которых вещал телеканал ATR, другой телерадиокомпании. Руководство ATR несколько раз обращалось к оккупационным властям о сохранении права на вещание, но так и не получило разрешение на продолжение вещания в Крыму⁹⁵.

В ночь на 1 апреля 2015 года телеканал ATR прекратил свое вещание. В мае 2015 года телеканал пытался возобновить работу в Интернете, однако журналистам не давали работать, систематически отказывали в допуске на мероприятия, интервью, в проведении съемок. В ноябре 2015 года в домах экс-генерального директора ATR Э. Ислямовой и экс-замдиректора Л. Буджуровой были проведены обыски. В декабре 2015 года обыск провели дома у Р. Спиридонова - экс-редактора информационного

92 https://helsinki.org.ua/wp-content/uploads/2016/05/PeninsulaFear_Book.pdf

93 <http://blacksea.tv/we/>

94 https://helsinki.org.ua/wp-content/uploads/2016/05/PeninsulaFear_Book.pdf

95 <http://news.allcrimea.net/allspets/atr/>

агентства «15 минут», который входил в состав холдинга АТР.

Из-за систематических преследований в июне 2015 года телеканал переехал на материковую часть Украины, где продолжает работу в настоящее время, в том числе постоянно освещая события в Крыму и для Крыма через спутниковое телевидение.

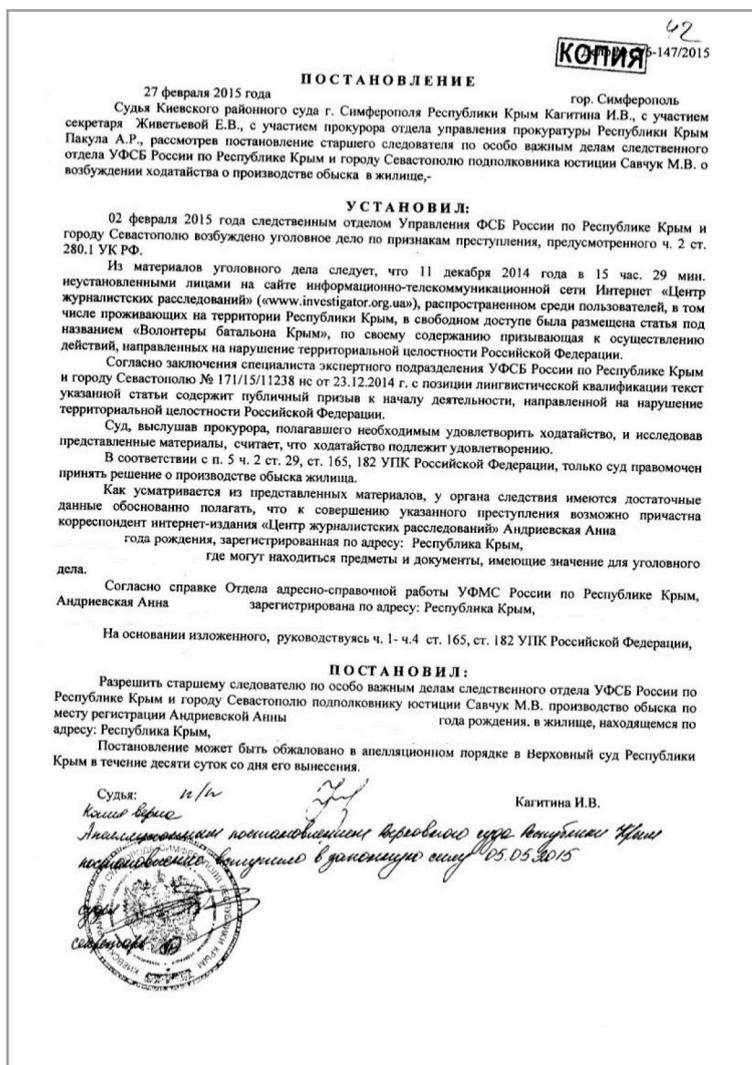
В 2015 году в Интернет просочилась копия приказа, подписанная директором департамента здравоохранения города Севастополя, согласно которому доступ на территорию медицинских учреждений был фактически закрыт для СМИ.

В постановлении Киевского районного суда города Симферополя, подконтрольного властям РФ, от 27 февраля 2015 года идет речь о том, что Анна Андриевская, возможно, причастна к распространению статьи «Волонтеры батальона «Крым». По мнению органа следствия, поддержанному судом, по своему содержанию указанная статья призывает к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ.

Суд разрешил проведение обыска в жилом помещении по месту регистрации журналистки с целью обнаружения предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела.

На момент принятия указанного постановления, Анна Андриевская около года проживала в Киеве. По указанному адресу оставались проживать ее родители.

**ИНФОРМАЦИОННАЯ ОККУПАЦИЯ – НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ В
МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ?**Профессор Катрин Ниман Меткалф⁹⁶**Вступление**

В этой статье рассматривается понятие «*информационная оккупация*», которое означает действия по ограничению или искажению СМИ и ограничению доступа к информации, совершаемые враждебной властью, осуществляющей *де-факто* или *де-юре* оккупацию информационной сферы другого государства. Данная статья рассматривает тему ограничения СМИ в целом, принимая во внимание современный контекст, связанный с оккупацией Крыма Российской Федерацией, а также с ситуацией на территории Восточной Украины. Термин «информационная оккупация» не имеет общепринятого значения в правовых источниках, как и среди авторов, пишущих на юридические темы, но он использовался, например, в Украине в ходе обсуждения проекта Концепции информационной безопасности, впервые представленного в 2015 году и окончательно утверждённого в феврале 2017 года⁹⁷ (хотя и не в форме концепции).

Содержание понятия «информационная оккупация» обсуждается в данной статье, в свете толкования норм международного права, касающихся режима оккупации и правовых положений относительно свободы информации. Цель анализа - определить, сможет ли концепция информационной безопасности быть полезной. В частности, сможет ли она помочь выявлять агрессивные действия, чтобы эффективнее противостоять им, либо добавить ясности в поиске новых путей разрешения конфликтов с учётом важности информационного пространства для современного общества?

С целью выяснить, может ли такое понятие добавить что-либо к дискуссиям о СМИ в условиях кризиса, в контексте ситуации с Крымом, в статье рассматривается вопрос о том, что означает оккупация в международном праве, и каким образом нормы МГП и судебная практика в этой области могут быть использованы применительно к информационной сфере. Поскольку оккупация является нарушением суверенитета, мы рассмотрим концепцию «информационного суверенитета» и её значение. Некоторое внимание в статье уделено также пропаганде, как средству вмешательства во внутренние дела других государств, в частности, в свете ситуации в Украине. И наконец, автор делает некоторые заключительные замечания, которые основаны на ее личном опыте работы в сфере свободы выражения мнения в сложных ситуациях на протяжении многих лет в различных странах.

Оккупация в соответствии с нормами международного права

Термин «оккупация» имеет юридически определённое значение в международном праве на протяжении более 100 лет⁹⁸, хотя и используется часто иначе, чем в

96 Катрин Ниман Меткалф (katrin.nyman-metcalf@ttu.ee), работает профессором права в Школе бизнеса и управления Таллинского технологического университета и активно выступает в качестве международного консультанта в первую очередь по в области норм права, касающихся коммуникационных средств. На соответствующие темы она писала для изданий «Упсальский ежегодник евразийских исследований» (2017) и «Ситуация в Украине с 2014 года: jus ad bellum (право вступления в войну), jus in bello (право ведения войны), jus post bellum (право примирения или право урегулирования конфликта) (Ассер, 2017), оба издания готовятся к выпуску.

97 <http://www.president.gov.ua/en/news/glava-derzhavi-zatverddiv-doktrinu-informacijnoyi-bezpeki-ukr-40190>

98 The 1907 Hague Regulations (arts 42-56), the Fourth Geneva Convention (GC IV, art. 27-34 and 47-78) and provisions of Additional Protocol I and customary international humanitarian law include duties of occupying powers. Hague Regulations: <https://treatydatabase.overheid.nl/en/Verdrag/Details/003319>. Geneva Conventions: <https://www.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/vwTreaties1949.xsp>. Occupation was the legal term for getting sovereignty over territory that did not belong to any state, *terra (or res) nullius*. Such areas do not exist anymore so this is of historical interest. Rebecca M. M. Wallace (1986), *International Law* (Sweet & Maxwell 1986), pp. 81-85.

соответствии с этим значением. В статье 42 Гаагских Положений 1907 года говорится: «Территория признается занятой, если она действительно находится во власти неприятельской армии. Занятие распространяется лишь на те области, где эта власть установлена и в состоянии проявлять свою деятельность». Статья 2, общая для четырёх Женевских конвенций 1949 года, применяется к любой территории, оккупированной во время международного вооружённого конфликта, а также в ситуациях, когда вооружённого сопротивления не было⁹⁹. Уместно напомнить, что гуманитарное право - право войны, *jus in bello* - не касается законности захвата одним государством территории другого, но применяется в ситуации оккупации. Правомерность захвата территории регулируется Уставом ООН и обычным правом, и в этом контексте иногда упоминается как *jus ad bellum*, право, касающееся законности применения силы (ведения войны). Как правило, захват территории другого государства является незаконным, если только он не основан на соглашении между государствами. Применение силы незаконно по международному праву, кроме особых обстоятельств (как правило, самообороны), но поскольку это сама по себе обширная тема, данный вопрос не будет обсуждаться в настоящей статье.

В вопросе о значении термина «оккупация», и возможности его использования в контексте информационного пространства, первое замечание состоит в трудности точного определения момента ее начала, то есть установления контроля. Проще говоря, существует склонность называть оккупацией любую ситуацию, связанную с иностранным контролем, независимо от того, как это произошло, является ли это временной или долгосрочной ситуацией. Так же, часто одну и ту же ситуацию называют по-разному. Например, тот, кого одни называют террористом, другие считают борцом за свободу. То, что для одних – вторжение, для других – освобождение. С правовой точки зрения, уровень одобрения оккупации не имеет значения для применения гуманитарного права. Если территория находится под эффективным контролем враждебных иностранных вооружённых сил, даже если не было вооружённого сопротивления, оккупация считается возникшей, а соответствующие положения гуманитарного права являются применимыми. Наиболее сложный вопрос – в чём состоит «контроль», например, непосредственно во время вторжения. Согласно Комментарию¹⁰⁰ от 1958 года к Четвёртой Женевской Конвенции (ЖК IV), МККК считает, что гуманитарное право должно применяться в данной ситуации, в то время как другие комментаторы полагают, что об оккупации имеет смысл говорить тогда, когда соответствующая сторона может фактически в достаточной мере контролировать территорию противника для выполнения обязанностей, возлагаемых на оккупанта гуманитарным правом¹⁰¹.

На практике довольно часто оккупирующие державы ссылаются на поддержку местного населения, называя себя их освободителями. Примером этого является и Украина. С юридической точки зрения, в отношении существующих правил оккупации, стоит напомнить, что соглашения между оккупационной властью и местными властями не могут лишать население оккупированной территории защиты международного гуманитарного права (статья 47 ЖК IV). Причём, сами покровительствуемые лица ни в коем случае не могут отказаться от своих прав (статья 8 ЖК IV). Оккупирующая держава обязана соблюдать законы, действующие на оккупированной территории, с некоторыми исключениями (если законы представляют собой угрозу для его безопасности или препятствие для применения норм международного права, регулирующего режим оккупации). Ответственность за обеспечение общественного порядка и безопасности, а также благосостояния

99 For an overview of humanitarian law provisions on occupation: The International Committee of the Red Cross, <https://www.icrc.org/eng/resources/documents/misc/634kfc.htm>

100 Oscar Uhler & Henri Coursier (1958), *Commentary on the Geneva Conventions of 12 August 1949. Volume IV*; <https://www.icrc.org/eng/resources/documents/publication/p0206.htm>

101 <https://www.icrc.org/eng/resources/documents/misc/634kfc.htm>

населения на оккупированной территории лежит на оккупирующей державе. Существует несколько положений, ограничивающих оккупирующую державу в применении насилия, репрессий или совершении других подобных действий.

Одним из правовых последствий оккупации является тот факт, что оккупированное государство сохраняет суверенитет над частью своей оккупированной территорией. Оккупацию следует рассматривать как временную ситуацию¹⁰². Территориальные изменения в конце войны осуществляются посредством соглашения или процесса получения юридического статуса. В некоторых случаях захват территории может также представлять собой аннексию. Такие территориальные изменения часто совершаются при игнорировании правовых норм и оправдываются необходимостью исправления исторических ошибок и т.п., поэтому почти всегда воспринимаются весьма неоднозначно (иногда они действительно являются довольно спорными). В общем, в международном праве изменения статуса территорий признаются с большим трудом. Ситуация с так называемой аннексией Крыма в 2014 году наглядно демонстрирует то, как государство, совершающее аннексию, использует всевозможные оправдания своих действий, вместо того, чтобы руководствоваться правовыми нормами.

Если говорить об оккупации информационного и коммуникационного пространства, следует проанализировать, как такое действие могло бы выглядеть в ином контексте. В отличие от культурных ценностей, например, СМИ и информация не пользуются специальной защитой в контексте прав и обязанностей оккупационных властей. Некоторые другие нормы гуманитарного права могут затрагивать вопросы средств массовой информации, такие как обязанность защиты военнопленных от оскорблений и публичного любопытства (статья 13 Третьей Женевской конвенции 1949 года, повторённая в статье 27 ЖК IV касательно защиты гражданского населения, особенно тех лиц, которые зависят от противоборствующей стороны либо от оккупирующей державы). Таким образом, можно сделать вывод, что требование уважать означает обязательство не злоупотреблять возможностями, которые даёт контроль.

Действия России на территории Украины демонстрируют как государство, нарушающее нормы международного права, ищет оправдания своему поведению в этих условиях. Действия России были осуждены Европейским союзом (ЕС) и многими странами. Самый яркий пример - международные санкции, к которым привела аннексия Крыма. Что касается ситуации на востоке Украины, Россия добилась значительных успехов в утверждении, что она не участвует в конфликте или, по крайней мере, нет доказательств её (официального) участия. Большинство независимых наблюдателей утверждают, что есть много свидетельств такого участия России, но на международном уровне государства иногда используют любые двусмысленности, которые позволили бы им избежать необходимости занимать четкую позицию. Признание присутствия РФ на территории Восточной Украины соответствовало бы политике ЕС в отношении России, которая перешла от ценностной ориентации к прагматизму, как писала Джонссон в 2011 году¹⁰³. В последние годы Россия достаточно откровенна в своем отношении к любым действиям других государств на постсоветском пространстве, против которых она выступает, и рассматривает любую нормотворческую деятельность этих государств, ранее не согласованную с ней, как враждебные действия в отношении России¹⁰⁴.

Информационная оккупация и информационный суверенитет

В противовес хорошо известному, однако сложному в практическом применении

102 Which has not prevented a number of drawn-out occupations, the Israeli occupation of Palestine is the longest but there is also Namibia, East Timor and several others.

103 Anna Jonsson (2011), "Russia and Europe", pp. 444-453 in G. Gill & J. Young (eds.) *Routledge Handbook of Russian Politics and Society* (Routledge, London), p. 444.

104 *Ibid.*, p. 448.

определения оккупации, понятие «информационной оккупации», как подчеркивалось выше, не имеет общепринятого значения. Релевантную информацию по данному вопросу в открытых источниках найти сложно. Автор столкнулась с этим понятием при обсуждении проекта Концепции информационной безопасности Украины во второй половине 2015 года, которую её попросил проанализировать Представитель ОБСЕ по вопросам свободы средств массовой информации¹⁰⁵. Заявленная цель Концепции заключалась в создании предпосылок к развитию информационного потенциала Украины для обеспечения роста и предотвращения негативных внешних воздействий. Вполне закономерно, что главной причиной разработки Концепции была война и внешняя агрессия, с которой столкнулась Украина. Основная цель заключалась в том, чтобы предотвратить пропаганду, направленную на страну извне, по сути из России. Даже если это была понятная и законная цель, в докладе проект Концепции был раскритикован. Один из вопросов, поднятых при этом – сложность в формулировании определения пропаганды и риск установления ограничений на медиаконтент в законодательстве, а не его оценка на основе общих правил (например, запрет подстрекательства к ненависти и насилию). Установление этих правил могло бы привести к неоправданным ограничениям свободы выражения мнений, тем более что юридическая сила проекта Концепции оставалась неясной¹⁰⁶. Когда в феврале 2017 года Концепция, в ее измененной форме, была окончательно принята в качестве Доктрины информационной безопасности, в заявлении на веб-сайте Президента Украины было сказано, что необходимость её принятия была вызвана появлением актуальных угроз национальной безопасности в информационной сфере, а также необходимостью определения инновационных подходов к формированию системы защиты и развития информационного пространства в условиях глобализации и свободного потока информации. При этом было открыто упомянуто разрушительное информационное воздействие России в условиях развязанной ею гибридной войны. Важность аспектов доктрины, связанных с обороной, проявляется в том, что ведущую роль в ее имплементации играет Совет национальной безопасности и обороны¹⁰⁷.

Несомненно, в условиях войны роль информационного пространства возрастает. Однако современные информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) затрудняют определение того, что является «информационным» действием, а что им не является, при использовании одинаковых технологий. Информационная война действительно представляет собой комбинацию всех видов действий, для которых общее – это использование киберпространства (интернета) для определённых целей¹⁰⁸. Поскольку терминология имеет большое значение для юристов, прежде чем использовать новый термин, нужно проанализировать какую смысловую нагрузку он несет, и можно ли ему дать приемлемое определение. Чтобы выяснить, может ли такое понятие как информационная оккупация служить чем-то новым в контексте международно-правовых дебатов, мы должны выяснить, могут ли уже известные в соответствии с нормами международного права аспекты оккупации быть вписаны в информационную сферу, или существуют другие новые способы определения того, как могла бы выглядеть такая оккупация. Этот термин тесно связан с понятием «информационного суверенитета», который также является новым (или вновь возрожденным)¹⁰⁹ и не имеет широкого распространения. Он может быть определен

105 Katrin Nyman Metcalf (2015), *Legal Analysis of the draft Information Security Concept of Ukraine*. OSCE Representative on Freedom of the Media, 21 July 2015; <http://www.osce.org/fom/173776>

106 *Ibid.*

107 <http://www.president.gov.ua/en/news/glava-derzhavi-zatverdiv-doktrinu-informacijnoyi-bezpeki-ukr-40190>

108 On cyberattacks against Ukrainian media and electricity systems, allegedly with the same malware; <http://securityaffairs.co/wordpress/43321/hacking/ukraine-attack-caused-power-outage.html>

109 The term has been used for decades but with the spread of electronic information, countries like China have started using it more, applying it to information technologies. Wenxiang Gong (2005), “Information Sovereignty Reviewed” in *Intercultural Communication Studies, Volume XIV:1*; 2005, pp. 119-135 especially, p. 119 and p. 121.

как высшая власть (для государства) в вопросах принятия решений и поддержания порядка в отношении передачи информации внутри государства и наличия равного и независимого права на создание, передачу и использование информации свободно, без любых внешних вмешательств¹¹⁰.

Россия и Китай содействуют такому пониманию защиты информационного пространства, в том числе Интернета, которое сосредоточено на контенте. Они уделяют внимание таким концепциям, как информационная безопасность¹¹¹ и информационный суверенитет, в то время как европейские и другие западные страны, где эффективно охраняется свобода выражения мнения, не используют такие термины в отношении материалов СМИ. Трудно представить себе какой-либо реальный смысл суверенитета в информационной сфере в сегодняшнем взаимосвязанном мире, кроме предлога для ограничения свободны распространения информации. Степень суверенитета в любой форме в современном, взаимосвязанном мире является предметом обсуждения как среди ученых, так и среди практиков. Суверенитет сохраняет важную роль в международном праве, поскольку на концепции суверенитета базируется, например, принцип невмешательства во внутренние дела других стран. Однако, на практике, в современном глобальном обществе ни одна страна не может действовать независимо от других. Попытка встроить эту концепцию в очень взаимосвязанное информационное пространство еще более сложна. Не отрицая права каждой страны самостоятельно определять свою собственную политику, в том числе относительно средств массовой информации, следует признать, что в обществах со свободой выражения мнения, это не должно ограничивать граждан в получении доступа к контенту из других стран (или распространении его в другие страны)¹¹².

Поставив целью своей внешней политики быть «суверенной демократией», Россия уделяет внимание суверенитету в разных плоскостях¹¹³. Причем, упор здесь определенно сделан на термин «суверенный», а не «демократия», поскольку на самом деле, Россия отказывается соблюдать даже принятые путем присоединения к международным организациям и договорам обязательства.

Противоречивость реформ в Украине подтверждается тем фактом, что в стране продолжают звучат предложения использовать Концепцию информационного суверенитета даже несмотря на то, что эта идея поддерживается Россией и отвергается европейскими и другими государствами, выступающими за свободу выражения мнений.

Международные организации посоветовали Украине не использовать эту Концепцию, поскольку трудно определить, что она означает, и ею можно злоупотреблять, чтобы контролировать интернет и другой современный медиаконтент.

Настоящее отношение России к свободе выражения мнения лучше всего проявляется в ее действиях, например, в Крыму. Сразу после аннексии свобода СМИ была серьезно ограничена либо прямыми мерами, такими как запрет на некоторые средства массовой информации, либо другими действиями, такими как наложение различных требований и ограничений, которые на практике имели такой же эффект - лишение средств массовой информации любой возможности для надлежащего функционирования. Ситуация в Восточной Украине несколько отличается, поскольку

¹¹⁰ *Ibid.*, p. 129.

¹¹¹ Henry Rōigas (2015), "The Ukraine Crisis as a Test for Proposed Cyber Norms", pp. 135-144 in Kenneth Geers (ed.) *Cyber War in Perspective: Russian Aggression against Ukraine* (NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence, Tallinn), p. 36.

¹¹² Katrin Nyman Metcalf (2015), *Legal Analysis of the draft Information Security Concept of Ukraine*. OSCE Representative on Freedom of the Media, 21 July 2015; <http://www.osce.org/fom/173776>

¹¹³ Anna Jonsson (2011), "Russia and Europe", pp. 444-453 in G. Gill & J. Young (eds.) *Routledge Handbook of Russian Politics and Society* (Routledge, London), p. 444.

Россия не признает своего присутствия на этой территории. Однако, намерение России и поддерживающих её элементов ограничить свободу СМИ на этой территории присутствует, как и в ситуации с оккупированным Крымом.

Международная судебная практика касательно информации в условиях оккупации

При поиске способов толкования понятия *информационная оккупация* в юридическом смысле, необходимо обратиться к анализу судебной практики относительно информации в условиях оккупации, а также поиску примеров, где ещё в мире осуществляется подобная практика. Оценку судебной практики следует начинать с определения наличия контроля над территорией. Редко встречается согласие, что определённая ситуация приравнивается/равносильна к оккупации - по крайней мере, в течение ограниченного периода времени или сразу после окончания военных действий. Если ситуация контроля со стороны враждебной стороны сохранится, эта сторона, скорее всего, будет пытаться оправдать ситуацию с помощью различных средств, например, «добровольной» приверженности оккупирующему государству, возможно, посредством референдума.

Это означает, что для того, чтобы найти релевантные случаи, нужно предположить, что некоторые ситуации равносильны или напоминают оккупацию, по крайней мере, в той степени, которая необходима для нашего исследования. То есть необходимо, чтобы присутствовал ограниченный во времени контроль враждебной стороной территории другого государства. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) рассматривал несколько дел относительно обязательства государства защищать свободу выражения мнения во всех контекстах, включая спорные территории, такие как Северный Кипр и Приднестровье. Касательно крымских СМИ и ситуации в информационной сфере на полуострове окончательных решений ЕСПЧ ещё не было вынесено.

В случае оккупации первый вопрос заключается в том, может ли государство, чья территория была захвачена, отвечать за соблюдение прав, если оно не контролирует или, по крайней мере, не полностью контролирует территорию. ЕСПЧ подчеркнул, что даже в исключительных обстоятельствах, когда государству не удается осуществлять полномочия на части своей территории из-за военной оккупации вооруженными силами другого государства, военных действий или восстаний, или установления сепаратистского режима на его территории, оно не перестает обладать юрисдикцией в смысле статьи 1 Европейской конвенции о защите прав человека (ЕКПЧ). Однако ответственность ограничивается выполнением позитивных обязательств, связанных с мерами, необходимыми для восстановления контроля над этой территорией в качестве выражения его юрисдикции и мер по обеспечению соблюдения индивидуальных прав заявителя¹¹⁴. У оккупирующей стороны также будут возникать обязательства, и вопрос распределения ответственности между оккупирующей и оккупированной державой является важным моментом. Ситуация в Украине была рассмотрена в деле *Хлебник против Украины*¹¹⁵. В жалобе заявителя, осужденного в 2013 году за ряд преступлений судом Луганской области, шла речь о том, что национальные суды не смогли рассмотреть его апелляцию, поскольку его дело было заблокировано на территории, которая больше не находилась под контролем правительства Украины. ЕСПЧ не установил, что заявитель понес негативные последствия, такие как длительное заключение под стражу. Суд пришел к выводу, что власти Украины в условиях военных действий в Восточной Украине сделали все возможное для решения этой проблемы. Таким образом, было подчеркнуто, что каждая из сторон несет ответственность за соблюдение прав в той мере, в какой это возможно для них.

¹¹⁴ *Chiragov and others v. Armenia*, Application 13216/05, Judgement on 16 June 2105; *Sargsyan v. Azerbaijan*, Application 40167/06, Judgement on 16 June 2015.

¹¹⁵ Application 2945/16, Judgement 25 July 2017.

Ранее рассмотренные дела, связанные с оккупацией, как правило, касались права собственности или процессуальных вопросов. В деле *Cyprus v. Turkey*¹¹⁶ поднимался вопрос законности ограничений деятельности СМИ на спорной территории. Поскольку предполагаемые ограничения не были надлежащим образом доказаны, Суд был в некотором смысле ограничен в своих выводах. Тем не менее, он идентифицировал ряд ограничений в отношении конкретных источников информации (в частности школьных учебников) и подчеркнул, что оккупационная власть не должна использовать свой контроль для осуществления таких ограничений. Что касается ссылки на правила, устанавливающие ограничения на газеты, другие книги или электронные средства массовой информации, Суд решил, что не было представлено достаточных доказательств того, что такие ограничения имели конкретную форму. Из выводов, касающихся контроля над содержанием школьных учебников видно, что Суд не позволяет властям использовать контроль над спорной территорией для ограничения свободы выражения лишь на том основании, что содержание учебников может расходиться со взглядами и политикой властей.

В деле, рассмотренном Большой палатой *Катан и другие против Молдовы и России*¹¹⁷, оккупация Приднестровья оценивалась, в том числе, с точки зрения культуры, прежде всего сферы образования. Решение интересно заявлением о том, почему Россия отрицает юрисдикцию¹¹⁸. Хотя в деле и не говорилось открыто об ответственности за свободу СМИ на оккупированных территориях, включая СМИ меньшинств, такой вывод напрашивается после ознакомления с решением по делу. В деле *Илашку и другие против Молдовы и России*¹¹⁹, которое также касается Приднестровья, обсуждалась юрисдикция и ответственность государств за нарушения ЕКПЧ в ситуациях оккупации¹²⁰. Судом было указано на общую необходимость функционирования средств массовой информации¹²¹. В вопросе того, что такое оккупация и какова ответственность в таких случаях, интересны особые мнения отдельных судей. В ситуациях, подобных упомянутым, проблема заключается в том, что *de facto* оккупационные власти часто отрицают сам факт оккупации и какую-либо ответственность за соблюдение прав человека.

Международный Суд ООН ранее не рассматривал вопросы, связанные с правом на информацию в условиях оккупации. В его практике есть много дел, затрагивающих вопросы права на территорию и несколько дел касательно того, что может делать на спорных территориях оккупирующая держава. В то же время, в его производстве не было дел, где рассматривалась бы именно «информационная оккупация» или дел, которые можно было бы использовать при распространении понятия оккупации на киберпространство. В деле «Некоторые мероприятия/действия, проводимые Никарагуа в приграничной зоне (Коста-Рика против Никарагуа)¹²², проводится дискуссия о том, какие действия могут быть предприняты на спорных территориях. Однако, беря за основу это дело, нелегко провести аналогию с воздействием на СМИ или другие способы коммуникации, так как действия (мероприятия, проводимые Никарагуа) были весьма конкретны (выемка грунта, копанье и т. д.), и основная проблема заключалась в их воздействии на природу, которое носило длительный характер. В таких делах выводы во многом зависят от того, являются ли последствия этих воздействий непоправимыми. Со сферой ИКТ¹²³ это сложно сопоставить, поскольку имеются ощутимые различия между этой сферой и сферой

116 Application no. 25781/94, Judgment on 10 May 2001, especially paragraphs 248 onwards.

117 Applications nos. 43370/04, 8252/05 and 18454/06, Judgement of 19 October 2012.

118 *Ibid.*, paragraph 96.

119 Application no. 48787/99, Judgement 8 July 2004.

120 *Ibid.*, especially paragraphs 312 and 333.

121 *Ibid.*, paragraph 234.

122 *Request for the Indication of Provisional Measures*, Order of 8 March 2011, ICJ.

123 On this distinction, Jamal L. El-Hindi (1989-90), "The West Bank Aquifer and Conventions regarding Law on Belligerent Occupation", pp. 405-428 in Victor Kattan (ed.), (2008), *The Palestinian Question in International Law* (British Institute of International and Comparative Law; reprinted from 11 Michigan Journal of International Law, pp. 1400-1423), pp. 416-417.

движимого/недвижимого имущества и характером воздействия - восстановимым и практически невозстановимым.

Пропаганда

Основным вопросом, который связан с информационной оккупацией, является распространённость пропаганды. Пропаганда используется не только при оккупации (или аннексии). Однако именно они дают оккупирующему государству возможность заниматься пропагандой фактически безнаказанно. Оккупирующее государство управляет информационным пространством и наполняет его своими идеями и взглядами. Это видно на примере Крыма. Ограничения на средства массовой информации, другие информационные каналы, предпринятые во время аннексии Крыма Российской Федерацией, являются одной из причин, по которым так называемый референдум не соответствует международным стандартам, характеризующим демократический процесс, даже если он при иных обстоятельствах мог бы быть признан легитимным (следует отметить, что международным сообществом он таковым признан не был). Здесь мы можем сказать, что Россия знала, что она должна оккупировать информационное пространство в качестве первого шага к оккупации и аннексии территории. Современный коммуникационный ландшафт характеризуется наличием множества разнообразных медиа-источников, социальных сетей, доступом к глобальным СМИ и т.д. Но при этом, официальные СМИ - в первую очередь телерадиовещание - по-прежнему остаются важными источниками новостей во многих странах. Даже если в техническом аспекте сложно ограничить влияние оппозиционных голосов, это сделает самоцензура и страх – как следствие культивируемого в стране достаточно враждебного климата.

Пропаганда не является новым явлением - она существовала веками. В своей работе «Взаимосвязь между свободой слова и запретом на пропаганду войны» А. Рихтер упоминает важную роль, которую стремление прекратить националистическую пропаганду имело в ультиматуме к Сербии, в значительной степени спровоцировавшем начало военных действий, приведших к Первой мировой войне¹²⁴. Только во время этой войны политики осознали, насколько велико влияние информации на общественное мнение, и насколько важно заниматься этими вопросами¹²⁵.

Пропаганда – субъективно-оценочное понятие, которое мы склонны применять в большей степени к информации, с которой мы не согласны, чем к политическим речам, с которыми мы согласны. Этому термину крайне трудно дать определение. Из определений, предложенных авторами, мы можем использовать подход Ласселла¹²⁶, который определяет пропаганду как метод воздействия на человека посредством манипуляции представлениями в виде устных или письменных слов, изображений, фильмов или любой другой формы. В международных документах нормы, касающиеся пропаганды, специфичны для определенных ситуаций и типов информации. Статья 20 Международного пакта о гражданских и политических правах запрещает пропаганду войны и подстрекательство к ненависти. С юридической точки зрения это непростой вопрос, так как в отношении наличия самого факта пропаганды редко существует консенсус. Такая трудность в определении пропаганды и риска с определением ограничений на содержание в законодательстве или нормативных документах объясняет, почему автор не рекомендует прямо запрещать пропаганду, а скорее оценивать ее *ad hoc* на основе общих правил (например, в свете запрета на

124 Andrei Richter (2015), "The Relationship between Freedom of Expression and the Ban on Propaganda for War" in Wolfgang Benedek, Florence Benoit-Rohmer, Matthias C. Kettmann, Benjamin Kneihls & Manfred Nowak (eds.) *European Yearbook on Human Rights* (Intersentia, Antwerp), pp. 489-505 at p. 489.

125 Cate Haste (1977), "The Machinery of Propaganda", pp. 105-136 in Robert Jackall (ed.), (1995), *Propaganda* (New York University Press; reprinted from Cate Haste *Keep the Home Fires Burning*, Allen Lane 1977), p. 105.

126 Harold D. Laswell (1934), "Propaganda", pp. 13-25 in Robert Jackall (ed.), (1995); reprinted from Edwin R. A. Seligman, ed., *Encyclopaedia of the Social Sciences*, Macmillan 1934), p. 13.

подстрекательство к ненависти и насилию)¹²⁷.

Не стоит бороться с пропагандой с помощью пропаганды. Это приводит к эскалации, когда вовлеченные в конфликт стороны всё больше и больше прибегают к пропаганде, и люди, в любом случае, верят только в ту информацию, которая подаётся со «своей» стороны. Хотя поддерживать нейтральную позицию и не поддаваться соблазну применить собственную пропаганду трудно, такая борьба в настоящее время рискует оказаться неэффективной. Как уже упоминалось, в то время, как некоторые группы населения склонны верить определённым СМИ, существует так много возможных источников информации, что люди, которые ищут факты и разные мнения, могут найти их. В противостояниях между пропагандами каждый в любом случае придерживается своего предпочтительного источника, а страдает только правда и сбалансированная дискуссия. Тот факт, что люди часто предпочитают использовать только определённые средства массовой информации и верят информации, которая им нравится¹²⁸, не должен отвлекать внимание от важности плюрализма, поскольку это, по меньшей мере, даёт возможность проверять информацию и затрудняет для властей предоставление только одной «правды». Перед тем, как начать заниматься пропагандой, стоящим за ней, следует учесть, что образованные и активные люди, интересующиеся вопросом, будут искать альтернативную информацию, и, если они увидят, что средства массовой информации занимают пропагандой, они больше не будут верить этим источникам.

В условиях оккупации ограничение доступа к альтернативным источникам информации находится в интересах оккупирующего государства, стремящегося к усилению последствий своей пропаганды. Современные средства массовой информации делают такие ограничения более сложными, чем в мире, существовавшем до появления интернета, когда можно было использовать помехи трансляций и ограничение продажи газет. Более эффективно было бы проявлять бдительность в отношении любых попыток ограничить наличие и доступность средств массовой информации, чем противодействовать пропаганде посредством ещё большей пропаганды.

Цензура - это форма негативной пропаганды¹²⁹. Люди не получают доступа к информации, поэтому создается ложное впечатление о реальности. Традиционно это проявлялось в сокрытии поражений на фоне прославления войны, преувеличения побед и порицания врага, и делалось с целью не потерять общественную поддержку. Современные социальные сети, в которых так много людей могут сообщать о фактах, свидетелями которых они были, размещать видео и изображения, изменили ту реальность, в которой власть могла бы полностью контролировать содержание информации. При этом, государства еще не полностью восприняли эту новую реальность. Официальные СМИ по-прежнему пропагандируют свою единственную «правду» во многих странах. Российские СМИ активно выступают за официальное повествование о героическом характере войны в Украине, а также о жертвенности России по отношению к этой войне¹³⁰. Пропаганда в социальных сетях началась до конфликтов на местах, с созданием обширных сетей троллинга¹³¹ и других видов значительного онлайн-присутствия, чтобы придать российской версии этой истории доминирующий характер¹³². Подготовка к использованию термина

127 Also in the context of the proposed Ukrainian Information Security Concept. Nyman Metcalf (2015), *op. cit.*

128 Discussed already by C. Wright Mills (1956), "The Mass Society", pp. 74-101 in Robert Jackall (ed.), (1995), p. 89.

129 Haste (1977), p. 114. She mentions how even weather reports were banned as they could be useful for the enemy and chess problems (unless sent by perfectly reliable British nationals) as they could be hidden code, *ibid.*, p. 116.

130 Keir Giles (2015), "Russia and its Neighbours: Old Attitudes, New Capabilities", pp. 19-28 in Kenneth Geers (ed.), p. 21.

131 On "Troll farming" see Elina Lange-Ionatamishvili & Sanda Svetoka (2015), "Strategic Communications and Social Media in the Russia Ukraine Conflict", pp. 103-111 in Kenneth Geers (ed.), p. 110.

132 James J. Wirtz (2015), "Cyber War and Strategic Culture: the Russian Integration of Cyber Power into Grand Strategy", pp. 29-37 in Kenneth Geers (ed.), p. 36. Also Lange-Ionatamishvili & Svetoka (2015), p. 106.

«Новороссия» была осуществлена до того, как этот термин стал использоваться более широко¹³³.

Чем сложнее и запутаннее война или кризис, тем легче использовать эти ситуации для пропаганды. Общественность не имеет доступа к каким-либо фактам, которые могут опровергнуть пропагандистские заявления. Необходимо инициировать обсуждение ситуации, определить критерии для измерения успехов, о которых повествуют официальные СМИ¹³⁴. Когда общественное мнение неоднозначно, что часто бывает, когда конфликт имеет некоторые признаки «гражданского», значение манипулирования ответными действиями гражданского населения на войну для обеспечения поддержки военных расходов существенно возрастает. Как объясняет Хэйст на примере Первой мировой войны и ненависти против пацифистов или других противников официального курса, пропагандистская битва идет не только против внешнего врага, но и против «врага в нашей среде»¹³⁵.

Информационная оккупация в Украине

Общее впечатление о сфере коммуникаций в Украине несколько противоречивое. На фоне проявляющегося курса на уважение свободы выражения мнений и информации, здесь одновременно присутствуют и некоторые ограничения. Ситуация не такая, как в России, где свободные СМИ очень ограничены, но в то же время существуют ограничения на свободу выражения мнения и в Украине. В какой-то степени это происходит из-за того, что страна переживает период реформ и в то же время имеет дело с вооруженным конфликтом. Однако ряд ограничений Украина унаследовала из прошлого, когда она являлась частью системы, в которой отсутствовали серьёзные гарантии для свободных СМИ. В обзоре стран Восточного партнерства в 2015 году Украина оказалась в середине списка после Грузии и Молдовы, но опередила Армению, Азербайджан и Беларусь, что неплохо для страны, находящейся в состоянии войны. Ситуация в Крыму, и в Восточной Украине значительно хуже, чем в остальной части страны, поскольку эти районы находятся вне контроля украинских властей.

Многие международные организации подчеркнули сложную ситуацию для СМИ в Крыму и Восточной Украине¹³⁶, где имеют место манипуляции, а также прямые угрозы журналистам, закрытие средств массовой информации, препятствия в журналистской деятельности, отсутствие надлежащего расследования нападений на СМИ и т.д. Украинские власти пытались принять меры для обеспечения доступности украинских СМИ в районах конфликта, но в ходе военных действий противником осуществлялись многочисленные акции на предотвращение этих мер¹³⁷. С 2014 года украинские каналы в Крыму были сняты с эфира и стали недоступны в кабельных пакетах, также некоторым крымским каналам было отказано в предоставлении частот или имели место другие препятствия их работе. Крымскотатарские СМИ входят в число тех, деятельность которых существенно ограничена¹³⁸. Таким образом, стало практически

133 Margarita Levin Jaitner (2015), "Russian Information Warfare: Lessons from Ukraine", pp. 87-94 in Kenneth Geers (ed.), p. 92.

134 In literature, the Vietnam war is often mentioned as the first war when it was necessary to pay attention to creating the narrative of success. See David L. Altheide & John M. Johnson (1980), "Bureaucratic Propaganda: The Case of Battle Efficiency Reports", pp. 299-328 in Robert Jackall (ed.), (1995), p. 300.

135 Haste (1977). She quotes returning British First World War soldiers as shocked at the attitudes in the country, saying that humanity existed more in the trenches than among civilians.

136 For example, the OSCE Representative on Freedom of the Media in many statements and interviews (<http://www.osce.org/fom/297526>; <http://www.osce.org/fom/295336>, <http://www.osce.org/fom/234691>).

137 For example: 5 January 2016 Ministry of Information Policy of Ukraine - MIP: *broadcasting of the First channel of Ukrainian radio in Donetsk and Luhansk regions was renewed* (<http://mip.gov.ua/en/news/874.html>); 29 December 2015 - MIP: *In Starobilsk Luhansk region broadcasting of one more Ukrainian TV channel was renewed* (<http://mip.gov.ua/en/news/872.html>); 1 December 2015 - MIP: *Latvia will provide three powerful transmitters to restore broadcasting in the east of Ukraine* (<http://mip.gov.ua/en/news/821.html>).

138 <http://www.osce.org/odihr/272816>

невозможно обеспечить наличие не только украинских, но и любых свободных и плюралистических СМИ в Крыму. Власти Украины не осуществляют контроль в районах конфликта на территории Восточной Украины, в то время как Россия не признает себя оккупирующей державой и отрицает какую-либо ответственность¹³⁹. В итоге, СМИ остаются незащищенными в правовом смысле, поскольку с одной стороны, власть сепаратистов является нелегитимной, с другой стороны, они и не осуществляют фактический контроль территории.

В сфере коммуникаций проявляются такие аномалии, как зависимость от России. В своей работе «Россия и ее соседи: старые отношения, новые возможности» К. Джайлс указывает, что в отношении кибервойны против Украины у России имеются важные преимущества, поскольку она уже контролирует некоторые телекоммуникационные компании и отдельные элементы инфраструктуры. До недавнего времени даже многие украинские правительственные чиновники использовали российские почтовые службы¹⁴⁰. Ещё до начала эры информационной зависимости Россия рассматривала последнюю как важный элемент власти. Вместо того, чтобы рассматривать кибербезопасность и информационную безопасность как отдельные вещи, как это делают НАТО и западные страны, где один компонент – технический, а другой – содержательный, русский дискурс рассматривает их как разные аспекты одного и того же явления. Существует еще большой страх перед контентом (как во времена Советского Союза, в дискуссиях вокруг спутников прямого вещания в 1970-х и 1980-х годах). Поэтому защита информационного пространства становится серьезной проблемой¹⁴¹, следствием которой является атака на информационное пространство. Для российских СМИ ограничения существовали ещё до войны в Украине, но государственный контроль за содержанием СМИ в последнее время усилился. Одним из проявлений этого является факт того, что, по крайней мере, подавляющее большинство россиян не получали иной информации, кроме официальной кремлевской версии украинского кризиса. Российские СМИ в Восточной Украине используют такой метод подстрекательства, как «зеркальное обвинение». Это означает, что СМИ предупреждают об атаках и просят граждан подготовиться к вероятным готовящимся нападениям, таким образом побуждая людей к совершению насильственных действий, поскольку они чувствуют, что это оправдано в качестве самообороны. Использование этого метода было отмечено в деле Тадича Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии¹⁴².

При оценке ситуации со СМИ в Крыму, следует исходить из того, что полуостров оккупирован вражеской державой. Коммуникационная сеть также контролируется и ограничивается ее властью. В такой ситуации действия, которые могут предпринять украинские власти, скорее всего, не будут эффективными¹⁴³. Однако, даже если в политическом смысле, имея целью подчеркнуть важность проблемы ограничений СМИ, какое-то явление можно было бы назвать «информационной оккупацией», в качестве юридического термина данное понятие по-прежнему остаётся сложным и дискуссионным.

139 Putin during his annual press conference at the end of 2015 admitted for the first time that there are Russian advisors in Eastern Ukraine, although still denying official military presence. Unsurprisingly, official Russian media claims that Western journalists who are ignorant about Ukraine twisted his words; <https://www.rt.com/op-edge/326334-putin-media-troops-ukraine/> This story is a good example of the Russia propaganda narrative about the issue, filled with images of “trustworthy” Western journalists for example.

140 Keir Giles (2015), “Russia and its Neighbours: Old Attitudes, New Capabilities”, pp. 19-28 in Kenneth Geers (ed.), p. 24.

141 Margarita Levin Jaitner (2015), “Russian Information Warfare: Lessons from Ukraine”, p. 88.

142 *Prosecutor v Tadic*, ICTY 7 May 1997.

143 Even if it is possible to identify individuals who are behind curbing freedom of expression in the Crimea and an Adviser to the Minister of Information Policy, Yuliya Kazdobina, states that the Ministry in partnership with representatives of rights-defence organisations plan to launch criminal proceedings in mainland Ukraine, and work for personalised sanctions like travel bans, freezing of assets, and so on, the impact of such measures may not be great, given the powerful regime that supports such individuals; <http://www.civicsolidarity.org/article/1440/list-people-curbing-freedom-speech-crimea>

Заключительные замечания

Нет сомнений в том, что с учетом важности информации в современном обществе, оккупация информационного пространства может быть столь же важной или даже более важной, чем физическая оккупация территории. Использование термина *«информационная оккупация»* представляется оправданным для привлечения внимания к такому явлению. Тем не менее, его не стоит употреблять в правовой сфере. Оккупация имеет определенное юридическое значение. Даже если её зачастую сложно определить в политическом контексте, для её юридического определения всё же существуют критерии. В то же время, на информационное пространство эти критерии перенести нелегко. Более того, введение новой концепции, чьё значение с самого начала выглядит расплывчатым, несёт риск того, что она может быть интерпретирована как позволяющая ограничивать свободу информации.

Интерес к влиянию и контролю над умами и мыслями людей существует с тех пор, как люди начали взаимодействовать между собой. Во время войны, боевых действий или другого кризиса, использование возможности воздействовать на информационные потоки становится приоритетным. В современном информационном обществе ИКТ приобретают все большее значение. Благодаря ИКТ мы имеем гораздо больше возможностей, чем просто обмен сообщениями. Следовательно, контроль над информационным пространством во время войны становится чрезвычайно важным. В то же время возможности современных информационных систем затрудняют такой контроль. Существует много разных способов общения, информационный рынок может быть глобальным и в значительной степени находиться в частной собственности.

Давайте не будем забывать о важности свободы выражения мнения, которую поддерживают международные организации и всё большее количество государств, особенно со времен Второй мировой войны. Эта свобода включает в себя право на доступ к информации, а также ее распространение. Это не абсолютная свобода, и её, к сожалению, все ещё довольно часто нарушают, но для демократического общества, для сохранения института демократии и для уважения прав человека, даже в периоды кризисов, любые ограничения свободы информации должны быть минимальными, пропорциональными и тщательно взвешенными. Трудно убедить государства оставаться верными эти принципам, особенно если одна из сторон конфликта - это государство, которое не соблюдает такие правила (как в случае с войной в Украине, поскольку Россия серьёзно ограничивает свободу выражения мнений). В этом случае битва за информационное пространство будет вестись без равенства вооружений. Однако, достижение желаемого результата за счет ограничения свободы выражения мнения в тех ситуациях, где нужно было бы заботиться о расширении демократических свобод, действительно можно было бы назвать Пирровой победой. Единственный способ сохранить реальную свободу выражения мнения - это оставаться на позиции морального превосходства, не используя те же методы, что и ваш противник.

Таким образом, даже если «информационная оккупация» продолжается, и даже если этот термин может быть полезен, он не должен использоваться в качестве (квази) юридического. Это скорее добавит путаницу, чем внесет ясность, и может стать инструментом для злоупотребления, дать предлог для ограничения потоков свободной информации. Украина сталкивается с врагом, который делает информационную войну основной частью своей деятельности, придавая особое значение такому понятию, как информационный суверенитет. Проводя ежедневную работу, направленную на нейтрализацию прокремлёвских троллей в киберпространстве и социальных медиа, Украине не стоит поддаваться соблазну использовать в борьбе те же методы, а необходимо продолжать следовать курсу на сохранение разнообразия средств массовой информации и предотвращение их принудительного закрытия.

Тема языка ненависти является чрезвычайно актуальной в Украине – на сегодня в обществе сложилась настолько напряженная ситуация, что любое неосторожное слово способно привести к взрыву. В моей лекции будет освещена позиция Европейского суда по правам человека по этому вопросу.

Начнем со статьи 10 Конвенции, которая хорошо известна всем юристам-практикам и адвокатам, работающим в сфере защиты прав человека. Указанная статья является единственным положением Конвенции, которое предусматривает, что при осуществлении гарантированного права лицо имеет определенные обязанности и ответственность.

В отличие от этой статьи, например, первая поправка к Конституции США говорит довольно жестко - «Конгресс не имеет права принимать законы, ограничивающие свободу слова». Таким образом, мы сталкиваемся с различными подходами в Европе и США к вопросу свободы слова.

Несмотря на то, что в этой главе основное внимание будет сосредоточено на практике Европейского Суда по этому вопросу, я остановлюсь и на американском подходе, который, не взирая на свои отличия, всё же, в некоторой мере, повлиял на европейскую практику.

Когда и каким образом можно ограничивать свободу слова?

Выводы Европейского суда по этому вопросу впервые были освещены в одном из первых дел Суда «Хэндисайд против Соединенного Королевства» (*Handyside v. The United Kingdom*). В этом деле было определено, что «Свобода слова составляет одну из ключевых основ «демократического общества» и одно из основных условий его прогресса и процветания». В другом деле – «Лингенс против Австрии» (*Lingens v. Austria*), Суд определил, что «Свобода выражения мнения составляет одно из основных условий прогресса и развития каждой личности». Ограничиваемая пунктом 2 статьи 10 свобода выражения мнения связана не только с «информацией» или теми «идеями», которые воспринимаются или рассматриваются как безобидные либо нейтральные, но также и с теми, которые оскорбляют, шокируют или беспокоят страну или какую-то часть общества. Этого требуют плюрализм, толерантность и дух открытости, без которых не может быть демократического общества».

В то же время, в выводах Верховного суда США по делу *Bose Corporation v. Consumers Union* было определено, что «Первая поправка к американской Конституции предусматривает, что свобода выражения мнений является не только аспектом индивидуальной свободы, но также и необходимым условием для установления правды и жизнеспособности общества в целом».

Таким образом, можно проследить, кроме отличий, существование определённых общих черт в указанных подходах.

Касательно американского подхода. По утверждениям Рональда Дворкина (*Ronald Dworkin*)¹⁴⁵ общество должно относиться к своим членам, как к сознательным лицам, морально способным оценить ситуацию, за исключением тех, которые являются некомпетентными. Господин Дворкин отмечает, что «(...) ни любое должностное лицо, ни большинство не имеют права скрывать от нас мнение на том основании, что мы не способны услышать и обдумать ее». Он считает, что Правительство оскорбляет своих

¹⁴⁴ Текст публичной лекция, которая состоялась 14 июля 2015 года в Академии адвокатуры Украины (г. Киев) при поддержке Украинского Хельсинского Союза по правам человека.

¹⁴⁵ Американский и британский юрист, политолог, философ и теоретик права.

граждан, когда решает, что им нельзя доверить услышать определенные мысли, которые Правительство считает вредными. Концепция моральной ответственности каждого лица, слышащего неблагоприятное мнение, постоянно освещается в особых мнениях разных членов Верховного суда США. Так, например, судья Уильям Орвилл Дуглас (*William Orville Douglas*) в своём особом мнении по делу «Деннис против США» (*Dennis v. United States*)¹⁴⁶ выразил убеждение, что «американскому народу можно доверять услышать опасную коммунистическую пропаганду. Мы должны верить, что наш народ никогда не предоставит поддержки этим адвокатам революции, пока мы остаемся лояльными к цели, ради которой была создана наша Нация».

Аналогичный подход предлагается некоторыми судьями Европейского суда, в том числе бывшими. Так, стоит отметить цитату из особого мнения судьи Торкел Опсал (*Torkel Opsahl*) в решении по делу «Эрроусмит против Соединенного Королевства» (*Arrowsmith v. United Kingdom*): «Цель повлиять на других, которые сами ответственны за свои действия, является ключевым и легитимным аспектом свободы слова в политических и других делах». В другом особом мнении по этому делу другой судья указал, что «лица, которых убедили принять выраженное мнение, должны нести своё личное бремя ответственности. Кроме того, подавление свободы слова в конечном счёте считается более опасным для национальной безопасности, чем толерантность к ней, поскольку подавление нежелательных мыслей не исключает их, оно просто загоняет их в подполье».

Возвращаясь к вопросу развития американского подхода к свободе слова, необходимо вспомнить, что первым делом, вдохновившем это развитие, является дело «Шенк против США» (*Schenck v. United States*)¹⁴⁷. Заявитель, Шарль Шенк, член социалистической партии, был арестован за организацию протестов против призыва в армию во время Первой мировой войны. Распространив около 20 000 памфлетов, в которых он сравнивал мобилизацию с рабством, он призвал граждан США протестовать против мобилизации, что являлось, по его утверждениям, их моральным долгом. В результате таких действий он был задержан. Верховный суд США постановил, что заявитель действительно имел свободу слова, однако в условиях войны эта свобода могла быть ограничена.

Судья Оливер Уэнделл Холмс (*Oliver Wendell Holmes*) в этом решении отметил, что: «В каждом случае всё зависит от того, употреблены ли слова в таких обстоятельствах и имеют ли они такой характер, чтобы создать очевидную и непосредственную угрозу реального бедствия (*clear and present danger*). Это вопрос вероятности и меры. Когда государство пребывает в состоянии войны, многие изречения, которые допустимы в мирное время, могут принести вред его военным усилиям, и не могут быть позволены во время боевых действий, и ни один суд не признает их защищёнными каким бы то ни было конституционным правом. Представляется приемлемым, что в случае доказательства наличия реальных препятствий призывной службе, ответственность за высказывания, которые привели к этому эффекту, может быть применена». Также он использовал свою известную метафору: «Строжайшая гарантия свободы слова не защитит человека, который лицемерно оповестит о пожаре в театре и повлечет панику».

146 *Dennis v. United States*, 341 U.S. 494 (1951).

147 *Schenck v. United States*, 249 U.S. 47 (1919).

Таким образом Верховный суд разграничил опасные высказывания и опасные деяния, заявив, что утверждения, которые содержались в листовках Шенка можно считать непосредственной угрозой безопасности страны и благополучию ее народа. Позже судом принимались аналогичные решения в отношении лиц, которые использовали свою свободу слова во время войны.

Впоследствии произошла определенная смена в подходе, а именно, при рассмотрении дела «Абрамс против США» (*Abrams v. United States*)¹⁴⁸. В указанном деле речь шла о подсудимых - российских мигрантах, которые путем разбрасывания листовок с многоэтажного дома, в котором проживал один из активистов, протестовали против попыток правительства США помешать революции в России.

По этому поводу существует карикатура, в которой судья обращается к подсудимому со словами: «Первая поправка к Конституции не защищает ваши прокоммунистические памфлеты», на что подсудимый, в свою очередь, ответил, что «такое утверждение доказывает чрезвычайную агрессивность США, потому что в Советском Союзе никогда не отрицали свободу слова».

148 *Abrams v. United States*, 250 U.S. 616 (1919).

Судья Джон Хессин Кларк (*John Hessin Clarke*) подготовил мнение большинства, согласно которому в этом деле содержались убедительные доказательства того, что обвиняемые были виновными в провокации против правительства и попытке сократить военно-материальное производство. Суд применил так называемый тест «плохой тенденции» и указал на то, что наличие в речи умысла на причинение определенного вреда достаточно для того, чтобы ограничить ее независимо от того, насколько теоретически отдаленным может быть этот вред. Было сказано: «Хотя непосредственным примером, возможно, были чувства, вызванные отправкой нашим Правительством войск в Россию как стратегической операцией ..., все же очевидной целью их пропаганды было в самый переломный момент войны побудить к недовольству, волнениям, беспорядкам, и, как они надеялись, к революции в этой стране с целью разрушения военных планов правительства в Европе». Язык этих листовок очевидно был направлен на провокацию и поощрение сопротивления США в войне.

Судья Холмс, автор доктрины «явной и реальной угрозы», не согласился с большинством по этому делу и отметил, что тест «явной и реальной угрозы» должен использоваться очень ограничено: «Я считаю, что мы должны быть бесконечно бдительными относительно попыток проверить выражение мнений, которые мы ненавидим и считаем смертельно опасными, если только они не являются настолько неминуемо угрожающими, чтоб требовать непосредственной проверки для спасения страны». По его мнению, изготовление абсолютно не известными никому лицами каких-то листовок и распространение их в определенном районе Нью-Йорка не создавало этой явной и реальной угрозы, которая оправдала ограничение свободы слова.

Таким был подход американцев относительно событий во время Первой мировой войны и революции в России. Далее наступила эпоха Красного террора в США. Решением Верховного суда США по делу «Уитни против Калифорнии» (*Whitney v. California*)¹⁴⁹ был подтвержден приговор об осуждении заявительницы за финансирование коммунистической партии, которая якобы намеревалась насильственно свергнуть правительство. Заявительница в свою очередь утверждала, что ни она, ни её партия, таких намерений не имела. Это дело интересно особым мнением Луиса Дембица Брандайза (*Louis Dembitz Brandeis*), одного из наиболее выдающихся бывших судей Верховного суда США. Это мнение считается самой мощной речью, направленной на защиту свободы слова. Он уточнил тест «явной

149 *Whitney v. California*, 274 U.S. 357 (1927).

и непосредственной опасности». «Страх серьезных потерь не может сам по себе оправдать подавление свободы слова и собраний. Люди боялись ведьм и сжигали женщин. Это функция языка - освобождать людей от рабства иррациональных страхов. Чтобы оправдать подавление свободы слова, должны быть разумные основания опасаться, что серьезное зло станет результатом свободы слова (...). Даже пропаганда нарушений, хотя требует морального осуждения, не является оправданием для отказа от свободы слова, если пропаганда не является подстрекательством и нет прямых указаний на то, что она потянет за собой неотложные меры. Существует большая разница между пропагандой и подстрекательством, между подготовкой и попыткой, между собранием и сговором, которую стоит иметь в виду (...)». Далее судья заявил, что «те, кто получил нашу независимость путем революции не были трусами. Они не боялись политических изменений. Они не усиливали порядок ценой подавления свободы». Для Брандайза тест для оправдания подавления свободы слова является достаточно жестким. Должны быть достаточно разумные основания относительно неизбежности опасности, а также основания считать, что зло является достаточно серьезным. Учитывая это, он заменяет слова, использованные судьей Холмсом, «реальная угроза» на слова «неминуемая угроза», как намерение навязать более жесткие условия, касающиеся как вероятности вреда, так и его немедленности во времени. Последним, очень важным шагом в истории теста «явной и непосредственной опасности» является дело «Бранденбург против Огайо» (*Brandenburg v. Ohio*)¹⁵⁰. Суд отменил осуждение лидера организации ку-клукс-клан за прославление преступления и саботаж. Доказательством, которое было использовано судами, была запись собрания ку-клукс-клан, в одном из эпизодов которого заявитель высказывался: «Мы - клан, мы - не организация мести, однако, если наш Президент, Конгресс, Верховный суд будут продолжать подавлять белую расу, вполне возможно, что придется прибегнуть к мести». Эта речь была четкой, прямой угрозой. На указанном собрании присутствовали только его участники и журналисты. Без очевидной ссылки на тест «явной и непосредственной опасности» Верховный суд применил следующий стандарт: «Конституционные гарантии свободы слова и свободы прессы не позволяют государству запрещать или осуждать пропаганду применения силы или нарушения закона, за исключением случаев, когда такая пропаганда направлена на подстрекательство к немедленному совершению противозаконных действий и, вероятно, повлечет такие действия, или приведет к ним». То есть, тест, который был заложен этим делом в дальнейшую юриспруденцию США, устанавливал следующие четкие критерии: во-первых, спикер должен иметь субъективное намерение подстрекать, и во-вторых использованные в контексте слова, вероятно, приведут к незамедлительным противозаконным действиям. Также в этом отношении стоит вспомнить о недавнем деле «Снайдер против Фелпса» (*Snyder v. Phelps*)¹⁵¹, в котором шла речь о захоронении американского солдата, погибшего в Ираке. На кладбище во время церемонии захоронения, где собралась семья погибшего, появились лица с плакатами «Спасибо Богу за мертвых солдат! Грех и стыд, а не гордость, а вы следуйте в ад!». Эти плакаты говорили о том, что смерть солдат в Ираке - это наказание за толерантность, которую США проявляют к гомосексуальным отношениям. Чувствительность ситуации заключалась в том, что отец этого погибшего солдата был лицом нетрадиционной сексуальной ориентации. Против указанных активистов с плакатами был подан иск. Однако, Верховный суд его не поддержал, а его председатель указал свое видение свободы слова: «Язык является мощным, он может возбудить людей к действию, вызвать у них слезы

150 *Brandenburg v. Ohio*, 395 U.S. 444 (1969).

151 *Snyder v. Phelps*, 580 F. 3d 206 (2011).

радости и грусти (...). Мы не можем реагировать на причиненную боль наказанием автора речи. Как Нация, мы выбрали другой путь - защищать даже неблагоприятную речь, касающуюся социальных проблем, для обеспечения того, чтобы публичная дискуссия не сдерживалась».

Таковым является общий американский подход к этому вопросу. Однако, как я писала в одном из своих особых мнений – «взирая на многочисленные известные исторические и политические причины, Европа сегодня не может себе позволить роскошь такого видения первостепенного значения свободы слова».

Прежде чем вернуться к рассмотрению практики Европейского суда по вопросу языка ненависти, стоит остановиться на двух моментах: Нюрнбергском трибунале и Всеобщей декларации прав человека.

Известно, что основным приговор Нюрнбергского трибунала, которым были осуждены все главнокомандующие нацистской армии, был принят 30 сентября - 1 октября 1946 (всего было проведено 12 процессов). Среди осужденных было два человека, которые непосредственно не отдавали приказов расстреливать, и которые не совершали военных операций. Первый из них - Юлиус Штрейхер¹⁵², известный главный редактор немецкого антисемитского издания «*Der Sturmer*» («Штурмовик»). Согласно выводам Нюрнбергского трибунала: «За его двадцать пять лет речей, сообщений и проповедей ненависти к евреям, Штрейхер был широко известен как «преследователь евреев номер один». В своих речах и статьях неделя за неделей, месяц за месяцем, он инфицировал немецкий ум вирусом антисемитизма, и подстрекал немецкий народ к активному преследованию. Каждый выпуск «*Der Sturmer*», который достиг тиража 600 000 в 1935 году, был наполнен такими статьями, часто грязными и отвратительными ... Такова была отравка, введенная Штрейхером в умы тысяч немцев, призвавшая их следовать национал-социалистской политике преследования и уничтожения евреев».

В решении Трибунала было указано, что ответственность Юлиуса Штрейхера основывалась, по крайней мере, частично на языке ненависти, который был окрашен в негативные цвета отношения немцев к евреям, и побудил их не только к физическому уничтожению, но и к преследованию евреев. То есть, язык ненависти, который побуждает не только к уничтожению, а и к преследованию, наказывается аналогичным образом.

Другим таким лицом, упомянутым в приговоре, является Ганс Фриче¹⁵³, который был руководителем отдела по вопросам радиовещания министерства народного просвещения и пропаганды. Радио, как известно, в нацистской Германии было основным средством массовой информации. Впоследствии он получил повышение на должность главы отдела новостей в соответствующем министерстве. Фриче был обвинен в заговоре по совершению преступлений против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности, однако оправдан трибуналом. Впрочем, это не помешало Суду по денацификации признать его виновным и приговорить к 9 годам лишения свободы. В приговоре отмечалось, что «обвинение основывается на намеренной фальсификации им новостей с целью подстрекательства немецкого народа к актам насилия». Фальсификация новостей не всегда означает прямой призыв к насилию, однако она создает климат, способствующий его совершению. Таким образом, Ганс Фриче также был осужден не за прямой призыв к преследованиям или к убийствам, а за действия, которые могли им содействовать.

Аналогично можно вспомнить известные дела Международного трибунала по Руанде, который установил, что сообщения в журнале и соответствующие трансляции

152 Julius Streicher.

153 Hans Fritzsche.

телеканала создали климат вреда и обусловили преследования представителей народности тутси. Таким образом, получается, что вредными являются не только прямые призывы к насилию, но и речи, генерирующие страх, ненависть и наконец, создающие условия для геноцида.

Что касается Всеобщей декларации прав человека, следует заметить, что по утверждениям исследователей, наиболее жаркие дискуссии при обсуждении ее текста велись вокруг статьи 19 относительно свободы слова. Возникал вопрос: насколько толерантным должно быть общество к свободе слова? В свете недавней истории фашистской пропаганды, которая привела к Второй мировой войне, и в то время, как западные государства настаивали на абсолютной свободе слова, государства коммунистического блока настаивали на ограничении именно языка ненависти. По этому поводу целесообразно процитировать советского дипломата Александра Богомолова: «...Нельзя сказать, что запрет пропаганды расовой, национальной или религиозной ненависти представляет собой нарушение права на свободу прессы или свободу слова. Между гитлеровской расовой пропагандой и любой другой пропагандой, разжигающей расовую, национальную или религиозную ненависть и подстрекающей к войне, очень короткий шаг. Свобода прессы и свобода слова не могут служить поводом для распространения взглядов, которые отравляют общественное мнение. Пропаганда в пользу расовой или национальной исключительности или превосходства служит лишь как идеологическая маска для империалистической агрессии».

В то время как Советский Союз и другие социалистические страны не достигли успеха при обсуждении Всеобщей декларации прав человека, они победили при обсуждении Международного пакта о гражданских и политических правах. Протоколы встреч показывают, что жаркие дебаты шли снова между представителями западной демократии и представителями коммунистического блока. Однако на этот раз победа была за коммунистическим блоком. Таким образом, пунктом 2 статьи 20 указанного Международного пакта установлено, что «любое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом».

Интересно отметить, что США ратифицировали Международный пакт о гражданских и политических правах, сделав оговорку именно к пункту 2 статьи 20 как противоречащему Первой поправке к Конституции США.

Наконец, мы переходим к Европейской конвенции по правам человека.

Европейский суд, с целью предоставления оценки вопросу языка ненависти, неблагоприятной речи, или речи, составляющей любой конфликт с правом, гарантированным Конвенцией, использует два следующих подхода. Во-первых, он может исключить рассмотрение вопроса о такой речи вообще из сферы защиты статьи 10 Конвенции, применив статью 17 Конвенции. Или, он может рассмотреть дело в контексте пункта 2 статьи 10 Конвенции, установив было ли ограничение свободы слова необходимым в демократическом обществе, либо было ли оно совершено в соответствии с законом и преследовало ли законную цель.

Исключения согласно статье 17 Конвенции

В первую очередь рассмотрим применение статьи 17 Конвенции, которую часто называют «гильотинным положением». Согласно ей «Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо Государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции,

или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции». Целью статьи 17 является не ограничение прав согласно Конвенции, а наоборот обеспечение системы демократических ценностей, заложенных в Конвенции.

Как отмечал один из лидеров Французской революции Луи Антуан де Сен-Жюст, «никакой свободы врагам свободы!» (*There is no freedom for the enemies of freedom*). Так же, как отметил автор «Теории справедливости» Джон Роулз, «справедливость не требует, чтоб люди ждали сложа руки, в то время, как другие уничтожают основы их существования» (*Justice does not require that men must stand idly by while others destroy the basis of their existence*).

Таким образом статья 17 Конвенции выражает идею воинственной демократии, то есть демократии, которая способна защитить себя. Конвенция, родившаяся из тёмных страниц истории человечества, логично не может предоставлять возможности и средства для возвращения назад в прошлое.

По этому поводу блестяще заметил идеолог нацизма Йозеф Геббельс, «одним из самых смешных аспектов демократии всегда оставалось то, что она обеспечивает своих смертельных врагов оружием, с помощью которого она может быть уничтожена».

Европейским судом по делу «Лоулесс против Ирландии» (*Lawless v. Ireland*) было отмечено, что «целью статьи 17 является невозможность получения из Конвенции права заниматься какой-либо деятельностью или совершать какие-либо действия, направленные на уничтожение прав и свобод, гарантированных Конвенцией. Никто не сможет воспользоваться положениями Конвенции для совершения действий, направленных на уничтожение вышеупомянутых прав и свобод». И борьба с расизмом, антисемитизмом, ненавистью, и борьба за свободу слова - это борьба за более высокий уровень культуры общества. Никто не защищает ограничения на высказывания взглядов или мнений, которые должны иметь место в плюралистическом, демократическом обществе. Но демократия должна иметь право также и защитить себя, пока не стало слишком поздно. Здесь целесообразна цитата философа Карла Поппера: «Во имя толерантности мы должны требовать права быть нетолерантными к нетолерантности».

В практике Европейского суда статья 17 Конвенции применяется чрезвычайно редко. Понимая, что указанная статья сама по себе может быть контекстом многочисленных злоупотреблений, Суд очень осторожен с ней. Впервые Суд применил её в контексте холодной войны в деле «Коммунистическая партия против Германии» (*Communist Party (KPD) v. the Federal Republic of Germany*), отметив, что создание «коммунистического общественного порядка с помощью пролетарской революции и диктатуры пролетариата» противоречит Конвенции.

Хотя политическая деятельность этой партии не была признано неконституционной в то время, Комиссия пришла к выводу, что она не отказалась от своих революционных целей (Decision of 20 July 1957, Yearbook 1, p. 222).

Кроме того, именно в рамках статьи 17 Конвенции может идти речь о нигилизме (отрицании). Понятно, что отрицание Холокоста вызывает необходимость применения статьи 17 Конвенции.

Впервые такие выводы содержались в деле «Леидо и Изорни против Франции» (*Lehideux and Isorni v. France*). Оно касалась брошюры, опубликованной в одном из ежедневных французских изданий, целью которой была реабилитация образа маршала Петена - главы управляемого нацистами режима Виши. Авторами этой брошюры было отмечено, что Петен вел двойную игру - делал вид, что сотрудничает с нацистами, однако на самом деле он работал на пользу Франции. Правительство Франции, в свою очередь, утверждало, что санкция против издания была оправдана, поскольку история с двойной игрой маршала Петена была опровергнута историками,

а указанная публикация имела целью исключительно «обелить» его образ. В этих обстоятельствах Правительство настаивало на применении статьи 17 Конвенции. Европейский суд отметил, что к его компетенции не относится урегулирование вопросов, которые являются частью продолжающейся дискуссии среди историков об этих событиях и их интерпретация. Указанный вопрос не принадлежит к категории чётко установленных исторических фактов, таких, как Холокост, отрицание или пересмотр которых лишены защиты статьи 10 в силу статьи 17 Конвенции. Следовательно, в этом деле *obiter dictum* (попутно) было отмечено, что статья 17 распространяется на отрицание Холокоста.

Следующее дело Европейского суда по этому вопросу - «Гароди против Франции» (*Garaudy v. France*), касалось осуждения псевдоисторика Роже Гароди за ряд отрывков в книге, которые были истолкованы французскими судами как отрицание Холокоста, расовая клевета и подстрекательство к расовой ненависти. В этом деле Европейский суд продолжил мысль, освещенную в предыдущем деле, и отметил, что отрицание реальности чётко установленных исторических фактов, таких как Холокост, подрывает ценности, на которых основана борьба против расизма и антисемитизма, и представляет собой серьёзную угрозу для общественного порядка. Такие акты являются несовместимыми с демократией и правами человека, потому что они нарушают права других, соответственно, их можно рассматривать как попытку возобновления нацистского режима. Это дело демонстрирует, что для того, чтобы применялась статья 17 Конвенции, в дополнение к обычному отрицанию фактов, в частности, отрицанию Холокоста как такового, необходимо наличие намерений у его сторонников к возобновлению нацизма или подстрекательству к расовой ненависти.

В деле «Витч против Германии» (*Witzsch v. Germany*) в 2005 году Европейский суд определённым образом изменил указанный подход. В нём речь шла о письме, содержащем заявления, ставившие под сомнение ответственность Гитлера и его партии за уничтожение евреев. То есть, это был не классический случай отрицания Холокоста, поскольку автор не ставил под сомнение ни Холокост как таковой, ни существование газовых камер. Этим данное дело отличалась от вышеупомянутого дела «Гароди против Франции». Во время его рассмотрения, Европейский суд для того, чтобы отклонить жалобу на основании положений статьи 17 Конвенции, должен был расширить разработанный ранее принцип, учитывая, что не только отрицание Холокоста как такового, но также и отрицание других одинаково значимых и установленных его обстоятельств подпадают под сферу применения статьи 17 Конвенции.

Отрицание Холокоста, толерантное отношение к нему, и отрицание других исторических фактов, связанных с ним, не должны допускаться в демократическом обществе. Отмечу, что основание движения отрицания Холокоста было разработано нацистами ещё до падения Рейха и уничтожения концентрационных лагерей.

Историки указывают на рассказы жертв – узников концлагерей, согласно которым немецкие палачи, издеваясь, говорили следующее: «даже если некоторые из вас останутся в живых, а также при наличии определенных доказательств, всё то, что вы будете рассказывать, будет настолько ужасным, что вам никто не поверит, а поверят нам, потому что мы будем всё отрицать». Фашисты считали, что даже в худшем случае, в случае их проигрыша, всё, что они делали будет не подтверждено и забыто.

Я хочу поделиться с вами историей, которую я услышала от Шерифа Бассиуни (*Cherif Bassiouni*), отца международного уголовного права, который в течение длительного времени проводил расследование актов геноцида в Боснии и был одним из инициаторов создания Международного уголовного суда, а также, который является автором Римского статута и ведущим экспертом ООН. Международное уголовное право, как вы знаете, зародилось в конце Первой мировой войны, когда

человечество было шокировано бессмысленными человеческими потерями, когда оно стремилось установить справедливость, в том числе, наказать виновных. Первая мировая война, как известно, закончилась заключением ряда мирных соглашений, в которых, среди прочего, шла речь о привлечении к ответственности лиц, виновных в многочисленных человеческих потерях. С самого начала список таких лиц состоял из 22 тысяч. Однако, впоследствии, учитывая нереальность этой цифры ее сократили до нескольких тысяч, потом до нескольких сотен. В результате, только 22 лицам было предъявлено обвинение, из которых только 19 были осуждены к наказанию в виде лишения свободы с максимальным сроком в 3 года. В первых списках обвиняемых были ключевые должностные лица Османской империи - за геноцид армян в 1915 году. Но речь идет о 1919 году - Турция занимала чрезвычайно важное геополитическое положение, контролируя Босфор, по ту сторону которого росла Коммунистическая Россия, так что никто не хотел раздражать турок. Справедливость подменили соображения «реальной политики»: в 1923 году в Лозанне был заключен секретный протокол, согласно которому все турецкие генералы были амнистированы. Бассиуни рассказывает, что в 1939 году, накануне вторжения в Чехословакию и Польшу, ключевые должностные лица Вермахта были не в восторге от такой идеи, поскольку они прекрасно помнили все попытки привлечь виновных к ответственности после Первой мировой войны. В ночь перед вторжением Гитлер беседовал с главнокомандующим Вермахта, который изложил ему свои замечания по этому поводу. Гитлер ответил просто: «слушайте, кто сегодня помнит об армянах?» То есть, прошло всего 20 лет, а мир уже забыл об этой трагедии, в которой погибли 1 млн. человек. На следующий день произошло вторжение немецких войск.

Говорят, что история не знает сослагательного наклонения. Однако есть достаточно оснований считать, что если бы тогда был признан геноцид армян и все причастные к нему наказаны, возможно не было бы Холокоста. Предполагается, что в случае отсутствия признания таких фактов, наличия сомнений в этом, отсутствия правосудия, такие действия могут повториться снова.

То есть, именно поэтому было выработано такое строгое требование мгновенно реагировать на отрицание Холокоста. А что касательно других преступлений против человечности, кроме Холокоста?

Известно, что существуют горячие дебаты по поводу геноцида армян, в которых на самом деле больше политики, чем истории или права. Например, накануне выборов во Франции Николя Саркози заставил свою политическую партию проголосовать за закон о криминализации отрицания геноцида армян. Однако, указанный закон так и не вступил в силу, поскольку Конституционный совет объявил его неконституционным.

В Украине мы также имеем дебаты касательно Голодомора 1932-1933 годов. В 2006 году был принят закон «О голодоморе 1932-1933 годов в Украине». Верховная Рада Украины признала его актом геноцида и установила наказание за публичное его отрицание. Но этот закон пока что не применялся. Для примера можно вспомнить иск против Виктора Януковича, который в апреле 2010 года высказался, что признавать Голодомор актом геноцида неправильно, несправедливо, потому что он был результатом советской политики, и не было никакого намерения уничтожить исключительно украинцев. Национальными судами было отказано в удовлетворении указанного иска.

Европейский Парламент и Парламентская ассамблея Совета Европы избегают любого признания Голодомора актом геноцида. Однако, в своих резолюциях они объявили его преступлением против человечности. Относительно геноцида армян, стоит вспомнить об одном из сенсационных дел по этому вопросу, рассмотренных Европейским судом, «Перинчек против Швейцарии» (*Perinçek v. Switzerland*).

Уголовным кодексом Швейцарии предусматривается наказание за отрицание и оправдание актов геноцида или любого другого преступления против человечности. Именно суд Швейцарии в 2007 году впервые в истории вынес приговор за отрицание геноцида армян. Обвиняемый господин Перинчек не отрицал ни существование массовых убийств и депортации, ни зверства, однако он считал, что это были зверства с обеих сторон и пришел к выводу, что считать такие действия геноцидом является «международной ложью».

При рассмотрении этого дела в суде Правительство Швейцарии настаивало на применении статьи 17 Конвенции, что Европейский суд, в свою очередь, отказался делать. Он признал, что некоторые из замечаний заявителя были провокационными. Говоря об указанных событиях, заявитель ссылаясь в своих речах на понятие «международной лжи». Тем не менее идеи, которые оскорбляют, шокируют или возбуждают, также защищены статьей 10 Конвенции. Заявитель никоим образом не ставил под сомнение существование массовых убийств и депортации, он только отрицал правовую характеристику этих событий как «геноцида». Суд считает, что отрицание правовой квалификации событий, имевших место в 1915 году, как «геноцида» само по себе не является таковым, которое разжигает ненависть к армянскому народу. Заявитель никогда не был привлечен к ответственности или осужден за оправдание геноцида или разжигание вражды. Он также не высказывал негативного отношения к жертвам событий. Поэтому Суд решил, что отсутствуют основания применять статью 17 Конвенции.

В решении Палаты Суд признал, что Швейцария нарушила статью 10 Конвенции, поскольку заявитель высказывал свои взгляды в качестве политика по вопросу об отношениях между Турцией и Арменией. Он высказывал свое видение правовой квалификации событий как геноцида, то есть его речь имела исторический, юридический и политический характер.

Кроме того, Европейский суд обратил внимание на отсутствие европейского консенсуса по этому вопросу. Так, среди ста девяноста стран мира только двадцать официально признали армянские события геноцидом. 15 октября 2015 года после рассмотрения Большой палатой было принято окончательное решение по этому делу.

Тем не менее, это решение не означает, что отрицание преступлений против человечности не может вызвать применение статьи 17 Конвенции. Хотя Суд ни разу не применял статью к такой категории дел, возможность этого применения была указана *obiter dictum*. Например, дело «Орбан и другие против Франции» (*Orban and others v. France*) касалось книги под названием «Специальные службы Алжира», опубликованной заявителями, в которой шла речь о массовых убийствах, пытках, осуществляемых французами во время войны в Алжире. Заявители были обвинены в публичной защите военных преступлений. Европейский суд отметил, что заявления, которые однозначно стремятся оправдать военные преступления, такие как пытки или массовые казни, являются попыткой отвлечь статью 10 Конвенции от ее прямого назначения. Однако в этом деле Суд не посчитал, что книга имела в виду такую цель. Это была скорее историческая дискуссия, потому Суд отказался применить статью 17 Конвенции, отметив, что теоретически это возможно.

Аналогичные выводы суда были озвучены в деле «Янович и другие против России» (*Janowiec and Others v. Russia*), касающегося расстрела в Катыни. Суд подтвердил свою постоянную позицию, что отрицание преступлений против человечности, таких как Холокост, противоречит основополагающим ценностям Конвенции и демократии, а именно справедливости и миру. Палата Европейского суда отметила, что позиция российских органов власти, которые отрицали реальные казни, имевшие место в катынском лесу, противоречат основополагающим ценностям Конвенции.

Язык расовой и этнической ненависти не пользуется защитой Конвенции в силу

статьи 17. В деле «Гриммервеен и Хедженбик против Нидерландов» (*Glimmerveen and Hagenbeek v. The Netherlands*), которое было рассмотрено Европейской комиссией ещё в 1979 году, заявители были осуждены за распространение листовок «белым» голландцам с требованием выгнать всех «не белых» лиц с территории Нидерландов. В решении о неприемлемости Европейская комиссия решила, что позиция заявителей четко содержит элементы расовой дискриминации, запрещенные Конвенцией и другими международными документами, соответственно, они не могут пользоваться защитой Конвенции.

Аналогично, в решении по делу «Павел Иванов против России» (*Pavel Ivanov v. Russia*), которое было признано Судом неприемлемым, заявитель, владелец газеты, был признан виновным в подстрекательстве к этнической ненависти с помощью средств массовой информации. Суд отметил, что заявитель обвинил всю этническую группу в заговоре против русского народа и приписал фашистскую идеологию еврейскому лидерству. «Он последовательно отрицал право на национальное достоинство евреев, утверждая, что они не образуют нацию. Суд ... согласен с оценкой национальных судов, что заявитель стремился своими публикациями разжечь ненависть к еврейскому народу. Такие общие и яростные нападения на этническую группу противоречат основополагающим ценностям Конвенции, в частности, толерантности, социальному миру и недискриминации. Таким образом, Суд считает, что в силу статьи 17 Конвенции, заявитель не может пользоваться защитой, предоставляемой статьей 10 Конвенции».

Для сравнения стоит вспомнить дело в отношении беженца из Руанды по имени Леон Мугесера¹⁵⁴, которое рассматривал Верховный суд Канады в 2005 году. Суду надлежало решить вопрос, является ли преследование за преступление языка ненависти настолько тяжелым, что исключало бы возможность предоставления убежища по канадскому законодательству. Господин Мугесера, политик экстремистского толка, на политическом собрании в 1992 году выступил с позорной речью, в которой он сделал попытку очернить народность тутси, назвав их «тараканами». Его речь была настолько мощной, что вызвала бешеную ненависть к тутси, которая в дальнейшем привела к Руандийской трагедии. Действительно, он нашел точный символ, ведь на самом деле тараканов не любят абсолютно все. И так случилось, что люди, которые всю жизнь были соседями, мгновенно представили, что тутси является тараканами, которых надо уничтожать.

Мой коллега, судья Европейского суда из Норвегии Эрик Мозе (*Erik Møse*), который в свое время был председателем в Международном трибунале по Руанде рассказывал много шокирующих историй по этому поводу. Так, например, во время допроса одной женщины весьма преклонного возраста народности хуту, которая за всю свою жизнь не могла убить даже мухи или без сожаления подрезать растения (они же чувствовали боль!), она объясняла, что абсолютно легко и без всякого сомнения убивала представителей народности тутси - «Ну да, а как же, они же тараканы» - образ тараканов, придуманный господином Мугесерой, был действительно мощным. В этом деле Верховный суд Канады отметил, что «вред от языка ненависти заключается не только в нападении на личное достоинство членов целевой группы, но и в том, что этой речи могут поверить, что может повлечь дискриминацию и даже насилие», что собственно и произошло.

По вопросу языка религиозной ненависти, стоит вспомнить решение Европейского суда о неприемлемости заявления по делу «Норвуд против Соединенного Королевства» (*Norwood v. United Kingdom*). Заявитель, который был региональным организатором британской национальной партии, в окне своей квартиры повесил плакат со словами «Мусульмане, вон из Великобритании!». Он был обвинен в языке

¹⁵⁴ Mugesera v. Canada (Minister of Citizenship and Immigration), [2005] 2 S.C.R. 100, 2005 SCC 40.

ненависти к расовой или религиозной группе, оскорблению или любом другом видимом знаке, что может восприниматься как угроза или оскорбление. Суд согласился с такой оценкой национальных органов власти и указал, что «слова и изображения на плакате были публичным выражением нападения на всех мусульман в Соединенном Королевстве. Такие общие яростные атаки против религиозной группы, связали группу в целом с серьезным актом терроризма, несовместим с ценностями, провозглашенными и гарантированными Конвенцией, в частности толерантностью, социальным миром и недискриминацией. Показ заявителем плаката в его окне представляет собой акт в понимании статьи 17, не пользуется защитой по статье 10 или 14 ...»

Пункт 2 статьи 10 Конвенции

Рассмотрев позицию Европейского суда по применению статьи 17 Конвенции к теме языка ненависти, перейдем к ситуациям, когда она является неприменимой, следовательно, Суд рассматривает необходимость вмешательства в свободу слова по пункту 2 статьи 10 Конвенции.

Каким же образом можно определить границы свободы слова, учитывая, что свобода выражения мнений, как известно, применяется не только к той «информации» или «идеям», которые благосклонно воспринимаются, но и к тем, которые оскорбляют, шокируют или беспокоят государство, или любую часть населения, учитывая, что таковы требования плюрализма, толерантности и широты взглядов?

Попытаемся очертить границы языка ненависти. По этому поводу Комитетом министров Совета Европы были приняты рекомендации, в которых отмечено, что «термин «разжигание ненависти» трактуется как понятие, покрывающее все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации и враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями»¹⁵⁵.

В практике Суда отсутствует чёткое определение языка ненависти, однако есть определённые параметры, по которым Суд оценивает такие речи.

Контекст и намерения – это два основных элемента, которые прагматично оцениваются с точки зрения их способности убедить, направить аудиторию, подстрекать её к осуществлению или неосуществлению конкретного деяния. Статус спикера, форма и влияние речи – это дополнительные элементы, которые тоже следует иметь в виду.

Прославление насилия

В соответствии с практикой Суда, прославление насилия включает в себя подстрекательство к насилию и вражде с учетом намерения лица-спикера. Тест, который в таких случаях применяется, очень похож на американский тест *clear and present daunger* (явная и немедленная угроза).

В деле «Эрроусмит против Соединенного Королевства» заявительница была осуждена за распространение листовок в военном лагере, целью которых было удержание британских военных от осуществления ими своих обязанностей в Северной Ирландии. Учитывая чрезвычайную сложность ситуации в Северной Ирландии на тот момент, значительную численность жертв в результате постоянных столкновений с террористами, Европейская комиссия сначала решила рассмотреть содержание этих листовок. Было выяснено, что они не просто выражали

¹⁵⁵ http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/994_093

политическую мысль, но их можно было толковать как поощрение солдат к дезертирству. В связи с тем, что дезертирство солдат создает угрозу национальной безопасности даже в мирное время, Комиссия пришла к выводу, что осуждение заявителя национальными судами соответствовало легитимной цели. Оставалось выяснить, было ли оно необходимым в демократическом обществе. По этому поводу заявительница настаивала на том, чтобы Европейская комиссия использовала вышеуказанную доктрину Верховного Суда США *clear and present danger* (явная и немедленная угроза). Комиссия, в свою очередь, не отклонила это, а наоборот отметила, что понятие «необходимо в демократическом обществе», с точки зрения статьи 10 Конвенции, подразумевает «настоятельную общественную потребность», которая может включать в себя тест на имеющуюся и непосредственную опасность, и должна быть оценена в свете обстоятельств конкретного дела. В связи с этим стоит вспомнить вышеуказанное дело «Шенк против США» (*Schenck v. United States*), которое является очень похожим. Комиссия признала уголовное преследование как насущную общественную потребность. «Учитывая особые характеристики жизни в армии, ограничения на свободу выражения взглядов заявительницы были в пределах усмотрения, оставленных британским властям для определения таких ограничений, необходимых для предотвращения недисциплинированности, а также по причинам, указанным выше, и содержатся в статье 10».

Два особых мнения были добавлены к этому делу, в частности, судья Торкел Опсал (*Torkel Opsahl*) считал, что «действия заявительницы отдаленно угрожали государственной политике, а потому не были, по его мнению, достаточным оправданием для вмешательства (в ее свободу слова) в системе Европейской конвенции, доверие к которой очень важно сохранить в мировой дискуссии по правам человека». То есть он использовал элемент теста неотложности, и считая, что не было немедленной угрозы, немедленного вредного влияния от ее листовок, он голосовал за нарушение 10 статьи Конвенции. Другой судья, Ник Клекер (*Nik Klecker*), отметил, что «во время нашей истории, когда так много людей готовы или защищать применения насилия для достижения политических целей, или же прибегать к насильственным мерам, в значительной степени защита должна быть предоставлена тем, кто стремится выразить свои взгляды на неодобрение умеренных ненасильственных способов. Должно быть понятно, что есть альтернативы насилию в обществе, которое хочет считаться демократическим».

В дальнейшем Европейский суд развивал свой подход к вопросу прославлению насилия в целом ряде дел против Турции, касающихся ситуации с Курдистаном.

Интересно отметить, что если заменить в текстах, которые оценивал тогда Европейский суд, слова «турецкая армия» на «украинская армия», а «Курдистан» на «ДНР, ЛНР», то просмотрев некоторые сегодняшние сообщения в СМИ и соцсетях, можно увидеть, что некоторые изречения и речи абсолютно идентичны. Всё, к сожалению, имеет свойство повторяться.

Определяющим решением, в котором Суд установил необходимые принципы, было решение по делу «Зана против Турции» (*Zana v. Turkey*). Заявитель был бывшим мэром турецкого города, и во время пребывания в тюрьме дал интервью, отметив, что он «поддерживает национально-освободительное движение РПК (Рабочая партия Курдистана), с другой стороны (он) не выступает за убийство. Любой может ошибаться, в том числе и РПК убивает женщин и детей ошибочно». Он был осужден за прославление или защиту серьезного преступления. Суд не нашел в этом осуждении нарушения статьи 10 Конвенции.

Вмешательство в свободу слова господина Заны имело легитимную цель, а именно защиту национальной безопасности и общественного порядка. Суд принял во внимание чувствительность ситуации в сфере безопасности в Юго-Восточной Турции,

где постоянно происходили стычки между силами РПК и турецкой армией, которые приводили к гибели мирных жителей.

Применяя критерии, разработанные в собственной практике, Суд пришел к выводу, что утверждения заявителя, были противоречивыми и неоднозначными, поскольку он поддерживал РПК, которая является террористической организацией и прибегает к насилию для достижения своих целей. В то же время, он объявлял себя противником насилия, а смерть женщин и детей описывал как «ошибки». Однако эти утверждения не могут рассматриваться вне контекста, и Суд придал особое значение общему турецкому контексту, в котором эти заявления были сделаны, кроме того это интервью совпало со смертельными нападениями РПК на гражданских лиц на юго-востоке Турции, где была крайняя напряженность на тот момент. Суд отметил, что в этом контексте слова скорее всего усилят и без того взрывоопасную ситуацию в регионе: «В этих условиях поддержка, оказанная РПК - изображенная как «национально-освободительное движение» - бывшим мэром ... в интервью, опубликованном в крупной ежедневной газете, может рассматриваться как такая, что вероятно, усилит и без того взрывоопасную ситуацию в регионе». Это решение было принято незначительным большинством - 12 голосами «за», при 8 – «против».

Часть судей не согласилась с решением большинства, отметив, что бывший мэр во время интервью находился в тюрьме. Соответственно, влияние его слов было не столь значительным. Другие судьи считали, что тот факт, что это интервью было напечатано в Стамбуле - далеко от места событий, также уменьшало влияние этого интервью на общество. В этом деле можно проследить, как Суд определил вышеуказанные пределы языка ненависти, в частности, обстоятельства речи - особенность ситуации с безопасностью в юго-восточной Турции, авторитет спикера и место распространения этого текста. Рассматривая эти аспекты, Суд попытался оценить вероятность ущерба от заявлений господина Заны, и эта позиция - «акт и следствие» - совершенно четко напоминает американскую доктрину *clear and present danger* (явная и немедленная угроза), без дополнительных требований неотложности, которые позже были внедрены в американскую юриспруденцию.

В другом деле «Сюрек против Турции» (№ 1) (*Sürek (no. 1) v. Turkey*) заявитель был признан виновным в распространении пропаганды целостности государства после публикации писем двух читателей в газете, которой он владел. Письма содержали отрывки со словами: «перед эскалацией освободительной войны в Курдистане, фашистская турецкая армия продолжает бомбардировки». Суд в этом деле отметил, что усматривается явное намерение заклеймить другую сторону конфликта, путем использования таких ярлыков, как «фашистская турецкая армия», «турецкая убийственная банда», «наемные убийцы империализма», наряду со ссылкой на «резню», «зверства» и «массовые убийства». По мнению Суда, оспариваемые письма приравниваются к призыву к кровавой мести путем разжигания базовых эмоций и укрепления уже существующих предрассудков, которые проявились в смертоносном насилии: «Кроме того, следует отметить, что письма были опубликованы в контексте ситуации в Юго-Восточной Турции [в котором] ... содержание писем должно рассматриваться как способное разжечь дальнейшее насилие в регионе

... Суд повторяет, что одного факта, что «информация» или «идеи», оскорбляют, шокируют или беспокоят, не достаточно, чтобы оправдать вмешательство. Однако в данном случае, речь идет о языке ненависти и прославлении насилия».

Одиннадцатью голосами против шести в этом деле не было найдено нарушения. Судьи, которые не согласились с мнением большинства, считали, что высказывания заявителя были абстрактными, отдаленными во времени и пространстве от действительного места или подготовленного насилия, и в этой ситуации свобода слова должна преобладать. Другие судьи считали, что свобода выражения взглядов,

защищаемая Конвенцией, может быть ограничена только тогда, когда есть прямое подстрекательство к совершению тяжких преступлений. Так, судья Джованни Бонелло (*Giovanni Bonello*) отметил: «Я считаю, что наказание национальными властями тех, кто поощряет насилие, будет оправдано в демократическом обществе, только если подстрекательство было таким, чтобы создать «четкую и непосредственную опасность». Когда предложение использовать силу **интеллектуализированно, абстрактно, и удаленно во времени и пространстве** от места действительного или готовящегося насилия, то ... свобода слова должна, как правило, преобладать».

В другом деле - «Сенер против Турции» (*Şener v. Turkey*), заявитель был осужден за опубликование статьи, содержащей, по мнению правительства, сепаратистскую пропаганду. В статье говорилось о положении курдского народа в южной части Турции, и начиналась она словами «мы наблюдаем полное уничтожение нации, беспрецедентный геноцид в чрезвычайно больших масштабах». Статья содержала резкую критику политики правительства Турции и вооруженных сил безопасности в отношении населения курдского происхождения. Автор критиковал общий подход экспертов к курдской проблеме, отмечая, что курдская реальность должна быть признана, и призвал «услышать курдов, вместо того, чтобы обращаться к военным действиям». Он выражал сожаление, что льется кровь между братскими народами, и свое недовольство всеми видами шовинизма. Правительство, в свою очередь, настаивало на том, что такие высказывания заявителя как: «Мы забываем, что единственный способ противостоять войне - это вести справедливую войну», составляли откровенное поощрение насилия. Правительство, также утверждало, что в контексте лютой кампании терроризма заявителя нужно было наказать. Европейский суд с ним не согласился, хотя и подчеркнул, что «обязанности и ответственность», сопровождающие осуществление права на свободу слова работниками средств массовой информации, приобретают особое значение в ситуациях конфликта и напряженности. Особая осторожность нужна, когда рассматривается вопрос публикации взглядов, содержащих призывы к насилию против государства, во избежание использования СМИ как средства распространения ненависти и пропаганды насилия.

В то же время, когда взгляды не могут быть классифицированы таким образом, Договаривающиеся государства не могут, со ссылкой на защиту территориальной целостности или национальной безопасности или предотвращения преступлений и волнений, ограничивать право общественности на получение информации о них, подвергая СМИ гнету уголовного права ... «

Суд отметил, что хотя некоторые фразы в высказываниях заявителя имели агрессивную цель, однако они не прославляли насилие. Суд, шестью голосами против одного, нашел нарушения статьи 10 Конвенции. Этим единственным судьей, который не согласился с большинством и, утверждавшим об отсутствии нарушения, был именно национальный судья. Он отмечал, что поддержка создания независимого курдского государства в той особой ситуации - это откровенная поддержка террористов, может быть приравнена к призыву к насильственным действиям.

Последнее дело, которое стоит упомянуть в этом контексте, является дело «Дюзгьорен против Турции» (*Düzgören v. Turkey*), в которой заявитель, журналист, распространил листовку о лице, на основании своих религиозных убеждений отказались от службы в армии, и в результате этого был осуждён. Листовка содержала следующие фразы: «Армия не в состоянии справиться с нами с помощью судебных методов, она думает, что она сможет скрыть противников войны от общественности. Я не солдат и никогда им не буду. Конечно, я осознаю, что могу быть призванным на военную службу в принудительном порядке, но

я буду сопротивляться до последнего момента, доводя, таким образом, свой отказ от военной службы в любом ее проявлении». Правительство отмечало, что обязательная военная служба в Турции была необходима для того, чтобы защитить национальную и общественную безопасность. Он утверждал, что заявитель совершил преступление подстрекательства к уклонению от военной службы.

Суд отделил это дело от дела «Эрроусмит против Соединенного Королевства», о котором было упомянуто выше, считая, что слова, использованные в статье, предоставляют враждебный оттенок военной службе, однако они не поощряют к насилию, вооруженного сопротивления или мятежа, и не являются языком ненависти. Кроме того, если в деле Эрроусмит заявительница непосредственно раздавала листовки военным, которые уже должны были идти воевать в Северную Ирландию, в этом деле листовки распространялись не в месте скопления военных, которые должны отправиться на юг Турции для военных действий, а в центре страны. Неблагоприятные листовки, по мнению Европейского суда, не имели целью как по форме, так и по содержанию вызвать немедленное дезертирство. Именно поэтому в настоящем деле Суд нашел нарушение.

Из приведённого анализа можно увидеть, что Суд, применяя статью 10 Конвенции, никогда не применяет тест «явной и непосредственной опасности», как в американской практике. Однако, он использует определенные элементы этого теста. По сравнению с американской юриспруденцией, Европейский суд не предоставляет достаточно чётких указаний государствам, каким образом необходимо действовать. Суд использует довольно широкий стандарт – «подстрекательство к насилию» - в значении, которое, в конце концов, всегда зависит от усмотрения судей, природы слов и контекста, в котором они были произнесены. Именно поэтому мнения судей, как мы увидели, существенно различаются в этих делах, и довольно трудно предсказать, будет ли то или иное высказывание квалифицировано судом как подстрекательство к насилию. Статья 10 Конвенции - абсолютная сфера субъективных мнений, где существенное значение имеют личные взгляды каждого отдельного судьи.

Прославление терроризма

В качестве примера дела по прославлению терроризма можно вспомнить «Леруа против Франции» (*Leroy v. France*), которое касалась карикатур заявителя, публиковавшихся в одной из местных газет. На одной из карикатур были изображены самолеты, которые ударяются в американские башни - близнецы, и содержалась надпись «мы все об этом мечтали, а Хамас это сделал».

Суд признал, что публикуя такой рисунок, заявитель выражал моральную поддержку и солидарность с исполнителями террористических атак в Америке, продемонстрировав одобрение насилия и унизив достоинство жертв. Суд в этом деле учёл вредное влияние такого изображения, и отметил, что «для того, чтобы составлять правонарушение, провокация не обязательно должна вызывать реакцию. Хотя в деле заявителя она приняла форму сатиры, ... лицо, пользующееся преимуществами свободы выражения мнения, должно принять определенные обязанности и ответственность». Таким образом, Судом не было установлено нарушение статьи 10 Конвенции.

Прославление тоталитаризма

На сегодня вопрос касательно прославления тоталитаризма является чрезвычайно актуальным. По этому поводу стоит вспомнить дело «Вайнай против Венгрии» (*Vajnai v. Hungary*) – так называемое «дело о красной звезде». Уголовным кодексом Венгрии предусмотрено наказание за распространение, публичное использование, отображение символов, которые рассматриваются как символы тоталитарного режима, включая красную звезду. Интересно, что конституционность этого положения кодекса была подтверждена решением Конституционного суда Венгрии, который указал, что «... разрешение на неограниченное, открытое и публичное использование такой символики серьёзно оскорбляет всех лиц, которые потерпели преследование со стороны нацизма и коммунизма. Соответственно, исторический опыт Венгрии и опасность, которую эти символы представляют для её конституционных ценностей, убедительно, объективно и разумно оправдывают их запрет и применение уголовного закона для борьбы с ними...»

В этом деле заявитель, являвшийся вице-президентом рабочей левой партии, был осужден за то, что на публичной демонстрации, в которой он принимал участие в качестве спикера, появился с красной звездой на пиджаке. Европейский суд отметил, что он принимает во внимание тот факт, что общеизвестные массовые нарушения прав человека, совершенные при коммунизме, дискредитировали символическое значение красной звезды. Однако, по мнению Суда, она не может рассматриваться как отображающая исключительно коммунистическое тоталитарное правление. Поэтому Суд считает, что рассматриваемый запрет, является слишком широким в свете многочисленных значений красной звезды.

Суд ссылаясь на то, что красную звезду также используют различные рабочие движения, и определённые законные партии в Европейских странах. В отношении цели обеспечения предотвращения правонарушений, Суд отметил, что правительство не привело ни одного примера фактической или даже отдаленной опасности потрясений, возникших в Венгрии из-за публичных демонстраций красной звезды. Сдерживание только теоретической опасности, в качестве превентивного средства защиты демократии, не может рассматриваться как «острая общественная потребность». Суд также подчеркнул, что «... потенциальная пропаганда этой идеологии, насколько бы она ни казалась отвратительной, не может служить единственным основанием для ее запрета посредством уголовного наказания. Эмблема, у которой может быть несколько значений, в контексте настоящего дела, когда она демонстрировалась лидером зарегистрированной политической партии, у которой, как известно, не было тоталитарных амбиций и стремлений, не может быть приравнена к опасной пропаганде...

Конечно, Суду известно, что систематический террор, применявшийся для укрепления коммунистического режима в некоторых странах, включая Венгрию, останется глубоким шрамом в памяти и сердце Европы. Суд согласен, что показ эмблемы, повсеместно используемой во время этого режима, может вызвать тревогу у бывших жертв и их родственников, которые могут справедливо считать такой показ

неуважительным. Тем не менее, Суд полагает, что такие чувства, как бы понятны они не были, сами по себе, не могут налагать ограничения на свободу выражения мнения».

Учитывая это Суд употребил абсолютно нетипичную для него фразу: «По мнению Суда, правовая система, налагающая ограничения на права человека с целью удовлетворить велению чувств общества – реальных или мнимых – не отвечает требованию острой насущной потребности, признаваемой в демократическом обществе, поскольку общество должно оставаться благоразумным в своем решении».

В результате Европейский суд установил нарушение статьи 10 по этому делу.

Язык расовой ненависти

Европейским судом неоднократно рассматривался вопрос расовой ненависти, в частности, анти-миграционного, антиисламского дискурса в средствах массовой информации. В деле «Фере против Бельгии» (*Féret v. Belgium*) заявитель, член парламента, член ультраправой партии, был осужден за публичное подстрекательство к расовой дискриминации и ненависти. Им была распространена листовка со слоганом его политической партии - рука, державшая триколор, со словами: «Защитим наши цвета». Исходя из такого слогана можно понимать «наши цвета» как цвета, например, флагов Бельгии или Франции. Однако, на самом деле речь шла о цветах кожи. То есть, в действительности была грязная игра слов. Кроме того, в этой листовке заявитель описывал неевропейские, эмигрантские общины, как имеющие исключительно криминальный менталитет и желающие использовать в своих целях социальные льготы, проживая в Бельгии. То есть, он стремился их высмеять и вызвать определенное негативное отношение к ним. Бельгийские суды продемонстрировали определенное чувство юмора - на национальном уровне заявитель был осужден к наказанию в виде 250 часов работы с мигрантами. Ему также было запрещено избираться в представительские органы власти в течение десяти лет.

Европейский суд по этому делу констатировал отсутствие нарушения статьи 10 Конвенции. Интересным является утверждение Суда, что влияние таких расистских и ксенофобских выступлений в ходе предвыборной кампании является более сильным, чем в любое другое время. Он признал существование неотложной общественной потребности в предотвращении волнений и защиты прав других лиц.

Суд подчеркнул, что «Подстрекательство к ненависти не ограничивается призывами к конкретным актам насилия или другим преступлениям. Оскорбления, насмешки или клевета, направленные на конкретные группы населения, или подстрекательство к дискриминации, как в этом случае, являются достаточными, чтобы предоставить приоритет борьбе с пропагандой ненависти, когда органы власти сталкиваются с безответственным использованием свободы выражения мнений, унижающим человеческое достоинство, и подрывающим безопасность. Политическая речь возбуждает ненависть, основанную на религиозных, этнических или культурных предрассудках, составляет угрозу социальному миру и политической стабильности в демократических государствах ...»

Решение по этому делу, которое на первый взгляд очевидно, было принято четырьмя голосами против трех. Судья Андраш Шайо (*András Sajó*) в особом мнении к решению отметил, что «регулирование содержания и ограничение речи, учитывая ее содержание, основаны на предположении, что некоторые высказывания противоречат «духу» Конвенции. Однако «дух» не предусматривает четких стандартов и открыт для злоупотреблений. Люди, в том числе судьи, склонны маркировать позиции, с которыми они не согласны как откровенно неприемлемые, и исключать их таким образом из сферы защищенной свободы слова. Однако, именно в случаях, когда мы сталкиваемся с идеями, провоцирующими нашу ненависть или отвращение,

мы должны быть наиболее осторожными в наших суждениях, поскольку наши личные убеждения могут влиять на наши выводы о том, что на самом деле опасно».

Религиозная нетерпимость

Вопрос религиозной нетерпимости является наиболее сложной темой. Примером может быть решение Европейского суда по делу «Институт Отто-Премингер против Австрии» (*Otto-Preminger-Institut v. Austria*). Заявителем была частная ассоциация, которая жаловалась на конфискацию фильма под названием «Любовный собор» (*Council in Heaven*), который она планировала выпустить для публичного показа. Фильм был снят по мотивам пьесы, написанной еще в конце XIX века во время распространения первой волны сифилиса. Эта пьеса была достаточно сатирической, поскольку ее автор считал, что такое заболевание как сифилис является в определенной степени мстью за слепое следование догмам, в то время как реальное значение веры остается вне усмотрения. Такие утверждения автора были осуждены еще тогда, в конце XIX века. В указанном фильме сочетаются эпизоды из этой пьесы и судебного процесса, осуществленного над его автором. В самом фильме Дева Мария и Иисус Христос изображены в абсолютно неприглядном виде. Фильм был конфискован за презрение к религиозным предписаниям. Компания-заявитель, соответственно, пожаловалась в Европейский суд на нарушение статьи 10 Конвенции.

Стоит заметить, что недавний скандал в России по поводу постановки оперы «Тангейзер» Рихарда Вагнера касался того же вопроса. Прокуратура заявила, что автор публично осквернил объект религиозного поклонения христианской веры.

В указанном выше деле против Австрии Суд констатировал отсутствие нарушения Конвенции, указав, что «любой, кто пользуется правами и свободами берет на себя «обязанности и ответственность». Среди них, в контексте религиозных мнений и убеждений, могут быть на законных основаниях включены обязанность избегать высказываний, которые откровенно оскорбительны для других и, таким образом, составляют нарушение их прав. Конфискуя фильм, австрийская власть действовала в целях обеспечения религиозного мира в этом регионе, недопущения того, чтобы люди чувствовали себя объектом нападений на свои религиозные убеждения в необоснованной и оскорбительной форме». То есть, Суд пришел к выводу, что при защите религиозных убеждений можно дополнительно сослаться на соображения общественного порядка, в целях предотвращения открытого конфликта между различными религиозными группами. Меньшинство судей с этим не согласилось, считая, что в этом деле никак нельзя говорить об оскорблении чувств других, поскольку в аннотации к фильму было четко описан его сюжет. Соответственно, лица, чьи религиозные чувства могли бы быть каким-то образом затронуты, могли не приходить на просмотр указанного фильма. Ряд судей также отметили, что «Формулировки Конвенции не гарантируют права на защиту религиозных чувств. Более того, подобное право не может быть получено из права на свободу религии, которое включает право критиковать религиозные взгляды других».

В дальнейшем Суд, в решении по делу «I.A. против Турции» (*I.A. v. Turkey*) рассматривал не только оскорбляющие или шокирующие комментарии либо «провокационные» мысли, но и «оскорбительное нападение на Пророка Ислама»: «Несмотря на существование определённой терпимости к критике религиозной доктрины в турецком обществе, которое глубоко привязано к принципам светскости, верующие могут справедливо чувствовать себя объектом необоснованных и оскорбительных атак. Поэтому Суд считает, что принятые меры по высказываниям автора, имели намерением обеспечить защиту от оскорбительных атак на вопросы, которые считаются для мусульман священными». Решение по указанному делу было принято четырьмя голосами против трех. Меньшинство судей указало, «что возможно

пришло время пересмотреть прецедентное право по этому поводу, которое на наш взгляд отдает слишком много внимания конформизму или единомыслию, и отражает слишком осторожную и робкую концепцию свободы прессы».

На самом деле, по моему мнению, проблема не в том, что слишком много внимания уделено конформизму, проблема гораздо более существенная. Она состоит в том, что Суд приравнивает богохульство, то есть нападки на Бога, к нападению на верующих. Это является довольно опасной тенденцией. Интересно, какое бы решение суд принял в этом деле сегодня, после нападения на Шарли Эбдо (*Charlie Hebdo*)¹⁵⁶. Ведь одно дело, когда обижается личное достоинство лица или религиозной группы, этнической группы, и совсем другое дело, когда речь идет, как в вышеуказанном деле, об «оскорбительном нападении на Пророка Ислама».

По этому поводу хочется процитировать замечательного российского поэта Андрея Орлова (*Орлуша*), который на следующий день после атаки на редакцию Шарли Эбдо написал стихотворение (на языке оригинала):

Клоуны в лужах крови уснули,
Дойдя последней линии до.
Хулили Бога, а Богу – хули?
Бог не читает «Шарли Эбдо».

В мозги, как в масло, входили пули
Текло что-то липкое цвета бордо.
Во имя Бога? А Богу – хули?
Бог не читает «Шарли Эбдо».

Смерть для Бога – дело житейское.
- Журнал бы смешнее делать могли, -
Ворчал Создатель, по Елисейским
Шагая с плакатом Je Suis Charlie.

Его в толпе узнавали люди –
В ночнушке, с нимбом и бородой,
А он гордился, что завтра будет
На новой обложке «Шарли Эбдо».

Криминализация «оскорбления религиозных чувств» является чрезвычайно опасным путем. Речь идет не об оскорблении конкретной группы, лица или личного достоинства, а образа того, что человек считает для себя священным.

В связи с этим стоит вспомнить российскую феминистическую панк-рок группу Pussy Riot, и её несанкционированное выступление в российском храме, за что ее участниц обвинили в хулиганстве по мотивам религиозной ненависти. Сейчас это дело находится на рассмотрении в Европейском суде.

Французский закон 1881 года, который и сегодня является действующим, совершенно четко разграничивает богохульство, которое не криминализуется и нападение на личное достоинство верующих. Можно представить, сколько исков было подано против Шарли Эбдо за декаду их существования. Однако, несмотря на строгость законов Франции по защите прав верующих, в 80% исков французскими судами решения принимались в пользу редакции. По заключению национальных судов карикатурное изображение пророка не является карикатурным изображением верующих.

И напоследок по вопросу религиозной нетерпимости, вспомним о деле «Гюндюз против Турции» (*Gündüz v. Turkey*), которое касается отношений между

156 Французский сатирический еженедельник.

демократией и шариатом. Суд повторно отметил, что «было бы трудно объявить свое уважение к демократии и правам человека, и в то же время поддерживать режим, основанный на шариате ... Он считает, что шариат, который искренне отображает догмы и божественные правила, установленные религией, является стабильным и неизменным, и явно расходится с ценностями Конвенции ... Нет никаких сомнений в том, что ... высказывания, которые стремятся распространить, сравнить до или оправдать ненависть на основе нетерпимости, в том числе религиозной нетерпимости, не пользуются защитой статьи 10 Конвенции. Тем не менее, Суд считает, что сам факт защиты шариата, без призывов к насилию, чтобы установить его, не может рассматриваться как язык ненависти ...»

Гомофобный язык

Впервые Суд столкнулся с вопросами гомофобной речи в деле «Вейделанд и другие против Швеции» (*Vejdeland and others v. Sweden*). В этом деле четверо ребят были осуждены за распространение в школьном заведении листовок со следующим текстом: «В ходе нескольких десятилетий общество пошатнулось от неприятия гомосексуализма и других сексуальных девиаций к освоению этой девиантной сексуальной склонности. Ваши антишведские учителя хорошо знают, что гомосексуализм имеет морально разрушительное воздействие на сущность общества и охотно стараются продвинуть его как нечто нормальное и хорошее. Поэтому, передайте им, что ВИЧ и СПИД начался с отношений между гомосексуалистами, и их беспорядочный образ жизни был одной из главных причин закрепления этой современной чумы. Скажите им, что лоббистские организации по поддержке гомосексуалистов также пытаются скрыть педофилию и спросите, должно ли быть легализовано такое сексуальное отклонение».

Суд единогласно не нашел нарушения положений Конвенции по этому делу, однако заметил, что нападения на лиц, совершённые путем оскорблений или клеветы на определённые группы населения, могут быть достаточными для власти, чтобы отдать предпочтение борьбе с расистскими высказываниями на фоне свободы слова, осуществлённой безответственно». Суд принял во внимание, что листовки были оставлены в шкафах молодых людей впечатлительного и чувствительного возраста, которые не имели возможности отказаться их принять; и Суд согласился с тем, что утверждения в листовках были оскорбительными. Это дело уникально тем, что хотя решение и принято единогласно, 5 из 7 судей высказали особое мнение.

Как отметили судьи Дин Шпильман (*Dean Spielmann*) и Ангелика Нуссбергер (*Angelika Nußberger*) в своем особом мнении, реальная проблема гомофобных и трансфобных издевательств и дискриминации в учебных заведениях может оправдать ограничения свободы слова, поскольку действительно, согласно исследованиям, проведённым в государствах-членах, ЛГБТ студенты страдают от издевательств со стороны как сверстников, так и учителей.

Судья Боштьян М. Зупанчич (*Boštjan M. Zupančič*) сравнил это дело с вышеупомянутым делом Верховного суда США «Снайдер против Фелпса», которое касалось захоронения погибшего в Ираке солдата. Он считал, что и в этом деле можно было бы констатировать нарушение положений Конвенции. «Американский Верховный суд имеет очень либеральную позицию относительно содержания спорных высказываний. То, что утверждение, возможно, является неуместным или спорным, «(...) не имеет отношения к вопросу о том, касается ли оно публичного интереса». Иными словами, свобода слова в *Snyder* (...) не должна быть усложнена соображениями пропорциональности, если спорные высказывания «справедливо считаются касающимися вопросов политического, социального или иного интереса общества». «Речи по вопросам публичного интереса занимают высокий ранг в иерархии ценностей Первой поправки, и имеют право на особую защиту».

Несколько противоположным было моё особое мнение, к которому присоединился судья Марк Виллигер (*Mark Villiger*). В особом мнении было указано на необходимость применения законодательства о языке ненависти и вероятного применения статьи 17 Конвенции в отношении существования тонкой грани между словесными оскорблениями и подстрекательством к насилию: такие обвинения ЛГБТ-сообщества в распространении ВИЧ и СПИДа способны спровоцировать агрессию против них. «Статистика преступлений на почве ненависти показывает, что пропаганда ненависти всегда наносит вред, непосредственный или возможный. ... По словам выдающегося американского конституционалиста Александра Биккеля (*Alexander Bickel*): «... Этот вид речей ... может создать климат, условия, в которых поведение и действия, которые не были возможны, становятся возможным ... Там, где нет ничего невероятного, нет ничего несостоявшегося».

Можно также вспомнить другое дело о гомофобных речах - «Идентоба и другие против Грузии» (*Identoba and Others v. Georgia*), заявителями в котором были жертвы столкновения во время гей-парада в Грузии между его участниками и представителями грузинской православной церкви. Последние «обрушили» на этот марш всю мощь «христианского всепрощения, любви и понимания». Там было как физическое насилие, так и язык ненависти к участникам парада. «Это насилие», как указал Суд, «которое состояло в основном из языка ненависти и серьезных угроз, повлекло страх, беспокойство и неуверенность, которые являются достаточно серьезными, чтобы достичь соответствующего порога статьи 3 в сочетании со статьей 14 Конвенции». То есть, язык ненависти может в определенных случаях достичь порога статьи 3.

Несколько аналогичным образом рассмотрел Суд вопросы языка ненависти в отношении лиц с ограниченными возможностями (инвалидов) в деле «Джорджевич против Хорватии» (*Dorđević v. Croatia*). Заявитель - подросток с физическими и психическими недостатками - испытывал постоянные насмешки со стороны других детей и подростков. Судом было указано, что дело касается позитивных обязательств государства вне сферы уголовного права: ситуации, когда компетентные государственные органы были проинформированы о наличии фактов серьезных оскорблений и даже насилия, направленного против личности с физическими и психическими недостатками; но при отсутствии какого-либо вмешательства со стороны государства в такие ситуации с целью надлежащего реагирования на акты насилия и оскорбления, которые имели место, и их предотвращения в будущем, судом было установлено нарушение статьи 3 Конвенции.

Травля лица, учитывая его психические и физические недостатки, не может оставаться безнаказанной. Стоит помнить, что именно с этого начался Холокост. Кстати, идея применения газовых камер принадлежит ирландскому писателю - Нобелевскому лауреату Бернарду Шоу. В свое время им было высказано мнение о целесообразности нахождения газа, с помощью которого можно было бы безболезненно «гуманно» умерщвлять «лишних» для общества лиц (инвалидов, пожилых людей, от которых нет пользы). За эту идею радостно ухватилась команда Адольфа Гитлера, и черное пятно навсегда легло на репутацию писателя, который пытался «оправдаться», что он никоим образом не имел в виду любое тотальное уничтожение определенных групп.

Слово является оружием. Как говорил Лев Толстой «словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом можно служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти». Язык ненависти – взрывчатка замедленного действия, но в условиях чрезвычайной общественной напряженности он может стать оружием массового уничтожения.

«ОХЛАЖДАЮЩИЙ ЭФФЕКТ» В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Сергей Заец

Адвокат, эксперт Регионального центра прав человека

Одним из критериев допуска жалоб к рассмотрению Европейским Судом является причинение ущерба индивидуальным интересам заявителя (статья 34 Европейской конвенции о защите прав человека). Жалобы «в защиту общественных интересов» (*actio popularis*), в которых поднимается вопрос об абстрактном несоответствии правового порядка в стране стандартам Конвенции, признаются Судом неприемлемыми.

При подаче жалоб, связанных с нарушением свободы выражения мнения, заявитель обязан соблюсти те же условия. Тем не менее, в ходе рассмотрения дела общий контекст может иметь для Суда гораздо большее значение, чем индивидуальные обстоятельства заявителя.

Специфическая роль средств массовой информации в демократическом обществе состоит в том, что они выступают ареной для дискуссии по важным вопросам. СМИ собирают информацию не для консервации в архиве или библиотеке, но для ее оперативной ретрансляции. В силу такой их функции, в делах по жалобам на вмешательство в деятельность СМИ по сбору и распространению информации, которые рассматриваются Европейским судом, незримо в качестве заявителей помимо журналистов или редакции присутствуют также и потребители этой информации. Как в человеческом организме: хотя циркуляция крови между сердцем и легкими, и ее обогащение кислородом является важной частью работы сердечно-сосудистой системы, не менее значимой является также и доставка кислорода в периферические отделы. Сбой в любой части цикла плохо сказывается на всем организме, поэтому при лечении сердца врач всегда должен помнить и о других органах, которые зависят от кровоснабжения.

В некоторых делах, рассмотренных Европейским судом, такой системный подход проявляется наиболее отчетливо. В частности, это касается дел, в которых Суд обращается к концепции так называемого «охлаждающего эффекта». Под охлаждающим эффектом ЕСПЧ подразумевает негативные последствия действий государства, выходящие за рамки отдельно взятого дела и способные оказать влияние на свободу слова в стране в целом.

Ниже мы рассмотрим вышесказанное на примере нескольких решений ЕСПЧ. В этих делах основой для оценки правомерности вмешательства в свободу выражения мнения является классический трехступенчатый тест. Этот обзор не претендует на полноту охвата темы и призван продемонстрировать некоторые примеры вмешательства в свободу выражения мнения, которые могут иметь значение в контексте темы этого выпуска.

Первые два дела, которые мы рассмотрим, касаются защиты журналистских источников.

В деле ***Goodwin v. the United Kingdom*** (Application No. 17488/90; Judgment of 27 March 1996)¹⁵⁷ Большая Палата ЕСПЧ одиннадцатью голосами против восьми установила нарушение статьи 10 Европейской конвенции в ситуации, когда британские суды подвергли журналиста наказанию в виде значительного штрафа за отказ раскрыть источники утечки конфиденциальной информации о финансовом состоянии компании Tetra Ltd.

Специфика данного дела состоит в том, что компания смогла упредить

¹⁵⁷ <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57974>

распространение информации, получив судебный запрет на ее публикацию. Этот запрет делал невозможным распространение информации через большинство СМИ. Тем не менее, в ходе рассмотрения дела национальный суд обязал заявителя раскрыть личность того, кто обеспечил утечку.

Европейский суд отметил, что распространение информации уже было предотвращено на основании предписания национального суда, поэтому требование о раскрытии источника ничего не добавляло для защиты интересов компании в этом смысле. Однако необходимость предпринятых на национальном уровне мер была обоснована также тем, что компания Tetra Ltd продолжала находиться под постоянной угрозой, что эта или иная коммерческая информация может быть раскрыта тем же лицом непосредственно, минуя СМИ, перед потребителями или конкурентами компании. Европейский суд отметил, что в данном деле существует очевидная конкуренция между интересами компании и заинтересованностью общества в существовании свободной прессы.

Суд подчеркнул, что защита журналистских источников является одним из основных условий свободы прессы. Отсутствие такой защиты может стать фактором, который будет удерживать лиц, владеющих важной для общества информацией, от взаимодействия с прессой. Таким образом может быть подорвана ключевая роль прессы как «сторожевого пса демократии» и ее способность обеспечивать точное и надежное информирование общества. Потенциальный охлаждающий эффект требования о раскрытии источника информации делает такое требование несовместимым с положениями статьи 10 Конвенции.

Другими словами, угроза того, что в другой раз этот или иной «источник», опасаясь за свою безопасность, может побояться сотрудничать с прессой, делает такое вмешательство недопустимым. Существование канала, через который общество может получать информацию, является важнее, чем защита компании от потенциальной угрозы, которую этот канал представляет для ее экономической безопасности.

Следующее решение - по делу *Financial Times Ltd and others v. the United Kingdom* (Application No. 821/03; Judgment of 15 December 2009)¹⁵⁸ в целом повторяет выводы по делу Goodwin. Отличие этого дела от предыдущего состоит в том, что информация была опубликована, однако ее точность и достоверность ставились под сомнение.

В редакцию нескольких изданий (*Financial Times, The Guardian, The Times, Reuters* и других) по почте поступила копия конфиденциальных документов, которые касались готовящейся покупки корпорацией *Interbrew* акций своего конкурента – *South African Breweries plc*. Личность человека, который разослал копии документов, не была известна даже журналистам. Материал был опубликован в нескольких изданиях. Предположительно в документы были внесены некоторые искажения. Все это привело к существенному изменению котировок акций этих компаний и причинило значительный экономический ущерб.

Компания *Interbrew* инициировала судебный процесс против нескольких из указанных СМИ, в котором, ссылаясь на интересы расследования утечки информации, требовала предоставить копию отчета и конверты, в которых они поступили в адрес редакций. Национальные суды это требование удовлетворили.

Европейский суд отметил, что, хотя в данном случае речь идет не о раскрытии личности человека, который передал конфиденциальную информацию в СМИ, но только о документах, которые могли помочь установить его личность, само по себе принуждение журналистов к сотрудничеству в вопросе раскрытия источника может негативно сказаться на возможности СМИ выполнять свою функцию в обществе. Хотя и понятно, что в случае несанкционированной утечки информации существует риск повторения такой ситуации в будущем, интерес в пресечении этого канала не

¹⁵⁸ <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-96157>

превышает интерес общества в защите журналистских источников. Поэтому возможное раскрытие источника в данном случае также могло иметь охлаждающий эффект.

Следующее дело, в котором Суд отметил возможность проявления охлаждающего эффекта, это дело *Mosley v. the United Kingdom* (Application No. 48009/08; Judgment of 10 May 2011)¹⁵⁹.

В данном деле заявитель ставил вопрос о нарушении государством позитивных обязательств по статье 8 Конвенции в связи с тем, что в газете «Новости мира» была опубликована информация о его личной жизни, и, кроме того, на интернет-сайте этой же газеты было размещено видео с участием заявителя в сценах сексуального характера. Суд отметил, что видео вызывало гораздо больший интерес, и имело гораздо большее влияние, чем сам текст публикации.

Заявитель получил денежную компенсацию на национальном уровне, однако утверждал, что такая компенсация не может привести к полному восстановлению его прав. Он настаивал на существовании позитивных обязательств государства защищать личную жизнь граждан. По его мнению, государство должно было обязать журналистов предварительно информировать человека в случае намерения опубликовать информацию о его частной жизни.

Хотя Суд подверг критике поведение газеты, он отметил, что возможное требование о предварительном уведомлении лица о планируемой публикации должно рассматриваться в более широком контексте роли прессы в дискуссии по вопросам широкого общественного интереса. Суд не признал нарушения статьи 8 Конвенции в данном деле, поскольку требование о предварительном уведомлении относительно предстоящей публикации может иметь охлаждающий эффект.

Суд отметил, что, хотя доводы заявителя в конкретных обстоятельствах данного дела выглядят убедительно, нельзя забывать о более широком характере обязательства о предварительном уведомлении о публикации. В частности, Суд указал, что последствия такого подхода будут иметь значение не только в случае сенсационных материалов, но также могут быть распространены на политические репортажи и журналистские расследования.

В деле *Altug Taner Akcam v Turkey* (Application No. 27520/07; Judgment of 25 October 2011)¹⁶⁰ заявителем являлся профессор, который проживал в Анкаре. Он занимался историческими исследованиями событий 1915 года, которые касались политики Османской империи по отношению к армянскому населению и имел большое количество публикаций по этой теме.

В 2006 году он опубликовал редакционную статью, в которой высказался в поддержку коллег, привлекаемых к уголовной ответственности за очернение турецкого народа. Их вина состояла в том, что они публично обвинили турецкую нацию в геноциде армян.

В связи с этой публикацией заявителя вызвали в офис прокурора для допроса по обвинению в провокации преступления и разжигании межнациональной розни. Впоследствии уголовное преследование в отношении заявителя несколько раз прекращалось и возобновлялось вновь. В конечном итоге, оно было прекращено вследствие истечения сроков давности.

В данном деле Суд проанализировал вопросы о том, имело ли место вмешательство в права, гарантированные статьей 10 Конвенции, и было ли вмешательство предусмотрено законом.

Касательно первого пункта Правительство утверждало, что заявитель по данному делу утратил статус жертвы, поскольку уголовное преследование в отношении него было прекращено. Суд не согласился с Правительством, поскольку заявитель представил убедительные доказательства того, что его научная деятельность

159 <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-104712>

160 <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-107206>

посвящена исследованию вопроса о геноциде армян в Османской империи, и, таким образом, продемонстрировал, что его непосредственно затрагивает сама угроза привлечения к уголовной ответственности за ведение такой деятельности.

Суд отметил, что положения законодательства Турции имели охлаждающий эффект в аспекте свободы выражения мнения, поскольку порождали у заявителя страх подвергнуться наказанию. Даже в случае фактического прекращения уголовного преследования в связи с конкретными обстоятельствами, у заявителя существовали основания воздерживаться от подобных заявлений в будущем. Таким образом, угроза уголовной ответственности имела охлаждающий эффект и являлась формой вмешательства в свободу выражения мнения заявителем.

При этом Суд отметил также нечеткость положений Уголовного кодекса и на этом основании признал нарушение статьи 10 Конвенции со стороны Турции.

В деле *Kaperzyński v. Poland* (Application No. 43206/07; Judgment of 3 April 2012)¹⁶¹ заявитель являлся редактором одной из небольших местных газет в Польше. Он опубликовал статью, которая касалась проблем с канализацией в зоне ответственности местного муниципалитета и содержала критику в адрес властей. В ответ он получил письмо от главы муниципалитета, которое было исполнено в ироническом тоне и содержало обвинение в адрес заявителя в том, что, публикуя материал, он действовал в личных интересах. Заявитель проигнорировал это письмо и в результате был привлечен к уголовной ответственности за отказ опубликовать опровержение или ответ. Ему было назначено наказание в виде четырех месяцев ограничения свободы, общественных работ и лишения права заниматься журналистской деятельностью. Исполнение наказания было отсрочено на два года.

Со ссылкой на свою предыдущую практику, Суд в очередной раз подчеркнул, что угроза привлечения к уголовной ответственности оказывает безусловный охлаждающий эффект на свободу журналистской деятельности. Учитывая достаточно суровый характер наказания, Суд установил, что вмешательство в деятельность журналиста в данном деле не было «необходимым в демократическом обществе».

Следует отметить, что охлаждающий эффект может иметь место не только в случае с журналистами. В деле *Elçi and Others v. Turkey* (Application No(s). 23145/93 and 25091/94; Judgment of 13 November 2003)¹⁶² заявителями были адвокаты, которые осуществляли защиту на национальном уровне и вели дела перед Европейским Судом по правам человека. В связи с их профессиональной деятельностью они были задержаны полицией, допрошены и подвергнуты бесчеловечному обращению. Суд согласился с тем, что такое обращение наносит вред их профессиональной деятельности - пусть даже временного характера. Однако в более общем контексте Суд выразил озабоченность тем, что это также оказывает охлаждающий эффект на всех лиц, вовлеченных в уголовную защиту или защиту прав человека в Турции.

Применение указанных принципов к оценке ситуации в Крыму дает еще один аргумент заявителям при подаче жалоб в Европейский суд. Обыски у журналистов и изъятие техники создают угрозу раскрытия круга общения и источников информации. Уже это само по себе может удерживать людей от откровенных разговоров с представителями СМИ даже в случае обещания конфиденциальности. Очевидно, что в таких условиях выполнение подобного обещания далеко не всегда зависит от воли журналиста. Кроме того, положения Уголовного кодекса РФ сдерживают и самих журналистов от обсуждения острых вопросов, связанных с оккупацией полуострова. Реальный характер угрозы подвергнуться обвинениям в экстремизме, разжигании межнациональной розни или призывах к нарушению территориальной целостности Российской Федерации приводит к замораживанию горячих тем и превращает Крым в информационную дыру.

161 <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-110171>

162 <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-61442>

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ МЕДИА В ОККУПИРОВАННОМ КРЫМУ

Елена Соколан

Свобода вынужденного слова...

Три года российской оккупации кардинально изменили информационное поле Крыма. Журналисты вынуждены были или адаптироваться к новым реалиям, существенно отличающимся от украинских, или покинуть полуостров. В крайнем случае - отказаться от имен и соблюдения многих стандартов в пользу анонимности ради собственной безопасности. Существенные изменения претерпели как подходы к работе и методы сбора информации, так и правовое поле в целом. Российское законодательство, и правоприменительная практика, касающиеся сферы медиа, жестче, чем украинское и в определенной мере направлено на ограничение свободы слова и прав журналистов. По мнению правозащитников, чиновники и сотрудники силовых структур оккупированного Крыма не лояльны к работникам прессы и не проявляют интереса к проведению расследования преступлений, совершенных против них.

Крымский полуостров, по сути, находится в информационной изоляции - российские и местные медиа, демонстрирующие лояльность к власти, не в полной мере отражают особенности жизни этой «серой» территории, часто замалчивают факты ущемления прав работников медиа, а иногда и открыто манипулируют ими в угоду чиновникам и силовикам. Украинские же и международные правозащитники и журналисты имеют весьма ограниченный доступ к информации в Крыму. Поэтому цель данной статьи - выявить практическую разницу между применением украинского и российского законодательства в медиа-сфере и собрать как можно больше уникальных свидетельств крымских журналистов об их работе в условиях оккупации.

В материале использованы интервью, в том числе и анонимные, работников СМИ Крыма и Севастополя, проанализированы результаты осуществляемого правозащитными организациями мониторинга соблюдения прав человека, сделан сравнительный анализ применения законодательства России и Украины по отношению к журналистам и СМИ.

В феврале 2014 года Владимир Путин подписал закон, который внес поправки в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее УК РФ). С этого момента, за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (статья 280 УК) россиянам грозит как минимум штраф в 100-300 тысяч рублей (около 1,5 - 4,4 тысяч евро), а как максимум - лишение свободы на срок на до 5 лет. Указанные поправки также усилили ответственность «за возбуждение ненависти или вражды» (статья 282 УК РФ) - штраф стартует от 300 тысяч рублей (около 4,4 тысяч евро), а максимальный срок заключения - 6 лет.

За организацию экстремистского сообщества (статья 282.1 УК) предусмотрено минимальное наказание - штраф в 400 тысяч рублей (около 5,8 тысяч евро), максимальное - десять лет тюрьмы. Примечательно, что так называемое «антиэкстремистское законодательство» российским законодателем прописано настолько размыто, что под определение такого сообщества, при желании, можно подвести любую организацию или группу людей, открыто критикующую действия чиновников. Причем, таким сообществом может считаться и интернет-издание, распространяющее запрещенные, по мнению правоохранительных и судебных органов, материалы. На сегодняшний день по «экстремистским статьям» в оккупированном Крыму судят, в том числе, заместителя председателя Меджлиса крымскотатарского народа Ильми Умерова, которому грозит до 5 лет тюрьмы, и

журналиста «Радио Свобода» Николая Семену, которому суд в Крыму уже определил 2 года и 6 месяцев лишения свободы условно, с испытательным сроком на 3 года, а также запретил ему заниматься любой публичной деятельностью в течение испытательного срока. Процессы эти, в отличие от общероссийской практики, напрямую связаны с особенностями крымской ситуации в медиасфере. Оба фигуранта подверглись уголовному преследованию за отрицание ими в СМИ принадлежности Крыма Российской Федерации, что по сути является воспроизведением официальной позиции институций Совета Европы и ООН, заключающейся в последовательном признании Крыма и Севастополя территорией Украины. При этом, Ильми Умеров даже был принудительно отправлен на психиатрическую экспертизу в Симферопольскую психбольницу. Сам Умеров, его родные и адвокаты, расценили это как способ психологического давления на него. Благодаря широкому общественному резонансу во всем мире, Умерова удалось освободить из больницы.

Есть в российском законодательстве и отдельное наказание для СМИ, которые суд сочтет распространителями экстремистских материалов. Так, статья 11 Федерального Закона «О противодействии экстремистской деятельности» разрешает изымать материалы, или целый тираж, аудио и видеозаписи программ, и даже вообще прекращать деятельность средства массовой информации на основании решения суда.

Правозащитник «Крымской полевой миссии» Дмитрий Макаров объясняет - именно размытость «антиэкстремистских» поправок в России дает возможность давить на любые СМИ и журналистов, ведь под это понятие можно подвязать любую критику власти (КПМ - совместная инициатива украинских и российских правозащитных организаций, начала свою работу 5 марта 2014 года).

Статья 1 Федерального Закона «О противодействии экстремистской деятельности» дает следующее определение экстремистской деятельности:

«насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;

пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;

публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое

распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг».

Часть 2 статьи 280 УК РФ является специальной нормой, устанавливающей ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности «с использованием СМИ». Она предусматривает более жесткое наказание именно для сотрудников СМИ, а также информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе, Интернет). «По сути, любое утверждение, что Крым является частью украинской территории, угрожает лишением свободы на срок до 4 лет. А с использованием СМИ - до 5 лет. И мы знаем, что уже есть уголовные дела в Крыму по этим статьям против журналистов, которые, в том числе, пишут про Крым», - объясняет Дмитрий Макаров. Он также приводит красноречивые цифры: по состоянию на июль 2015 правозащитниками было зафиксировано 25 фактов давления силовиков на журналистов, тринадцать раз «неудобной» прессе запрещали посещать и освещать официальные мероприятия. На федеральном и местном уровне было принято четыре документа, ограничивающих свободу слова. Среди них - вышеупомянутые поправки к Уголовному кодексу. Кроме того, в мае 2014 года была введена уголовная ответственность за «публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» (сепаратизм), а уже в июле 2014 года уголовная ответственность за сепаратизм была ужесточена.

Менее чем за год - с сентября 2016 по июль 2017 года российский реестр запрещенных материалов пополнился более чем на полторы тысячи наименований. Сейчас в «черном списке» - более 4 тысяч статей, постов в соцсетях и целых сообществ (http://minjust.ru/ru/extremist-materials?field_extremist_content_value=&page=20).

Экстремистскими организациями в РФ признано около 60 структур, в том числе и не запрещенные в Украине: Меджлис крымскотатарского народа, Хизб-Ут-Тахрир, Управленческий центр «Свидетелей Иеговы» и 395 его региональных отделений (http://minjust.ru/nko/perechen_zapret).

Отдельные персоналии, которые особо активно высказываются по крымской тематике в СМИ, даже внесены в список террористов и экстремистов (<http://fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act>). В том числе, замглавы Меджлиса Ильми Умеров и украинские журналисты, крымчане Анна Андриевская, Андрей Клименко и Олег Сенцов. В целом, в этом списке, по состоянию на июль 2017 года, числилось более 7,5 тысяч человек.

Украинское законодательство не предусматривает отдельной ответственности для СМИ и последствий в виде закрытия, ликвидации или лишения лицензии. Так же, как и уголовной ответственности за клевету и печать, или демонстрацию запрещенной символики. Налагать санкции и исключать из реестра разрешенных иностранных СМИ может лишь Национальный совет по вопросам телевидения и радио. Например, в 2017 году Национальным советом из списка разрешенных для трансляции в кабельных сетях, был исключен российский телеканал «Дождь». Основной причиной

стало появление в эфире карты России с изображением Крыма в ее составе. Это Нацсовет расценил как грубое нарушение украинского законодательства. Под запрет Нацсовета попали еще несколько российских телеканалов, в том числе стилизованный советскими символами, запрещенными в Украине, канал «Ностальгия» и детский телеканал «Карусель», который так же транслировал программы, в которых Крым называли российской территорией.

В мае 2017 года по решению Совета национальной безопасности и обороны Украины из соображений информационной безопасности и противодействия экстремизму были запрещены российские социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники».

В то же время, правоохранными органами Украины по статьям 109 и 110 УК - «действия, направленные на насильственное изменение или свержение конституционного строя или захват государственной власти», и «посягательство на территориальную целостность и неприкосновенность Украины» не было открыто ни одного производства против журналистов или СМИ.

В Крыму же, социальные сети - источники активного поиска экстремистов. Так в отчете КПМ за сентябрь 2015 года говорится сразу о нескольких нарушениях прав работников медиа в Крыму. В частности, 7 сентября руководитель аппарата антитеррористической комиссии Крыма Александр Булычев сообщил, что с начала года по подозрению в экстремизме были задержаны семь блогеров, которые якобы вели два экстремистских сообщества в социальной сети «ВКонтакте», пропагандировали радикальный ислам и распространяли идеи фашизма. Однако, отметили правозащитники, ни одного конкретного примера запрещенного высказывания чиновник не привел.

Кроме того, 22 сентября 2015 года на несколько адресов ведущих СМИ Крыма пришло письмо из Министерства внутренней политики РК. В нем работникам медиа настоятельно рекомендовали исключить из лексикона слово «меджлис», ведь такая организация, по данным подконтрольной РФ крымской прокуратуры, якобы не зарегистрирована в Крыму и Севастополе. Позже эти попытки усмирить крымских татар вылились в полный запрет Меджлиса в 2016 году. По мнению юридического директора Правозащитного центра «Мемориал» Кирилла Коротеева, это решение поставило под удар сотни, если не тысячи крымчан. «Как сторона, подавшая апелляционную жалобу, мы выступали первыми (в Верховном Суде РФ), доказывая, что Междлис - орган демократического представительства, а не общественная организация, что иск о признании экстремистским к такому органу предъявлен быть не может, что деятельность не может считаться экстремистской и т.п. Однако, решение осталось в силе. Что касается последствий: членство в экстремистской организации - преступление по российскому праву. 33 члена Меджлиса в опасности, а органы «на земле» могут распространить преследование и на членов региональных и местных меджлисов, тогда репрессии могут коснуться сотен».

Кроме того, местные оккупационные органы власти пытаются запретить СМИ подавать правдивую информацию о военных операциях России. Так, 29 сентября 2015 года, по данным КПМ, представители Роскомнадзора по телефону запретили редакторам нескольких информационных изданий распространять любую информацию про присутствие российских войск в Сирии.

Более детально с данными мониторинга ситуации с соблюдением прав человека и свободы слова в Крыму можно познакомиться на официальном сайте КПМ (<http://crimeahr.org/>)

Кроме того, в редакции севастопольского издания «Информер» автору этого материала сообщили - подозревают, что их редактора Ирину Остащенко отравили за политические материалы. За пять месяцев до смерти на женщину напали возле

ее собственной квартиры. Тогда журналистка и ее коллеги по редакции связали инцидент с выходом статьи «Севастопольский Че Гевара улетает навсегда?», содержащей критику в адрес так называемого «народного мэра» Севастополя, собственника предприятия «Таврида-Электрик» бизнесмена Алексея Чалого.

Сотрудники «Информера» на условиях анонимности признались, что после подозрительной смерти Ирины Остащенко редакция стала применять самоцензуру. Правозащитники отмечают, что такой способ, как правило, становится нормой в условиях давления на свободу слова, принимая во внимание недостаточную активность власти в расследовании преступлений против журналистов.

Постепенное сворачивание прав и свобод работников СМИ отразилось как на арсенале тем, которые выбирают журналисты, так и на формах и методах их работы. Севастопольский фрилансер Владимир рассказал, что такой вид журналистики, как журналистское расследование, практически исчез со страниц и экранов в Крыму. Причина этого кроется в том, что данный вид требует от журналиста постоянных, в том числе «острых» контактов не только с представителями власти или силовых органов, но и представителями бизнеса, и криминальных структур. В условиях же, когда работники прессы чувствуют себя не просто незащищенными, но скорее весьма уязвимыми, они стараются этих контактов избегать.

Спецкор украинского телеканала «Интер» на полуострове Юлия Крючкова отметила, что сейчас почти невозможно снимать проблемные сюжеты, искать героев, получать официальные и статистические данные. Ведь чиновники почти не идут на контакт с украинскими журналистами, часто исключают их из рассылок о запланированных мероприятиях, да и вообще, почти не приглашают и не сообщают о пресс-конференциях и событиях с участием официальных лиц. К тому же, съемочную группу Юлии уже несколько раз задерживали правоохранители несмотря на то, что «Интер» - единственный украинский телеканал, который получил разрешение российского МИД на работу в Крыму. «Первый раз повод был достаточно странный. Якобы правоохранителям пришел сигнал от анонимного лица о том, что у нас могут быть запрещенные предметы. Нас задержали, досмотрели автомобиль, провели в участок, где около пяти часов проверяли наши личности. И это при том, что на руках у нас были все документы, включая редакционные удостоверения и разрешение МИД», - поделилась деталями Юлия Крючкова.

Одна из крымских журналисток, редактор интернет-портала новостей, рассказала в личной беседе - в таких условиях боится за свою жизнь и свободу. Поэтому наотрез отказалась опубликовать свое имя. Решение пояснила так: «Ни один из узников концлагеря никогда не скажет правды о своей жизни - или солжет, или смолчит».

Весной 2015 года Крымом прокатилась волна обысков и добровольно-принудительных бесед с наиболее активными проукраинскими журналистами. Кто-то попал в «черные списки» ФСБ как свидетель, а кто-то - уже как фигурант уголовного дела. По данным Центра информации о правах человека, к сентябрю 2016 года на полуострове было возбуждено 5 уголовных дел по фактам «экстремизма» в социальных сетях и 3 уголовных дела в отношении крымских журналистов по статье, предусматривающей уголовную ответственность за «призывы к сепаратизму» (https://humanrights.org.ua/ru/material/aktualna_infografika_pro_stan_svobod_i_slova_v_okupovanomu_krimu). Эти события по сути выдавили большинство украинских медийщиков с крымского рынка. По состоянию на апрель 2015 года эксперты КПМ зафиксировали сокращение числа СМИ в Крыму на 88%. Правозащитники связывают это, в том числе и со страхом работников прессы быть арестованными по политическим мотивам, и с давлением структур власти на медиа, вплоть до принудительного лишения лицензии на вещание некоторых оппозиционных СМИ.

Так, с первого апреля 2015 года прекратил свое вещание единственный

крымскотатарский телеканал «АТР». «Компания четыре раза подавала в Роскомнадзор документы для перерегистрации, однако каждый раз получала отказ», - процитировал гендиректора телеканала Эльзару Ислямову местный сайт Керчь.ФМ. В итоге, АТР вместе со всей редакцией вынужден был перебраться на материковую Украину и продолжил вещание из Киева. В Крыму осталось лишь ФБ-сообщество «Крымский репортер», до сих пор готовящее видеоматериалы с полуострова, которые использует опальный телеканал.

В ноябре 2015 года крымская прокуратура, подконтрольная властям РФ, возбудила уголовное дело против собственника АТР Ленура Ислямова. Бизнесмен стал одним из инициаторов «торговой блокады», а позже - и «энергоблокады» полуострова. Расследуя это дело, силовики наведались с обысками к редактору крымского отделения телеканала Лилии Буджуровой.

Еще раньше пришлось вывезти редакцию и часть оборудования украиноязычной телерадиокомпании Министерства обороны Украины «Бриз». При этом и военным, и гражданским журналистам СМИ не единожды угрожали расправой и уголовными делами, сообщил главный редактор ТРК капитан 1 ранга Иван Чмиль. Российские военные изъяли часть редакционной собственности и ценный видеоархив. Уникальные кадры весны 2014 года, когда происходил захват Крыма российскими военными, были изъяты и частично уничтожены. Часть материалов редакции, по свидетельствам ее журналистов, попала на полки спецслужб РФ, часть незаконно продали иностранным телеканалам.

На сегодняшний день доступ украинских и иностранных СМИ в Крым катастрофически ограничен. Для того, чтобы официально работать на оккупированном полуострове, журналисты вынуждены балансировать на грани украинского закона, ведь с точки зрения официального Киева СМИ не имеет права просить у Москвы аккредитацию на работу журналистов в Крыму, поскольку это может быть расценено как косвенное признание российского статуса полуострова. Таким образом, сеть сотрудников украинских медиа в 2017 году представлена в основном фрилансерами, которые работают анонимно, а, значит, сильно ограничены в доступе к информации, в том числе не имеют возможности открыто посещать официальные мероприятия, делать информационные запросы.

Однако, аккредитация также не решает всех проблем. В феврале 2017 года в Симферополе была задержана съемочная группа телеканала СТБ, которая в качестве эксперимента получила разрешение российского МИД на работу в украинском Крыму (<https://www.facebook.com/lunkovaalyona/posts/10207079799107821>). Журналисток Алену Лунькову и Ирину Ромалийскую полицейские проверяли несколько часов, при этом изъяли их документы. Девушки признались - считают, что именно широкая огласка инцидента в соцсетях и медиа не допустила того, чтобы ситуация стала более серьезной. Журналисток отпустили, однако, по их словам, на протяжении всего визита, они чувствовали за собой особое внимание правоохранителей.

Однако, подобные факты давления на свободу слова не волнуют довольно большую прослойку работников местных крымских медиа. Мои собеседники в пророссийских и провластных интернет-изданиях Севастополя открыто гордятся своими материалами, несмотря на то, что в них зачастую эмоциональность превалирует над здравым смыслом, а изложение фактов и их оценка граничат с плохо скрываемой манипуляцией. Объясняют это тем, что якобы делают полезное для России дело - не информируют, а корректируют общественное мнение под нужды государства. Вот лишь несколько примеров заголовков крымских СМИ: «План Барака Обамы по установлению контроля над Правительством Севастополя с треском провалился!», «США требует от Украины дать геям бразды правления», «Боевики

ИГИЛ сбывают бороды и бегут из Сирии под видом женщин».

Еще больше идеологического соуса в материалы местных СМИ добавили российские журналисты, которые заполнили вакансии, освободившиеся после оттока украинских кадров. Конкретных цифр исследователи медиа пока не дают, ведь методику такого подсчета тяжело разработать. Ввиду того, что 88% медиа были закрыты, а с тех телеканалов, интернет-изданий и газет, которые работают, увольнялись и до сих пор увольняются люди, на смену им приходит как новое поколение крымских журналистов, так и «гости» с территории России. По предположению моих собеседников-журналистов, состав работников медиа-сферы обновился на 50-90%. Из них, в среднем половина журналистов, видео операторов и редакторов прибыла из российских регионов.

В общем ситуация такова, что оппозиционные журналисты и целые медиа-организации в Крыму находятся под постоянным давлением со стороны структур власти и ФСБ. Причина этому, по мнению юристов, именно в российском законодательстве, которое позволяет трактовать критические высказывания и несогласие с позицией крымской и российской власти как экстремизм и сепаратизм. К тому же, общую ситуацию обостряет нежелание чиновников и следователей объективно расследовать уже известные факты давления на прессу в Крыму - их или не расследуют вовсе, или расследуют вяло. Поэтому, по мнению правозащитников, работники медиа на полуострове чувствуют себя незащищенными, они вынуждены скрывать свою позицию под псевдонимами или заниматься самоцензурой. Эту мысль доказывают и свидетельства моих собеседников, которые продолжают работать в медиа в условиях оккупации. Причем, лишь единственный украинский телеканал получил официальное разрешение российского МИД на работу в Крыму - Интер. Остальные украинские и иностранные СМИ на полуострове - вне закона с точки зрения РФ. Такие крупные информканалы, как Reuters, BBC, Радио Свобода получают информацию или от своих российских бюро, или от местных фрилансеров. Иногда украинские и иностранные журналисты, вооружившись маленькими камерами или даже мобильными телефонами, едут в Крым неофициально, под видом туристов или гостей, и, таким образом, скрываясь от силовых структур, получают эксклюзивные материалы о жизни полуострова. Но сами они тогда не защищены информационным законодательством и могут быть даже приравнены к иностранным шпионам.

В основном доступ к информационному полю Крыма и Севастополя ограничен из-за неопределенного статуса этой территории. С точки зрения Украины и подавляющего большинства стран мира - это временно оккупированная часть территории Украины. С точки зрения России - это часть Федерации, которая подчиняется общим правилам и законам РФ.

Улучшить ситуацию со свободой слова в Крыму можно было бы с созданием независимой международной мониторинговой миссии, мандат и работа которой основывались бы на общепризнанных стандартах журналистики и стандартах прав человека. Такая миссия могла бы работать под патронатом известных европейских или американских организаций (как, например, «Репортеры без границ»), и могла бы получать разрешение на работу и публикацию материалов исследований за границей и от Украины, и от России. Это позволило бы частично вывести информационное поле Крыма из полной изоляции. Однако, даже такой миссии сложно было бы работать в условиях, когда журналисты, блогеры и общественные деятели не доверяют официальным структурам и боятся за свои жизнь и свободу.

«КРЫМ БЕЗ ПРАВИЛ. Тематический обзор ситуации с правами человека в условиях оккупации». - Вып. 4 - Информационная оккупация / Под общей ред.: С. Заец, Р. Мартыновский, Д. Свиридова. – Киев, 2017. - 92 с.

Публикация рассчитана на представителей международных организаций, дипломатических миссий, государственных органов и профессионального юридического сообщества, которые нуждаются в информации о применении международных стандартов прав человека в условиях оккупации Крыма.

Тематический обзор издается в электронном виде и распространяется бесплатно. Материалы доступны на украинском, русском и английском языках. Использование публикаций разрешается с обязательной ссылкой на источник и указание авторства. Если автор материала прямо не указан, все права на материал принадлежат экспертно-аналитической группе CHROT. С более полной версией материалов, включенных в издание, а также с другими материалами по теме можно ознакомиться на сайте precedent.crimea.ua

КРЫМ БЕЗ ПРАВИЛ

Другие выпуски серии.

На момент публикации этого выпуска увидели свет или готовятся к публикации:

Выпуск 1. Свобода передвижения и свобода выбора места жительства.

Выпуск 2. Право собственности.

Специальный выпуск. Перемещение гражданского населения Российской Федерации на оккупированную территорию Украины.

Выпуск 3. Право на гражданство.

Выпуск 4. Информационная оккупация.

С этими и другими материалами по теме соблюдения международных стандартов прав человека властями Украины и Российской Федерации в контексте оккупации Крымского полуострова можно ознакомиться на сайте

precedent.crimea.ua

Вам нужна помощь при обращении в Европейский суд? Заполните анкету по ссылке goo.gl/forms/KLqi9LsA5Z

Вы хотите поделиться своим мнением или предложить материал для публикации в следующих выпусках? Пишите на адрес help@precedent.crimea.ua